

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. Г. Збенович

ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКИЕ
ПЛЕМЕНА
СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ — 1974

902.6
3-41

Монография посвящена южному (усатовскому) варианту широко известной трипольской культуры, занимавшему во 2-ой половине III тысячелетия до н. э. причерноморские степи. Рассматриваются вопросы материальной и духовной культуры, хозяйства, быта и истории усатовских племен. Большое внимание уделено их связям с древним населением Кавказа, Нижнего Подунавья, Балкан и Восточного Средиземноморья.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН УССР *С. Н. Бибиков*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н. Я. Мерперт*,
кандидат исторических наук *Ю. Н. Захарук*

Редакция археологической литературы

З $\frac{10902-203}{M221(64)-74}$ 203-74

© Издательство «Наукова думка», 1974 г.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее важных проблем, связанных с эпохой энеолита юга Европейской части СССР, является вопрос о характере и результатах взаимоотношений между близкими территориально, но различными в этническом и хозяйственном отношении культурами. Применительно к Правобережной Украине и Молдавии речь идет о земледельческой трипольской культуре и ряде степных скотоводческих культур, распространенных к востоку от нее.

В середине III тысячелетия до н. э. некогда монолитная (несмотря на определенные местные различия) трипольская культура распадается на локальные варианты, заметно отличающиеся друг от друга. Некоторые из них развиваются на территории, не занятой трипольской культурой. В быту и культуре позднетрипольских племен появляются многие черты, не свойственные им ранее, однако характерные для соседних иноэтничных племен. Последние, несомненно, сыграли определенную роль в постепенной утрате ряда основных признаков трипольской культуры, то есть в так называемом процессе исчезновения Триполья. Судьба разных групп трипольского населения, занимающего огромную территорию и соседствующего с носителями различных культур, не могла быть аналогичной повсеместно, поэтому процесс исчезновения Триполья должен быть прослежен применительно к каждому его локальному варианту.

Особенно интенсивно этот процесс проходил в Северо-Западном Причерноморье, в районе непосредственного соприкосновения Триполья и более восточных степных культур. Во второй половине III тысячелетия до н. э. здесь были распространены памятники усатовского типа, оставленные племенами, которые своим основным занятием (скотоводство) и некоторыми аспектами материальной и духовной культуры заметно отличались от земледельческого трипольского населения более северных лесостепных районов. Неудивительно, что некоторые исследователи предполагают существование здесь самостоятельной усатовской культуры, не связанной генетически с трипольской.

Важность памятников усатовского типа для уяснения процесса деградации Триполья и его причин не вызывает сомнения, однако этим не исчерпывается их значение. Подвижные усатовские племена распространились на значительной территории от Побужья на востоке до Прута и низовьев Дуная на западе, занимая степную полосу вдоль побережья Черного моря. Именно этот путь связывал Северное Причерноморье с такими центрами мощных энеолитических цивилизаций Старого Света, как Кавказ и Балканский п-ов. Географическое положение усатовских племен обусловило их контакты не только с населением соседних лесостепных и степных районов, но и с более отдаленными племенами Северного Кавказа, с одной стороны, Нижнего Подунавья, Балканского п-ова

и даже Восточного Средиземноморья — с другой. Таким образом, решение частных проблем, связанных со сравнительно небольшой группой энеолитических памятников Северо-Западного Причерноморья, должно в какой-то мере помочь выяснению общей, весьма сложной картины исторических событий — миграций, взаимопроникновений, ассимиляций, исчезновения одних и появления других общностей на территории Юго-Восточной Европы на рубеже энеолита и раннебронзового века.

Археологическое изучение памятников усатовского типа началось еще в конце прошлого столетия, когда при раскопках многочисленных причерноморских курганов с «окрашенными костяками» были обнаружены великолепные расписные сосуды. В 1896—1900 гг. И. Я. Стемпковский, исследовавший более 300 курганов на Нижнем Днестре вблизи г. Тирасполя, нашел такие сосуды в курганах у сел Суклея (курганы № 2, 3, 205), Парканы (№ 90, 91, 147, 182), Красногорка (№ 240), Плоское (№ 263), Терновка (№ 179, 79). К сожалению, результаты интересных и важных раскопок И. Я. Стемпковского в значительной степени обесценены из-за несовершенства полевой методики (записи в его дневниках весьма кратки и схематичны, графическая документация почти полностью отсутствует). В 1903 г. В. И. Гошкевич, публикуя дневники И. Я. Стемпковского, связал упомянутые выше курганы с племенами киммерийцев, причем расписная керамика, по мнению автора, была привозной, греческой¹.

Расписные сосуды также выявил Д. Я. Самоквасов в 1906 г. при раскопках кургана у с. Шабалат в устье Днестра².

В 1913 г. А. В. Добровольский, раскапывая большой курган в Слободке-Романовке (окраина Одессы), обнаружил в его насыпи расписной сосуд с крышкой. Исследователь указал на сходство этого сосуда с расписной керамикой из раскопок И. Я. Стемпковского и отметил его близость с посудой трипольской культуры³.

Если в дореволюционный период исследование памятников усатовского типа в Причерноморье носило случайный характер, то уже в первые годы Советской власти началось систематическое их изучение, позволившее археологам установить, что это не изолированные находки, а значительное историко-культурное явление.

В 1921 г. М. Ф. Болтенко провел первые раскопки поселения на территории сел Усатово—Большой Куяльник под Одессой, положившие начало многолетнему исследованию этого памятника⁴.

В 1926 г. началось исследование большой курганной группы, расположенной на территории с. Усатово, в непосредственной близости от поселения. Всего в предвоенные годы здесь было раскопано 11 курганов. Раскопки велись в основном под руководством Е. Ф. Лаговойской, много

¹ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ. Херсон, 1903, стр. 143.

² Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 21.

³ А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка.— ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915, стр. 134—142.

⁴ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большокуяльнического поля культурных остатков.— ВОРК, № 2-3. Одесса, 1925, стр. 48—64; его же. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника.— МАСП, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 24—33.

сделавшей для подлинно научного изучения памятников усаговского типа и позднего Триполья в целом ⁵.

В 1933—1936 г. были исследованы три кургана на втором курганном могильнике, расположенном в 1,5 км от поселения на территории сельского кладбища.

В 1936 г. при добыче строительного камня был почти полностью разрушен грунтовой могильник, относящийся, как и оба курганных некрополя, к поселению и расположенный рядом с ним. Здесь удалось обнаружить лишь два погребения с весьма бедным инвентарем.

Раскопками на территории сел Усатово—Большой Куяльник в основном исчерпывается полевое исследование памятников усатовского типа в довоенные годы ⁶. Следует заметить, что большой материал, полученный во время этих раскопок, был опубликован лишь в незначительной части, что заметно сужало рамки научных исследований.

Новые неолитические памятники на территории Северо-Западного Причерноморья выявлены полевыми исследованиями послевоенных лет. Особый интерес представили исследования в Поднестровье. Здесь, в Черновицкой области УССР, в северной и центральной частях Молдавии на протяжении 12 лет работали Трипольская и Молдавская экспедиции ИА АН СССР под руководством Т. С. Пассек, детально исследовавшие среднее и нижнее течение Днестра. В результате были выявлены десятки позднетрипольских поселений и могильников, составляющих особую локальную группу, имеющую сходство с усатовскими памятниками ⁷. Наиболее показателен в этом плане грунтовой могильник в с. Выхватинцы (Рыбницкий район МССР), изученный под руководством Т. С. Пассек ⁸.

Возобновилось также полевое изучение памятников усатовского типа. Значительным успехом явилось открытие двух поселений на территории Румынии (правый берег р. Прут). Одно из них Стойкани ⁹, оказалось совершенно разрушенным гальштатским могильником. Здесь собран лишь подъемный материал (немного керамики, статуэтка). Соседнее поселение Фолтешти ¹⁰ сохранилось лучше, хотя слой его также был

⁵ Отчеты о раскопках Усатовских курганов, составленные Е. Ф. Лагодской, хранятся в научных архивах Одесского археологического музея и Института археологии АН УССР.

⁶ В 1940 г. учитель А. А. Ширяев раскопал курган в с. Тудорова (в низовьях Днестра). Несколько расписных сосудов, найденных при раскопках, хранятся сейчас в музее им. Суворова в г. Измаиле. Из соседнего села Олонешты происходят два сосуда, переданные незадолго до начала войны в краеведческий музей г. Белгород-Днестровский. Найдены они, по-видимому, при раскопках кургана.

⁷ Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре.— ИМФ АН СССР, № 5 (25). Кишинев, 1955, стр. 15—29.

⁸ А. Е. Алихова. Выхватинский могильник.— КСИИМК, вып. XXVI. М., 1949, стр. 69—75; И. Г. Розенфельдт. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 г.— КСИИМК, вып. 56. М., 1954, стр. 98—103; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА, № 84. М., 1961, стр. 146—182.

⁹ M. Petrescu—Dâmbovița. Cetățuia dela Stoicani.— Materiale arheologice privind istoria veche a RPR, v. I. București, 1953, стр. 112—116.

¹⁰ M. Petrescu—Dâmbovița, I. Casaп, C. Mateescu. Săpăturile arheologice dela Foltești.— SCIV, I, 1951, стр. 249—266.

нарушен в более позднее время. Раскопками, проведенными в 1950 г., выявлены остатки углубленных жилищ, хозяйственные ямы, керамика, изделия из камня и кости. Позднее (1955 г.) в Брэилице (Мунтения) было обнаружено курганное погребение усатовского типа¹¹. Указанные памятники помогли уточнить территорию расселения усатовских племен.

Значительное количество памятников усатовского типа было открыто и в Нижнем Поднестровье. В 1954 г. во время раскопок многослойного поселения в с. Голерканы на правом берегу Днестра (Криулянский район, МССР) обнаружены три детских грунтовых погребения¹² — остатки могильника, близкого Выхватинскому, однако относящегося по ряду признаков к памятникам собственно усатовского типа. Аналогичный могильник был, по-видимому, открыт и у с. Раскайцы (отсюда происходят несколько расписных сосудов, доставленных в Кишиневский краеведческий музей учителем А. А. Ширяевым)¹³.

В 1958 г. скифский отряд Молдавской экспедиции провел разведку в низовьях Днестра, во время которой вблизи сел Слободзея (левый берег реки) и Паланка (правый берег) обнаружены немногочисленные фрагменты керамики усатовского типа, следы разрушенных поселений¹⁴. В с. Тудорово обнаружено одиночное грунтовое погребение с двумя целыми усатовскими сосудами¹⁵. В этом же селе был раскопан один из восьми курганов на поле Кырнекар. В кургане вскрыт ряд погребений с богатым инвентарем — расписными и сероглиняными сосудами, медными изделиями¹⁶.

В 1961 г. Западносифской экспедицией Института археологии АН СССР в низовьях Днестра (на левом берегу) обнаружены поселения усатовского типа в селах Граденицы и Маяки (Беляевский район Одесской обл.)¹⁷. Первое из них совершенно разрушено плантажной вспашкой, второе — оказалось пригодным для дальнейших раскопок.

Вместе с исследованием новых памятников усатовского типа в Нижнем Поднестровье продолжались работы на территории сел Усатово—Большой Куяльник. Еще в 1946 и 1948 гг. на площади древнего поселения Е. Ф. Лагодовская вскрыла несколько ям, содержащих культурные остатки¹⁸. В 1960 г. Одесский археологический музей продолжил раскоп-

¹¹ N. Harțușchi, I. T. Dragomir. Săpăturile arheologice de la Brăilița.—МСА, в. III. București, 1957, стр. 139—144.

¹² Т. С. Пассек. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 г.—ИМФ АН СССР, № 4 (31). Кишинев, 1956, стр. 25—26.

¹³ Т. С. Пассек. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г.—КСИИМК, вып. 70. М., 1957, стр. 86.

¹⁴ А. И. Мелюкова. Отчет о работе отряда скифской археологии Молдавской экспедиции в 1958 г., стр. 10, 14. Архив ИА АН СССР.

¹⁵ Там же, стр. 17.

¹⁶ А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у с. Тудорово.—КСИА, № 88. М., 1962, стр. 74—83.

¹⁷ А. И. Мелюкова. Отчет о разведках, проведенных Западносифской экспедицией летом 1961 г., стр. 7, 10—11. Архив ИА АН СССР.

¹⁸ О. Ф. Лагодовська. Усатівська експедиція 1946 р.—АП, т. II. К., 1949, с. 201—203; е е же. Усатівська експедиція 1948 р.—АП, т. IV. К., 1952, стр. 124—130.

ки курганной группы в с. Усатово. Э. Ф. Патокова в 1960—1962 гг. исследовала курганы № 12, 13¹⁹, 15²⁰, а В. Г. Збеневич — курган № 14²¹.

В 1961 г. на пахотном поле, между поселением Усатово—Большой Куяльник и курганным могильником, на территории сельского кладбища И. Т. Черняков и В. Г. Збеневич обнаружили каменные плиты и фрагменты керамики усатовского типа. Разведочные раскопки автора выявили здесь грунтовой могильник, аналогичный обнаруженному в 1936 г.²² В 1964 и 1969 гг. раскопки могильника продолжила Э. Ф. Патокова²³.

В последние годы список памятников усатовского типа значительно пополнился. Особенно важно то обстоятельство, что они открыты к западу от Днестра на территории бывшей Бессарабии (так называемая Буджакская степь). Таким образом, на карте распространения этих памятников заполняется свободное пространство от нижнего течения Днестра до низовьев Прута и Дуная. В 1961 г. И. Т. Черняков и В. Н. Станко раскопали курган у с. Сарата (левый берег р. Сарата)²⁴. В 1964—1970 гг. Днестро-Дунайской экспедицией ИА АН УССР, работающей в зоне строительства Придунайской оросительной системы, исследован ряд курганов, где основными были погребения усатовского типа (у г. Болград, близ сел Нерушай, Огородное, Суворово, Утконосовка и другие)²⁵. Кроме усатовских, в них обнаружены также погребения ямной культуры, что дает основание для определенных хронологических сопоставлений.

В 1964—1965 и 1970 гг. автор провел раскопки на уже упоминавшемся поселении у с. Маяки в низовьях Днестра, где были обнаружены древние рвы и выявлен значительный вещественный материал²⁶.

Широкие полевые исследования закономерно привели к появлению работ, в которых наряду с публикацией памятников усатовского типа разрабатывались отдельные их проблемы. Так, материалы, полученные

¹⁹ Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12.—КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 102—123; ее же. Раскопки Усатовского кургана № 13 в 1961 г.—КСОГАМ за 1961 г. Одесса, 1963, стр. 12—16.

²⁰ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана I—15 в 1962 г.—КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, стр. 44—47.

²¹ Курган оказался ограбленным. Найдены обломки керамики и медных предметов. См. отчет автора в Научном архиве ИА АН УССР.

²² В. Г. Збеневич. Раскопки бескурганного могильника в с. Усатово.—КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 37—45.

²³ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского бескурганного могильника в 1964 г.—МАСП, вып. 7, 1971, стр. 200—210; ее же. Раскопки Усатовского бескурганного могильника.—Археологические открытия 1969 г. М., 1970, стр. 230—231.

²⁴ И. Т. Черняков. Позднеприпольский курган у с. Сарата Одесской обл.—КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 32—37.

²⁵ Н. М. Шмаглый, И. Т. Черняков. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра.—МАСП, вып. 6, ч. I. Одесса, 1970, стр. 5—115; Л. В. Субботин, Н. М. Шмаглый. Болградский курганный могильник.—там же, стр. 116—129; Л. В. Субботин, А. Г. Загняйло, Н. М. Шмаглый. Курганы у с. Огородное.—там же, стр. 130—155; Н. М. Шмаглый, И. Т. Черняков, И. Л. Алексеева. Курганы Нижнего Подунавья.—АО за 1970. М., 1971, стр. 233—234.

²⁶ В. Г. Збеневич. Поселение усатовского типа в с. Маяки.—МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, стр. 192—200.

еще до войны при раскопках в с. Усатово—Большой Куяльник, позволили сделать ряд важных выводов о хозяйственной деятельности жителей древнего поселения, в частности, о большой роли скотоводства в их экономике. Изучение могильников и сравнение найденного в них погребального инвентаря привело исследователей к мысли о начавшемся социальном расслоении усатовского общества и его патриархально-родовом укладе. Были также подвергнуты анализу идеологические воззрения древних обитателей поселения Усатово—Большой Куяльник ²⁷.

Наиболее полно усатовские памятники (включая описание керамики, орудий труда, погребального обряда и т. д.) охарактеризовала Т. С. Пассек ²⁸. Некоторые аспекты истории, материальной и духовной культуры усатовских племен были рассмотрены в работах С. Н. Бибикова ²⁹, Т. С. Пассек ³⁰, Т. Г. Мовши ³¹, Э. Ф. Патоковой ³² и других исследователей.

Необходимо, однако, подчеркнуть то обстоятельство, что все работы, касающиеся памятников усатовского типа, основаны главным образом на одном источнике — материалах довоенных раскопок в с. Усатово, которые в свое время не были достаточно полно опубликованы, а последующее их изучение чрезвычайно затруднялось из-за отсутствия должной полевой документации. Кроме того, единственный комплекс памятников, пусть даже весьма значительный и важный, не дает представления о всей культуре. Эта узость источниковедческой базы мешала исследователям поставить и решить ряд важных вопросов исторического порядка. Среди них основным является вопрос о характере и культурном содержании памятников усатовского типа и об отношении их к памятникам трипольской культуры предшествующих этапов. Поскольку вопрос этот имеет принципиальное значение, необходимо охарактеризовать высказанные в литературе точки зрения.

Еще в начале 20-х годов М. Ф. Болтенко ввел в научный оборот термин «усатовская культура», указав на связи этой культуры с Трипольем и малоазийско-эгейским миром, но отметив ее своеобразие ³³. Последующие раскопки в Усатово, а также новые материалы памятников триполь-

²⁷ О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатівської культури.— НЗПА, кн. 1. Уфа, 1943, стр. 53—66; ее же. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України.— Вісник АН УРСР, 1947, № 6, стр. 47—57; Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры.— МИА, № 2. М.—Л., 1941, стр. 250.

²⁸ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10. М.—Л., 1949, стр. 189—215.

²⁹ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днепре.— МИА, № 38. М.—Л., 1953.

³⁰ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 140—171.

³¹ Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения.— МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 58—76.

³² Э. Ф. Патокова. Металеві вироби з Усатова.— Праці Одеського державного університету, т. 149, вип. 7. Одесса, 1959, стр. 89—97; ее же. Костяные и роговые изделия из Усатова.— МАСП, вып. IV. Одесса, 1962, стр. 191—194; ее же. Обряд погребения усатовских курганных могильников.— ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1967, стр. 11—23.

³³ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большокуяльнического поля..., стр. 62—64.

ской культуры, полученные в 30-х годах, убедили М. Ф. Болтенко в прочной генетической связи между усатовской и трипольской культурами³⁴.

В 1935 г. вышла работа Т. С. Пассек о керамике трипольской культуры, в которой автор выделила в особую группу расписные сосуды, обнаруженные в курганах Украины и Молдавии (Белозерка, Слободка-Романовка, Шабалат, Суклея, Парканы и др.), а также аналогичную керамику из раскопок М. Ф. Болтенко в с. Усатово—Большом Куяльнике. На основании стиля росписи эту посуду (а вместе с ней и всю указанную группу памятников) Т. С. Пассек отнесла к позднему этапу развития трипольской культуры (этап γ/II)³⁵. Впоследствии, когда В. П. Петров и Е. Ю. Кричевский провели раскопки позднетрипольского поселения в с. Городск на Воляни³⁶, Е. Ю. Кричевский³⁷, и Т. С. Пассек³⁸, сопоставив материалы Усатово, Городска и их аналогов, выделили поздний (городско-усатовский) этап Триполья, объединяющий памятники большого территориального диапазона.

Е. Ф. Лагодовская в 40-х годах приходит к выводу о том, что в Северо-Западном Причерноморье в эпоху энеолита бытовала самостоятельная усатовская культура, являющаяся, однако, последовательным шагом в развитии классического Триполья³⁹. Через несколько лет, когда позднее Триполье удалось расчленить на ряд локальных вариантов⁴⁰, Е. Ф. Лагодовская выделила памятники усатовского типа в один из этих вариантов, отметив, что в его сложении приняли участие не только трипольские, но и соседние иноэтнические племена⁴¹. Сейчас почти все советские исследователи Триполья (Т. С. Пассек, С. Н. Бибику, Ю. Н. Захарук, Т. Г. Мовша и др.) считают, что памятники усатовского типа, как и более северные локальные варианты (среднеднестровский, верхнеднестровский, южнобугский, софиевский, городско-волянский), заключают собой эволюцию трипольской культуры и неразрывно связаны с предыдущими этапами ее развития. Их поддерживают многие румынские археологи, изучавшие на территории своей страны поселения типа Городища—Фолтешти, аналогичные городско-усатовским памятникам⁴².

³⁴ Т. С. Пассек. Четвертая научная конференция Института археологии АН УССР.— КСИИМК, вып. XII, М., 1946, стр. 164.

³⁵ T. Passek. La céramique Tripoliéenne.— ИГАИМК, вып. 122, Л., 1935.

³⁶ В. П. Петров. Поселення в Городську (розвідкові розкопки 1936 р.).— Трипільська культура. К., 1940, стр. 339—382; Е. Ю. Кричевський. Поселення в Городську (розвідкові розкопки 1937 р.); там же, стр. 384—451.

³⁷ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры, стр. 245—253.

³⁸ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 157—215.

³⁹ О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатівської культури, стр. 65; еє же. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України, стр. 56.

⁴⁰ Е. Ф. Лагодовская. Трипольское поселение в с. Сандраки Винницкой области и некоторые вопросы позднего Триполья.— КСИА, в. 2, К., 1953, стр. 76—77; Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 28.

⁴¹ О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу.— Археологія, т. VIII, К., 1953, стр. 95—108.

⁴² J. Nestor. Cu privire la periodizarea etapelor tirzii ale neoliticului din RPR.— SCIV, 1959, № 2, стр. 247—260; D. Berciu. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetari. București, 1961, стр. 138—148.

Этому мнению противостоит другая точка зрения, согласно которой в Северо-Западном Причерноморье существовала особая усатовская культура, этнически чуждая трипольской, но находящаяся с ней в определенных взаимоотношениях. Эту идею отстаивают, в частности, М. Гимбутас, В. Думитреску и другие, чьи взгляды будут более подробно рассмотрены ниже.

* * *

Основные работы, посвященные усатовской проблематике, были написаны в 40-х — начале 50-х годов. С тех пор значительно возросло количество исследованных памятников усатовского типа, что способствовало дальнейшему их научному осмыслению. Так, раскопки поселения в Маяках дали новые важные материалы, позволяющие глубже изучить материальную культуру усатовских племен, уяснить их связь с соседним населением, уточнить вопросы хронологии. Большое значение для выяснения исторических судеб усатовских племен имели раскопки курганов на территории Днестро-Дунайского междуречья.

За последние годы значительные успехи были достигнуты в изучении поздне трипольских памятников Лесостепи, соседних энеолитических культур (средне стоговская, ямная и др.), а также синхронных культур западных территорий — Нижнего Подунавья, Балканского п-ва. Поэтому сейчас необходимо на более весомой фактической основе рассмотреть памятники усатовского типа, выявить их специфику, обосновать относительную и абсолютную хронологию, поставить вопрос о их сложении и месте в круге энеолитических культур Северного Причерноморья и соседних территорий.

Этой цели и посвящена настоящая работа. При ее подготовке мы изучили археологические коллекции в музеях и научно-исследовательских институтах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Кишинева и других городов, а также использовали материалы собственных раскопок. Много ценных сведений автор почерпнул из отчетов Е. Ф. Лаговойской, хранящихся в архивах Одесского государственного археологического музея и ИА АН УССР.

Автор с уважением и благодарностью вспоминает своих предшественников — М. Ф. Болтенко, Е. Ф. Лаговскую, Т. С. Пассек, труд которых сделал возможным появление этой монографии.

ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ

Памятники усатовского типа сосредоточены в Северо-Западном Причерноморье, занимая в основном юг Украины и Молдавии (рис. 1). Полевые исследования последних лет, проведенные в Нижнем Поднестровье и Днестро-Дунайском междуречье, во многом способствовали уточнению карты распространения этих памятников, составленной в 1953 г. Е. Ф. Лагодовской¹.

Северная их граница проходит южнее пограничья Степи и Лесостепи (линия Рыбница—Балта—Первомайск). Наиболее северным памятником усатовского типа является грунтовой могильник у с. Голерканы, расположенный на правом берегу Днестра выше устья Реута. Южная граница памятников усатовского типа совпадает с морским побережьем. На западе усатовские племена проникли на правый берег Прута и в зону пресных придунайских озер. Наиболее западной точкой пока является курган у с. Брэилица на Дунае.

Вопрос о восточной границе расселения усатовских племен еще окончательно не решен, в связи с плохой изученностью Буго-Днестровского междуречья. Нам представляется спорным отнесение к памятникам усатовского типа некоторых курганов и поселений Побужья (Серезлиевка, Ольшанка и др.), но более обстоятельно мы коснемся этого вопроса в последней главе работы.

В пределах очерченной территории сейчас известно около 60 памятников усатовского типа, распространенных, однако, далеко не равномерно. Весьма густо были заселены берега Днестра на участке от устья Реута до лимана: здесь известно более двадцати памятников. Значительная группа памятников сосредоточена северо-западнее Одессы, на территории сел Усатово—Большой Куяльник (западный берег Хаджибейского лимана)². Ядром группы является большое поселение, вокруг которого расположено несколько могильников (рис. 2). Один из них находится в 500 м к западу от поселения, в центре с. Усатово. В 30-х годах, когда началось систематическое изучение Усатовского некрополя, здесь на площади около 3,5 га было заметно до двадцати курганных насыпей, причем многие курганы, находившиеся на усадьбах жителей села, совершенно распаханы, так что в целом вся группа могла насчитывать 30—40 насыпей. С 1926 по 1963 гг. здесь раскопано 15 курганов³.

¹ О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу, стр. 101.

² Над монографическим описанием Усатовско-Большокуяльнического комплекса сейчас работает Э. Ф. Патокова.

³ Могильник, расположенный в центре села, обычно отмечается цифрой I; могильник на территории сельского кладбища — цифрой II. Арабскими цифрами обозначены номера курганов.

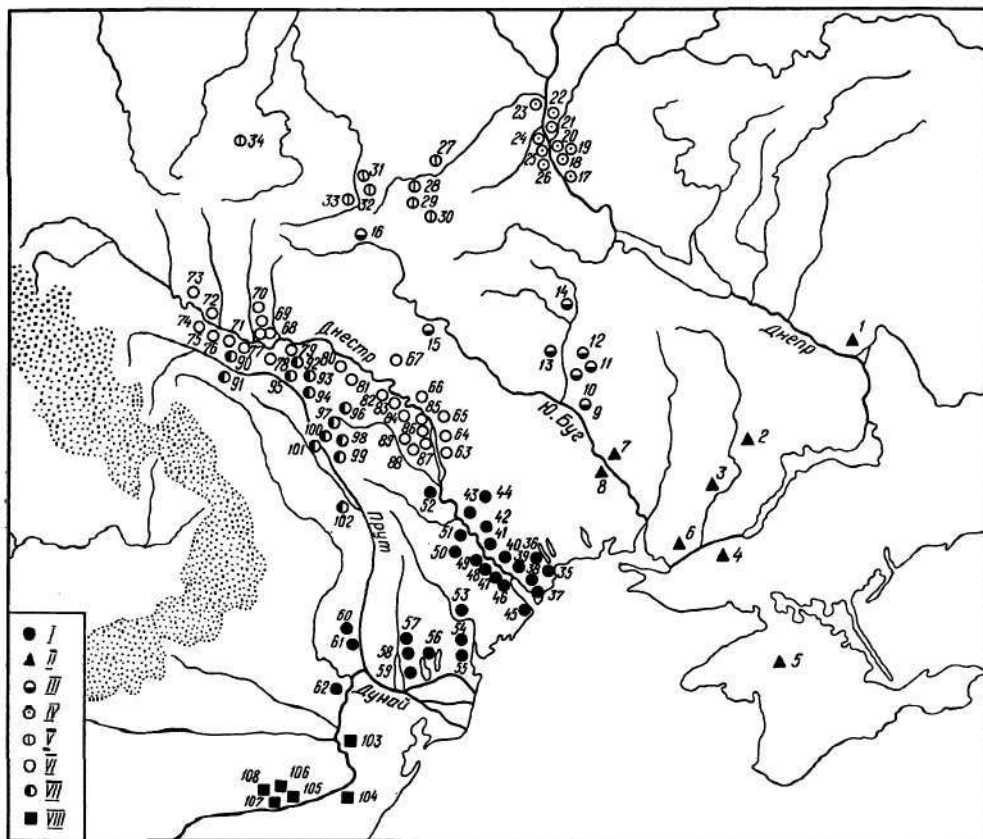

Рис. 1. Памятники усатовского типа и их окружение (карта):

I — памятники усатовского типа; II — отдельные находки; III — позднее Триполье Побужья; IV — позднее Триполье Поднепровья; V — позднее Триполье Волинии; VI — позднее Триполье Поднестровья; VII — позднее Триполье Попрутья; VIII — культура Чернавода I. 1 — Животиловка; 2 — Кривой Рог; 3 — Снягиревка; 4 — Любимовка; 5 — Рисовое; 6 — Белозерка; 7 — урочище Кременчук; 8 — урочище Гард; 9 — Грушевка; 10 — Серезлиевка; 11 — Ольшанка; 12 — Ермолаевка; 13 — Владимировка; 14 — Колодистое; 15 — Печора; 16 — Сандраки 17 — Софиевка; 18 — Бортнички; 19 — Зазимье; 20 — Красный Хутор; 21 — Заваловка; 22 — Чернин; 23 — Казаровичи; 24 — Новые Петровцы; 25 — Киев — Сырец; 26 — Подгорцы I; 27 — Городск; 28 — Троянов; 29 — Райки; 30 — Паволочь; 31 — Войцеховка; 32 — Колодажное; 33 — Ново-Чарторья; 34 — Костянец; 35 — Слободка — Романовка; 36 — Усатово; 37 — Николаевка; 38 — Ефимовка; 39 — Маяки; 40 — Граденицы; 41 — Слободзея; 42 — Сукляя; 43 — Красногорка; 44 — Плоское; 45 — Шабалат; 46 — Паланка; 47 — Тудорово; 48 — Оланешты; 49 — Раскайцы; 50 — Парканы; 51 — Терновка; 52 — Голерканы; 53 — Сарата; 54 — Борисовка; 55 — Нерушай; 56 — Суворово; 57 — Огородное; 58 — Болград; 59 — Утконосовка; 60 — Фолтешти; 61 — Стойканы; 62 — Брешица; 63 — Выхватинцы; 64 — Гедирим; 65 — Катериновка; 66 — Подойма; 67 — Стена; 68 — Цвнклдовцы; 69 — Малые Вирмени; 70 — Гусятин; 71 — Жванец; 72 — Касперовцы; 73 — Кошиловцы — Товдры; 74 — Звенячии; 75 — Репужинцы; 76 — Митков; 77 — Перебыковцы; 78 — Дарабаны; 79 — Подливанов Яр; 80 — Мершовка; 81 — Волчинец; 82 — Сороки — Трифауцкий лес; 83 — Трифауцы; 84 — Барсуки; 85 — Тарасовка; 86 — Солончоны II; 87 — Гляжнены; 88 — Мигулены; 89 — Шолданешты; 90 — Валяя; 91 — Костенцы; 92 — Бричаны 93 — Тринка; 94 — Друцы; 95 — Коржауцы; 96 — Варатин; 97 — Старые Друиторы; 98 — Кубань; 99 — Бутешты; 100 — Костешты; 101 — Городище; 102 — Эрбичень; 103 — Хыршова; 104 — Чернавода; 105 — Ульмень-Теушанка; 106 — Рени; 107 — Кырноги; 108 — Кэсчи-оареле.

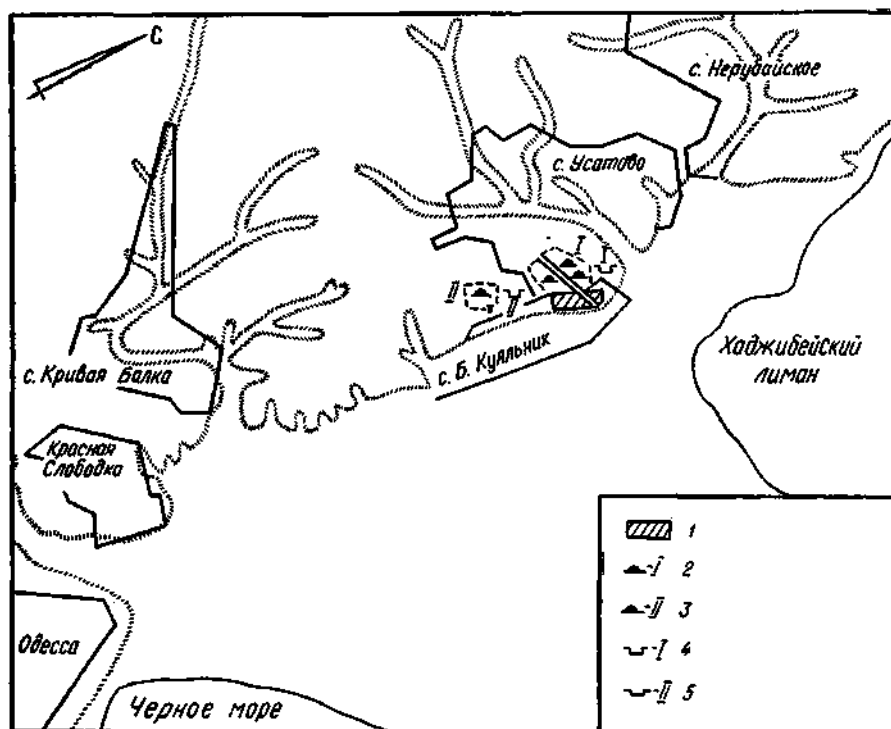

Рис. 2. Расположение древних памятников на территории сел Усатово — Большой Куяльник.

1 — поселение; 2 — I курганный могильник; 3 — II курганный могильник; 4 — I грунтовой могильник; 5 — II грунтовой могильник.

В 1,5 км к юго-западу от поселения, в районе нынешнего сельского кладбища расположена еще одна группа курганов, в свое время насчитывавшая 10 насыпей. Три кургана были раскопаны в 1933—1936 гг. Сейчас внутри кладбищенской ограды сохранилось лишь два кургана. В непосредственной близости от I курганного могильника и поселения (в 0,5 км к северу от последнего) находился грунтовой могильник, полностью разрушенный при добыче строительного камня. И, наконец, между поселением и II курганным могильником расположен II-й грунтовой некрополь, площадь которого составляет не менее 1000—1500 м².

Кроме двух упомянутых выше больших территориальных групп памятников усатовского типа (в низовьях Днестра и на Хаджибейском лимане), известны лишь немногочисленные курганы в степях между Днестром и Дунаем, однако территория эта все еще недостаточно исследована в археологическом отношении.

Разные категории памятников усатовского типа изучены неравномерно. Если о погребальных памятниках мы имеем хорошее представление, то на многие вопросы, связанные с поселениями, еще невозможно

ответить. Причиной этого является, прежде всего, отсутствие хорошо сохранившихся поселений. Так, совершенно разрушены поселения у сел Стойкани (Румыния), Слободзея, Паланка, Граденицы (низовья Днестра). Пострадало от оползней поселение Маяки, сильно разрушено добычей известняка поселение Усатово—Большой Куяльник. Небольшие масштабы раскопок и очень краткая публикация материалов поселения Фолтешти также мешают ему стать полноценным археологическим источником.

ПОСЕЛЕНИЯ

Поселение *Усатово—Большой Куяльник* расположено на плато высокого (до 55 м) берега Хаджибейского лимана, ныне отделенного от моря невысокой песчаной пересыпью, а в древности, очевидно, соединенного с ним. Плато, сложенное толщами понтического известняка-ракушечника, спускается к лиману террасами, на которых разместились усадьбы жителей с. Большой Куяльник (рис. 3). Древнее поселение занимает по ширине почти всю незастроенную площадь между обрывами плато и границей с. Усатово (до 130 м), а в длину вытянулось вдоль обрывов на 400 м. На расстоянии 1 км к северо-западу от поселения плато перерезано неширокой долиной — каньоном безымянного ручья, впадающего в лиман. Это единственный здесь открытый источник пресной воды.

Многолетняя выборка известняка жителями села значительно разрушила культурный слой поселения. Вся площадь его покрыта воронками, отвалами земли, усеяна керамикой, осколками кремня, ракушками. Раскопки поселения начались в 1921 г. и велись с перерывами до 1948 г. (1921, 1926, 1928—29, 1932—33, 1940, 1946, 1948 гг.). За это время вскрыто около 3000 м² площади, выявлен значительный вещественный материал и сделан ряд интересных наблюдений, но этот уникальный памятник во многом потерян для науки из-за отсутствия необходимой полевой документации, в первую очередь графической, и отчетов. Две статьи автора раскопок М. Ф. Болтенко, одна из которых посвящена важным проблемам стратиграфии поселения, также лишены иллюстраций⁴. Судя по материалам раскопок, часть поселения была заселена в эпоху средней и поздней бронзы, но выделить этот участок сейчас невозможно, а значит неясно, все ли каменные постройки, обнаруженные в Усатово, можно отнести к энеолитическому времени. Так или иначе, многие данные, полученные при раскопках поселения, нуждаются в проверке и уточнении.

В целом результаты раскопок можно свести к следующему. На поселении было заложено несколько отдельных раскопов⁵, причем раскоп А (справа от дороги из Большого Куяльника в Усатово) непосредственно примыкал к окраине с. Усатово, а раскоп В (слева от дороги) доходил

⁴ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большокуяльнического поля..., стр. 48—64; его же. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника.— МАСП, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 24—30.

⁵ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большокуяльнического поля..., стр. 56—57.

Рис. 3. Поселение Усатово — Большой Куяльник. Вид со стороны Хаджибейского лимана.

до обрывов плато у с. Большой Куяльник. Весь исследованный участок поселения (за исключением раскопа В) показал одну и ту же стратиграфию. Культурный слой залегал под гумусом (мощностью 14—20 см) в темном рыхловатом гумусированном суглинке, постепенно светлеющем книзу. Мощность слоя 50—60 см, причем в нижней его части попадались лишь отдельные находки. Еще ниже шла плотная красноватая глина, а на глубине 2-х м от поверхности начинался слой понтического известняка⁶.

Иную картину дает стратиграфия, прослеженная М. Ф. Болтенко в раскопе В, в обрете каменоломни, где им отмечено несколько слоев: 1) верхний гумусный слой мощностью 20 см; 2) темный гумусированный суглинок с большой примесью золы, заполненный культурными остатками (мощность слоя 50 см); 3) раздробленный и уплотненный известняк, выстилающий небольшую площадку (мощность 14 см). Слой этот искусственного происхождения; 4) темный гумусированный суглинок зернистой структуры, с редкими известняковыми трубочками и обломками мидий. Часто встречаются фрагменты керамики и кости животных. Мощность слоя — 20 см; 5) плиты понтического известняка со следами обработки, лежащие плашмя (толщина 5—8 см). Еще ниже шла тонкая прослойка (12 см) темного суглинка, непосредственно залегающая на понтическом известняке⁷. При исследовании поселения в разных раскопах обнаружены остатки каменных сооружений — разнообразные кладки, отличающиеся друг от друга по форме, размерам и, очевидно, по назначению⁸. В раскопах А и В, в частности, открыты кладки прямо-

⁶ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большекуюальнического поля..., стр. 52; его же. Стратиграфия и хронология..., стр. 25.

⁷ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., стр. 26—27.

⁸ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большекуюальнического поля..., стр. 49—51.

угольной формы (их размеры $3,5 \times 3$ м; $3,5 \times 5$ м). Наиболее вероятно, что это каменные полы жилищ⁹. На восточной окраине поселения (раскоп В), на глубине 0,7 м от современной поверхности вскрыта площадка (80 м²), высланная раздробленным и уплотненным известняком. На 0,2 м ниже этой площадки залегали в несколько рядов плиты известняка со следами обработки¹⁰. По предположению Е. Ю. Кричевского, упомянутые каменные кладки могли служить фундаментом большого жилища¹¹. На фундаменте было раскрыто каменное возвышение ($2,5 \times 1,3$ м), рядом с которым обнаружено много керамики¹². Узкие (1—1,5 м) каменные кладки, также встречающиеся на поселении, по-видимому, являются основаниями стен жилищ либо остатками оград.

В 1948 г. Е. Ф. Лагодовская исследовала 10 ям, сосредоточенных на площади 65 м² на участке, находящемся к северо-западу от основной территории поселения у края обрыва. Приводим описание некоторых из них¹³.

Яма № 1 округлая в плане, с вертикальными стенками; размеры ее $1,3 \times 1,4$ м, выкопана на глубину 0,82 м, то есть до слоя известняка. На глубине 0,37—0,5 м яма перекрыта плотно уложенными камнями и небольшой плитой. При расчистке заполнения ямы, насыщенного ракушками мидий, среди камней и под ними выявлены обломки костей животных, створки раковин и фрагменты шести—восьми столовых и кухонных усатовских сосудов.

Яма № 2 находилась на расстоянии 1 м от ямы № 1. Размеры ее $1,15 \times 1,25$ м, глубина 0,98 м. Заполнение ямы, особенно в верхней ее части, содержит большое количество костей животных, в том числе пережженных, фрагменты керамики, ракушки, кремневые отщепы. На глубине 0,5 м расчищено небольшое скопление ракушек мидий ($0,3 \times 0,3$ м, толщина 1—2 см), лежащих нераскрытыми. На глубине 0,5—0,6 м у западной стенки расчищен наклонно стоящий рог быка. Дно ямы частично перекрывала кладка из небольших камней. Остальные ямы аналогичны описанным.

Е. Ф. Лагодовская полагала, что эти ямы имели культовое значение, будучи местами жертвоприношений. Основанием для такого вывода послужило то обстоятельство, что участок, на котором обнаружены ямы, находится рядом с I грунтовым могильником. Кроме того, в яме № 7 был найден камень с чашевидным углублением, возможно, специально выбитым¹⁴. Здесь, однако, следует отметить, что в нескольких ямах вообще не было культурных остатков, а характер находок в остальных не говорит о жертвоприношениях. Поэтому считаем возможным отнести опи-

⁹ М. Ф. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большекуляльничского поля..., стр. 54—55; Е. Ю. Кричевский. Розкопки на Коломийщині і проблема трипільських площадок.— Трипільська культура. К., 1940, стр. 555—556.

¹⁰ М. Ф. Болтенко. Стратиграфія і хронологія..., стр. 26—27.

¹¹ Е. Ю. Кричевський. Розкопки на Коломийщині..., стр. 556.

¹² Там же.

¹³ О. Ф. Лагодівська. Усатівська експедиція 1948 р., стр. 124—130.

¹⁴ Там же, стр. 128.

санные ямы к какому-то хозяйственному комплексу, находящемуся на небольшом расстоянии от поселения.

Кроме жилых и хозяйственных объектов, необходимо отметить ряд построек культового характера. К их числу относится сооружение, обнаруженное на южной окраине поселения и представляющее собой узкий и длинный проход, составленный из двух параллельных рядов каменных плит. Плиты стояли на ребре (отделенные друг от друга небольшими интервалами), на специально сделанной вымостке из мелкого камня¹⁵. Подобное сооружение выявлено и на юго-восточной окраине поселения; внутри его найдены антропоморфные глиняные статуэтки и кости овцы¹⁶. Обнаружены и другие постройки культового характера. Однако особый интерес представляют вырубленные в известняке коридоры, встреченные на разных участках поселения. Это удлиненные выемки с прямыми или слегка наклонными стенками; глубина их до 1,5 м, ширина — 1,5—2 м. Е. Ф. Лагодовская описывает один такой коридор, протянувшийся на 20 м с юга на север и выведенный к обрывам плато. Спуск в коридор был облегчен при помощи ступенек, выбитых в стенке. На поверхности земли вдоль края коридора шли вертикально поставленные плиты. На дне этого сооружения залегал культурный слой, перекрытый вымосткой из мелкого камня и щебенки¹⁷. Обнаружено еще несколько подобных сооружений, но уже меньших размеров. В частности, на восточном краю поселения расчищены два коридора («а» и «б»), вытянутые в линию и отстоящие друг от друга на 2,7 м. Длина коридора «а» — 4,3 м (при ширине 1,3 м и глубине 1,4 м); коридора «б» — 5,7 м, ширина 1,5 м, глубина 1,8 м¹⁸. М. Ф. Болтенко сообщает, что в каждом таком небольшом углублении-коридоре против ступенчатого входа находился очаг с мощным слоем золы¹⁹. О назначении коридоров на основании имеющихся данных судить трудно. Возможно, права Е. Ф. Лагодовская, считающая их культовыми постройками²⁰. Размеры этих сооружений противоречат мнению М. Ф. Болтенко, называвшего коридоры полуземляночными жилищами²¹.

За многие годы раскопок на поселении был собран большой вещественный материал. Орудия труда представлены в основном изделиями из местного низкокачественного галечникового кремня. Имеется небольшое количество конических, призматических и плоских нуклеусов, отжимников, отбойников. Также немного (до двух десятков) пластин-заготовок разных размеров. Небольшими сериями представлены такие орудия, как сверла, пластинки со скошенным концом и затупленной спинкой, вкладыши для серпов и т. д. Довольно много ножей и ножевидных пластинок, проколов, разнообразных наконечников стрел, копий и дротиков. Наи-

¹⁵ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України, стр. 48.

¹⁶ О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатівської культури, стр. 56.

¹⁷ Там же, стр. 55; ее же. Усатівська культура..., стр. 48.

¹⁸ План и разрез этих коридоров, исследованных в 1929 г., хранятся в архиве ОГАМ (№ 59553).

¹⁹ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., стр. 25.

²⁰ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура..., стр. 48.

²¹ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., стр. 26.

большим количеством представлены разнотипные скребки. Встречено лишь несколько обломков изделий из твердых пород камня, зато имеется много плоских округлых грузил для сетей из местного известняка-ракушечника.

Орудия труда из кости представлены разнообразными шильями и проколками, ложилами. Роговые изделия практически отсутствуют. Изредка встречаются конические и плоские глиняные пряслица. Украшения представлены костяными цилиндрическими бусами; найдено также около трех десятков глиняных бус из стенок сосудов.

Коллекция керамики поселения Усатово—Большой Куяльник сейчас составляет около 10 тыс. фрагментов сосудов. К сожалению, керамика эта в свое время не подвергалась соответствующей камеральной обработке, а теперь такая обработка чрезвычайно затруднена. Поэтому в коллекции отсутствуют целые сосуды, и лишь очень немногие формы удается реконструировать графически.

В керамическом комплексе заметно преобладает посуда с примесью ракушки, украшенная шнуровым орнаментом, реже — штампом, зашипами, «жемчужинами» и т. д. Это разнообразные горшки: округлотелые, приземистые, вытянутых пропорций, большие сосуды-зерновики, чаши и миски, цедилки (рис. 4). Изредка встречаются округлотелые амфоры с двумя ручками. Около 18% приходится на долю столовой посуды из хорошо отмученной глины (горшки, полусферические чаши, амфоры с крышками, кубки), покрытой росписью (рис. 4). Роспись выполнена темно-коричневой краской в сочетании с красной.

Отдельную группу составляет столовая посуда с примесью мелкого песка в тесте (она представлена небольшим количеством фрагментов). Поверхность сосудов (в основном, небольшие горшки, миски и чаши) тщательно залощена. Орнамент (шнуровой и штамповый) иногда заполнен белой пастой.

Весьма интересна и многочисленна (около 40 экземпляров) коллекция глиняных культовых изделий — статуэток и так называемых кубиков.

В целом инвентарь поселения является хорошим источником для освещения быта, производственной деятельности и идеологии усатовских племен.

Поселение *Фолтешти* находится в 1,5 км к югу от с. Фолтешти (район Тыргу-Бужор, округ Галац), на узком, далеко заходящем в пойму, мысу высокой террасы правого берега р. Прут. С напольной стороны мыс расчленен глубоким и широким оврагом Руптура. Площадь поселения — 1600 м². В 1949 г. были заложены две разведочные траншеи (16 × 1,5 м и 7,5 × 1 м); в 1950 г. исследована восточная часть поселения (около 800 м²)²². В центральной части мыса разведочной траншеей был обнаружен древний ров, пересекавший мыс с юга на север. Ширина рва вверху — 4,75—5,5 м, по дну — менее 0,5 м, глубина — 2,3—2,6 м (рис. 5). Авторы раскопок сообщают, что в северной, неисследованной части посе-

²² М. Petrescu-Dâmbovița, I. Casan, C. Mateescu. Săpăturile arheologice de la Foltești, стр. 249—266.

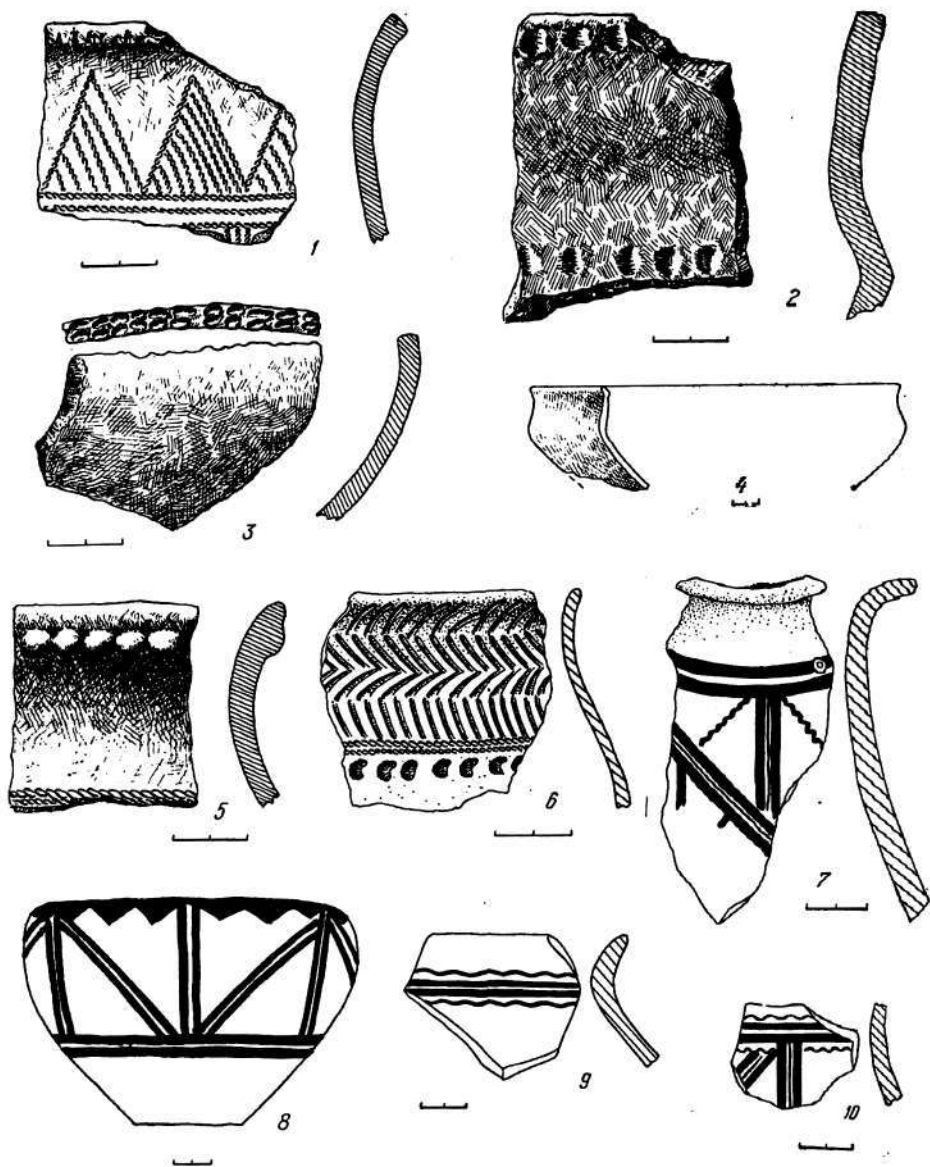

Рис. 4. Керамика с поселения Усатово — Большой Куяльник.

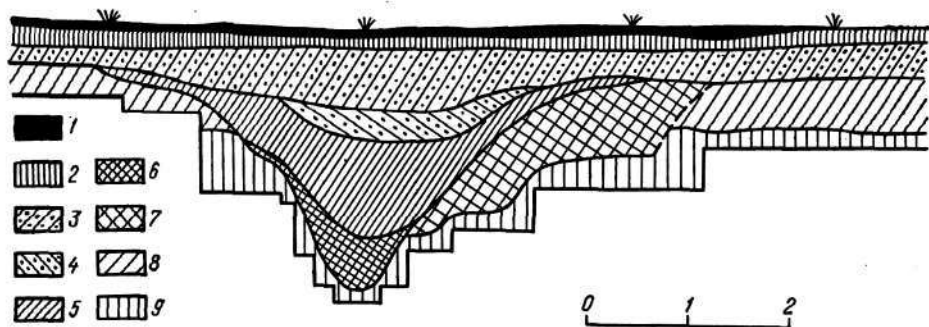

Рис. 5. Профиль рва поселения Фолтешти (по М. Петреску-Дымбовице, И. Казану, К. Матееску):

1 — гумус; 2 — гумус и светлый золистый грунт; 3 — золистый каштановый грунт; 4 — сероватый золистый грунт; 5 — темный золистый грунт; 6 — темно-коричневый золистый грунт; 7 — светло-коричневый золистый грунт; 8 — каштановый грунт; 9 — материк.

ления глубина рва составляла 6,4 м, ширина 14 м, однако этим цифрам противоречит план поселения, согласно которому ширина рва в северной части не превышает 7,5 м²³. Ров заполнен золистым грунтом, постепенно светлеющим книзу. Здесь найдено много костей животных и рыб, ракушек, угля, фрагментов усатовской керамики и посуды более поздней по времени (культура Фолтешти II). Исследователи поселения считают, что в усатовское время, а может быть, и несколько позднее ров еще не был засыпан. На всей исследованной площади (восточная оконечность мыса) обнаружен культурный слой, залегающий на глубине 20—40 см и сильно разрушенный вспашкой. В верхней его части найдены также фрагменты керамики культуры Фолтешти II. На северном краю поселения обнаружены три больших ямы неправильно-овальной формы, достигающие 4,5 м в диаметре при глубине 1,5—1,7 м (возможно, углубленные жилища). Авторы раскопок допускают также существование на поселении наземных жилищ из дерева и камыша. К поселению усатовского типа относятся многочисленные, круглые в плане ямы (диаметр 1,1 м, глубина—1,7 м), в которых найдены фрагменты керамики, кости животных, раковины, куски глины со следами обжига, зола и т. д. Очевидно, речь идет о ямах хозяйственного назначения.

Весьма кратко охарактеризован исследователями и вещественный материал. Среди орудий труда преобладают плоские топоры-тесла (рис. 6, 12, 13). Гораздо меньше сверленных топоров. Очень немного кремневых и костяных изделий (последние представлены шильями, долотцами, проколками). Металлических предметов нет вовсе.

Из обожженной глины сделаны найденные в обломках антропоморфные фигурки и вотивные топоры. Статуэтки передают женскую фигуру с уплощенным туловом-постаментом и вытянутой вперед шеей. Руки и ноги не моделированы; голова во всех случаях обломана (рис. 6, 14).

²³ М. Petrescu-Dâmbovița, I. Casan, C. Mateescu. Săpăturile arheologice dela Foltesti, табл. I.

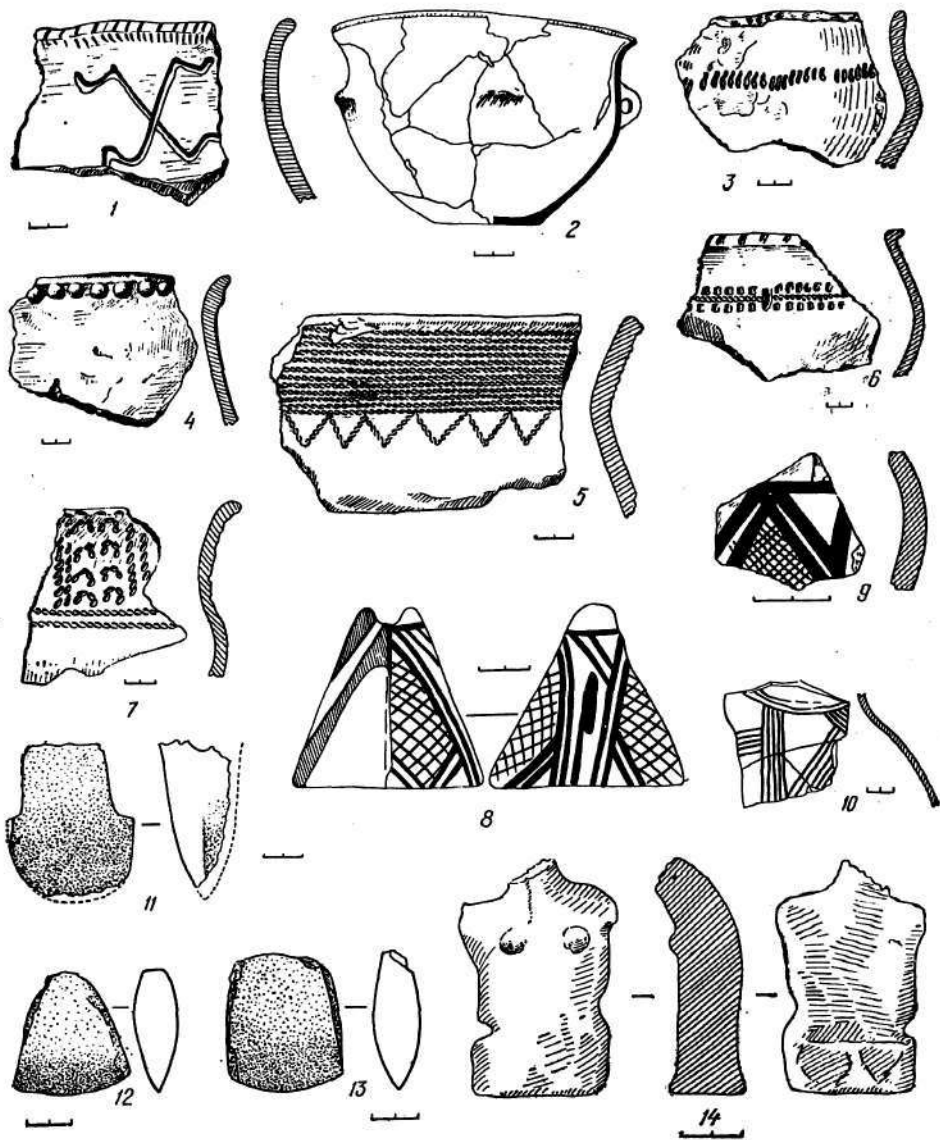

Рис. 6. Материалы с поселения Фолтешти (по М. Петреску-Дымбовице, И. Казану, К. Матееску):
 1-7 — кухонная посуда; 8-10 — столовая посуда; 11-13 — каменные топоры; 14 — глиняная статуетка.

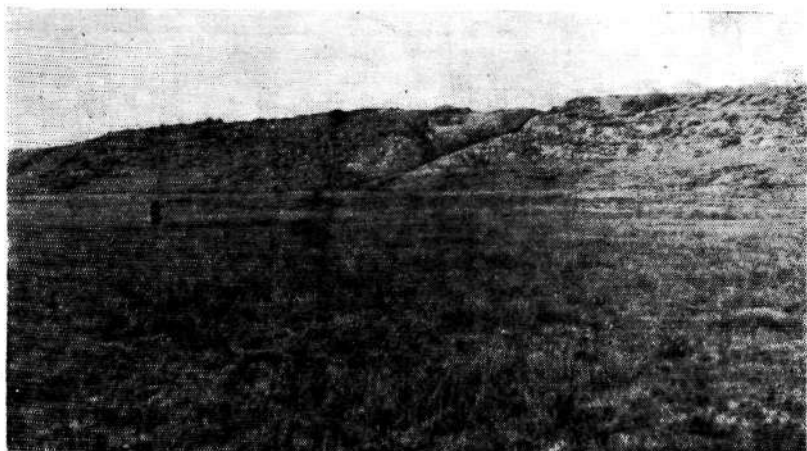

Рис. 7. Поселение Маяки. Вид с юга.

На поселении собрано довольно много керамики, в основном во фрагментах. Большую часть составляет кухонная посуда из плотной массы с примесью песка, известняка, реже — мелких камешков и толченой ракушки. Поверхность серовато-черного цвета, подлощена. Можно выделить такие формы: округлотелые широкогорлые горшки с отогнутым венчиком; большие сосуды вытянутых пропорций с высоким венчиком; приземистые горшки (или глубокие миски) с профилированным туловом; округлотелые амфоры с четырьмя ручками на максимальном диаметре; биконические сосуды и т. д. (рис. 6, 1—7). Орнаментом (врезанные линии, крест, отпечатки различных штампов, «жемчужины», шнур) покрывалась обычно верхняя часть сосуда — плечики и венчик. Шнуровой орнамент (простой, реже — перевитой шнур) достаточно распространен. Основные его мотивы: ряды горизонтальных и вертикальных отпечатков, треугольники, серповидные отиски. Часто шнуровой орнамент сочетается со штамповым.

Весьма немногочисленна столовая расписная посуда из розовой, хорошо отмученной глины. Встречены обломки горшков, округлотелых амфор, высоких конических крышек с двумя ушками. Основной мотив росписи — это косая сетка и сходящиеся под углом отрезки линий (рис. 6, 8—10).

Авторы раскопок сообщают, что на поселении найдено значительное количество костей животных и рыб.

В дальнейшем раскопки на поселении не возобновлялись.

Поселение *Маяки* находится на юго-западной окраине с. Маяки, на краю высокой первой террасы левого берега Днестра, в 15 км от места впадения реки в Днестровский лиман. Нынешнее русло Днестра проходит на расстоянии 1 км от высокого берега; непосредственно к береговым обрывам примыкает заросшая камышом пойма (плавни) (рис. 7). Высота берега над уровнем поймы — 12 м. Берег расчленен слабо; лишь во-

сточная часть поселения перерезана молодым овражком — нешироким и сравнительно неглубоким (до 4-х м). В 400 м к востоку от поселения, где в плавни вливается небольшой ручеек, берег понижается, образуя мысовидный выступ.

Участок, занятый поселением, находится на краю большого пахотного поля. Местность здесь совершенно плоская, ровная; вдоль края берега тянется заплывшая двойная траншея времен войны. В стенках этой траншеи и упомянутого выше овражка были обнаружены фрагменты усатовской керамики; в небольшом количестве встречаются они и на поверхности. К северу от края обрыва, в глубине пахотного поля встречаются отдельные фрагменты красноглиняной гончарной посуды римского времени; ни на поверхности, ни в шурфах здесь не обнаружено усатовской керамики.

Поселение сохранилось очень плохо: оно почти полностью уничтожено оползнями, а уцелевшая часть (примерно 110×30 м) сильно повреждена овражком, траншеями военных лет, современными постройками. В двух местах культурный слой поселения прорезан углубленными жилищами римского времени.

Зачистка западной стенки оврага определила почвенную стратиграфию участка: 1) слой гумуса мощностью 0,4—0,5 м, слегка светлеющий в нижней части; 2) светло-коричневый плотный предматериковый суглинок мощностью 0,2—0,3 м; 3) светло-желтый материковый лесс.

В этой же стенке, на фоне суглинка и лесса, при зачистке обрисовались контуры углубления с темно-серым золистым заполнением, содержащим фрагменты керамики и кости животных. Раскопки участка, непосредственно примыкающего к оврагу с запада, показали, что в древности здесь проходил глубокий и широкий оборонительный ров (внешний). Еще один ров (внутренний) был открыт несколько южнее первого, неподалеку от нынешней кромки обрыва (рис. 8).

Внешний ров был прослежен в раскопе и разведочных траншеях на протяжении более 70 м. В древности длина рва составляла не менее 110 м, так как след его в виде глубоко залегающего пятна культурного слоя зафиксирован на восточной стороне овражка, в устье последнего. Ров тянулся с юго-востока на северо-запад, пологой дугой ограничивая поселение со стороны поля. На востоке (здесь он полностью разрушен овражком) ров примыкал, по-видимому, к береговому обрывам. В западной части поселения он не доходил до края берега (расстояние между западным концом рва и обрывом сейчас 25 м). Ширина рва в верхней части — 4—5 м; местами он расширяется до 6—8 м (рис. 8).

О профиле рва дают представление три разреза (А—А¹, В—В¹ и С—С¹), полученные в разных его частях (рис. 8; 9). Глубина рва от древней поверхности — 3,2—3,4 м; стенки его до глубины 2 м плавно сужаются книзу в виде воронки, а ниже этой отметки круто (почти вертикально) обрываются к узкому (0,4—0,6 м) дну. Два разреза фиксируют довольно широкие уступы в стенках рва, служившие, очевидно, для переброски грунта при прокопке.

От уровня древней поверхности во рву залегает слой светло-серого мелкоструктурного суглинка со значительной примесью пепла, линзо-

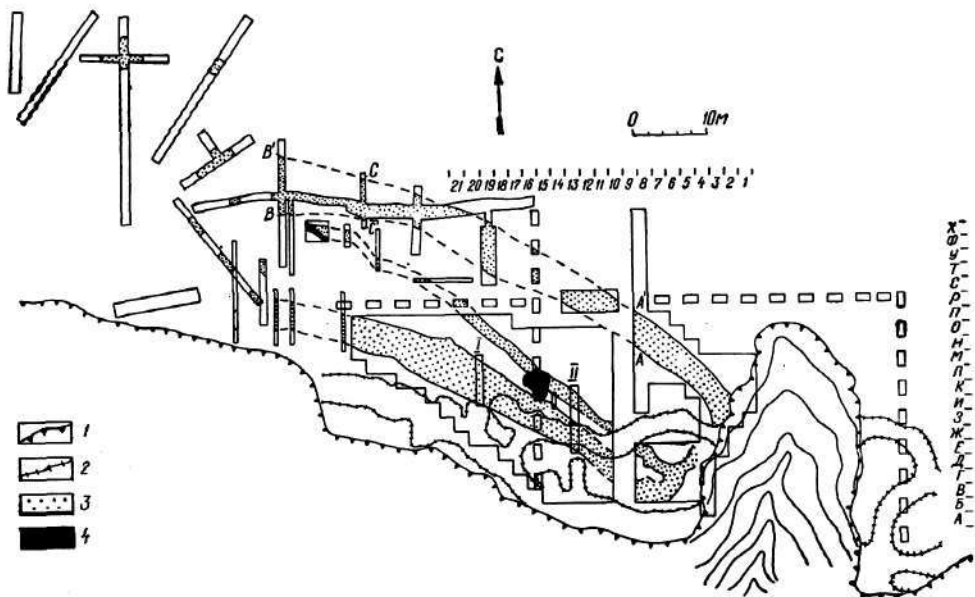

Рис. 8. Поселение Маяки. План раскопок.

1 — береговой обрыв; 2 — военная траншея; 3 — древние рвы, пятна культурного слоя; 4 — позднейшие нарушения.

видный в разрезе, мощностью в центре рва от 0,8 до 1,3 м. Слой этот интенсивно насыщен культурными остатками. Ниже (без четкой границы с предыдущим слоем) идет слой желтовато-серого рыхлого грунта, представляющего собой смесь суглинка с материковым лессом и ближе ко дну почти неотличимого от желтого материкового лесса. На разных глубинах этот слой содержит кострища, о которых будет сказано ниже (рис. 9).

Все три разреза отмечают в 0,2—0,6 м выше дна рва тонкую (0,1—0,2 м) прослойку чистого стерильного лесса — по-видимому, результат смыва.

Ров, несомненно, был засыпан еще в эпоху позднего Триполья; на всю глубину он заполнен большим количеством костей животных и рыб, фрагментами керамики усатовского типа, кремневыми гальками и их обломками, мелкими камнями, ракушками, изредка небольшими бесформенными кусками глиняной обмазки. Очень редко в заполнении рва встречались орудия труда из кремня, кости и рога, глиняные поделки, в частности антропоморфные статуэтки.

Находки во рву залегают бессистемно, во взвешенном состоянии, более или менее равномерно размещаясь по горизонтали и вертикали. Значительных скоплений материала не обнаружено. Изредка встречаются развалы сосудов и крупные их фрагменты. Иногда обломки одного и того же сосуда находятся на значительном расстоянии друг от друга и на разных глубинах.

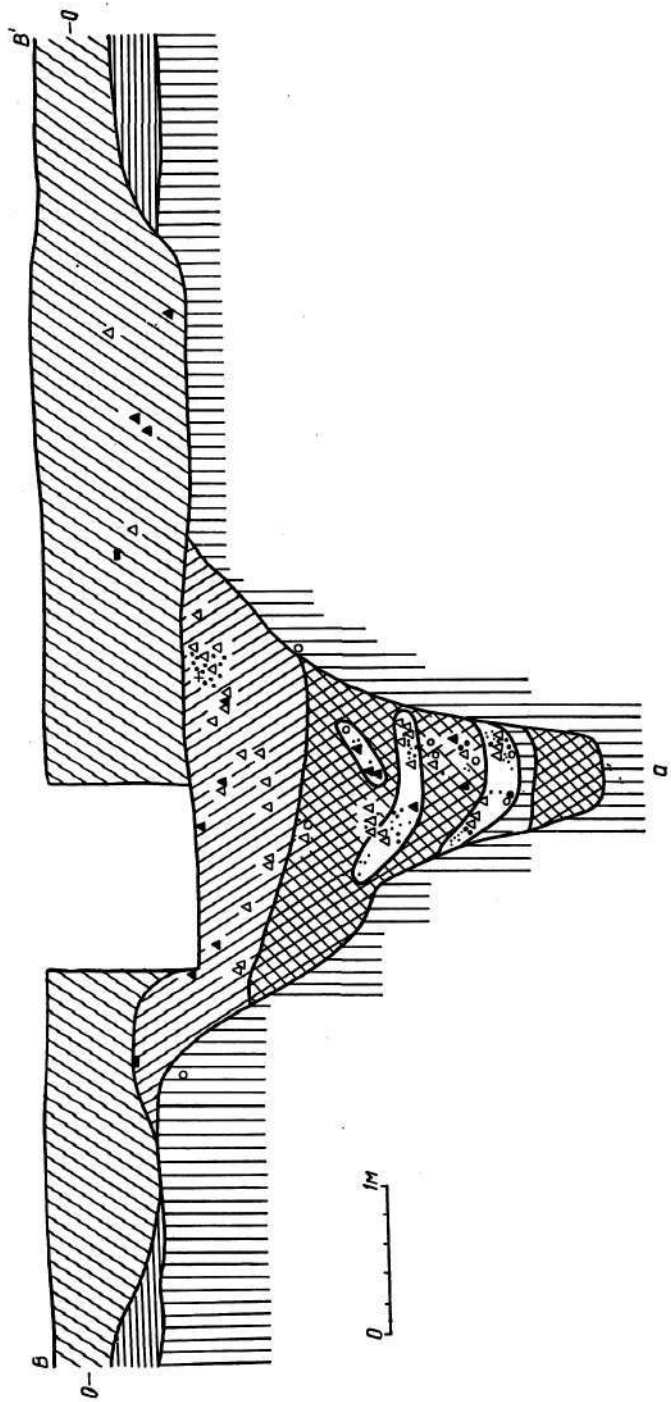
Весьма интенсивно насыщены материалом кострища, встреченные в разных частях рва и на разных глубинах. В плане они имеют вид вытянутого овала (длина 2,5—5,5 м), часто распространяясь в ширину на весь ров. В разрезе кострища напоминают полумесяц с поднятыми вверх концами (рис. 9). Мощность золистой прослойки кострища обычно 0,2—0,4 м. Часто в разрезе рва фиксируют несколько кострищ, залегающих одно над другим. Так, в разрезе по линии В—В¹ видно небольшое кострище на глубине 1,8—2 м и два больших, почти во всю ширину рва, на глубине 1,8—2,3 м и 2,4—2,9 м (рис. 9). В разрезе по линии С—С¹ зафиксировано лишь одно кострище на глубине 2,7—2,8 м (рис. 9). Пятна кострищ выделяются своей интенсивно черной окраской (зола, пепел, много углей) на фоне окружающего желто-серого грунта; почва под ними основательно прокалена на глубину 0,1 м и более.

В кострищах найдены обугленные кости животных, покрытые копотью фрагменты керамики, куски обожженной глины, изредка статуэтки. Однако основным содержанием всех кострищ являются остатки рыб—огромное количество костей, позвонков и спрессованной чешуи. В одном из кострищ на глубине 2,75 м обнаружен целый череп собаки с первыми шейными позвонками и половина глиняной миски.

Характер кострищ пока не совсем ясен, так как ров исследован до дна лишь на небольших участках; можно с уверенностью говорить о том, что кострища эти расположены с некоторыми интервалами на всем протяжении рва, залегая несколькими горизонтами, нижний из которых фиксируется всеми разрезами на глубине 2,6—2,9 м, где ширина рва не превышает 1 м.

Внутренний ров обнаружен в 13 м южнее внешнего рва и тянется параллельно ему с юго-востока на северо-запад на протяжении 60 м. На востоке ров разрушен оползнями, а на западе он кончается там же, где и внешний, не доходя до береговых обрывов (рис. 8). Ширина его в среднем составляет 4 м. Для получения профиля ров был перерезан двумя траншеями шириной 1 м, находящимися на расстоянии 12 м одна от другой. Внутренний ров, также как и внешний, имеет воронковидный профиль. Стенки его в нижней части почти отвесны; ширина дна 0,6—0,8 м. В северной стенке рва заметны уступы для переброски грунта на поверхность. Глубина рва в разных местах колеблется в пределах 3,7—3,8 м от древней поверхности. Также как и внешний, внутренний ров примерно до половины заполнен мелкоструктурным, серым гумусированным суглинком со значительной примесью пепла. Ниже, до дна, идет серовато-желтый рыхлый грунт (смесь суглинка с материковым лессом). Многочисленные культурные остатки встречены во взвешенном состоянии по всей толще заполнения рва.

В западной траншее на глубине 0,9—1,35 м наклонно залегал пласт плотной белой глины мощностью 5—9 см, тянувшийся на 2,6 м поперек рва (рис. 10, а). В рыхлом перемешанном грунте, на глубине 2—3,2 м в этой траншее зафиксированы три кострища мощностью от 30 до 15 см, залегающие одно над другим наклонно, как бы «стекающие» по южной стенке рва. В черном золистом заполнении кострищ очень много рыбьих костей и спрессованной чешуи; встречаются фрагменты керамики, кости

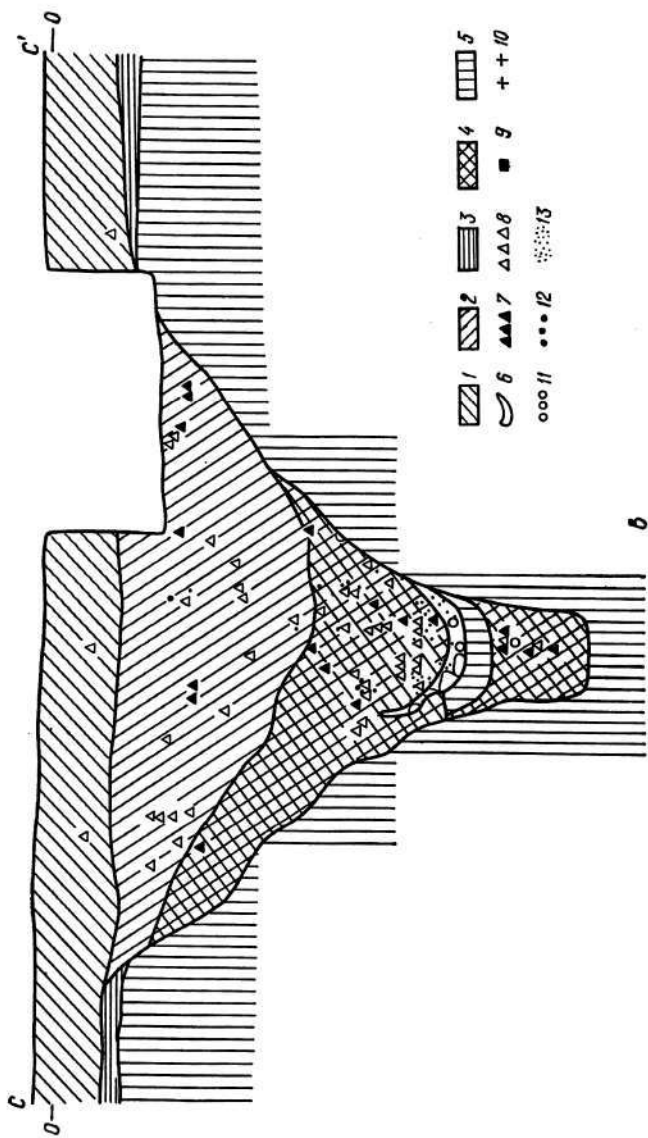
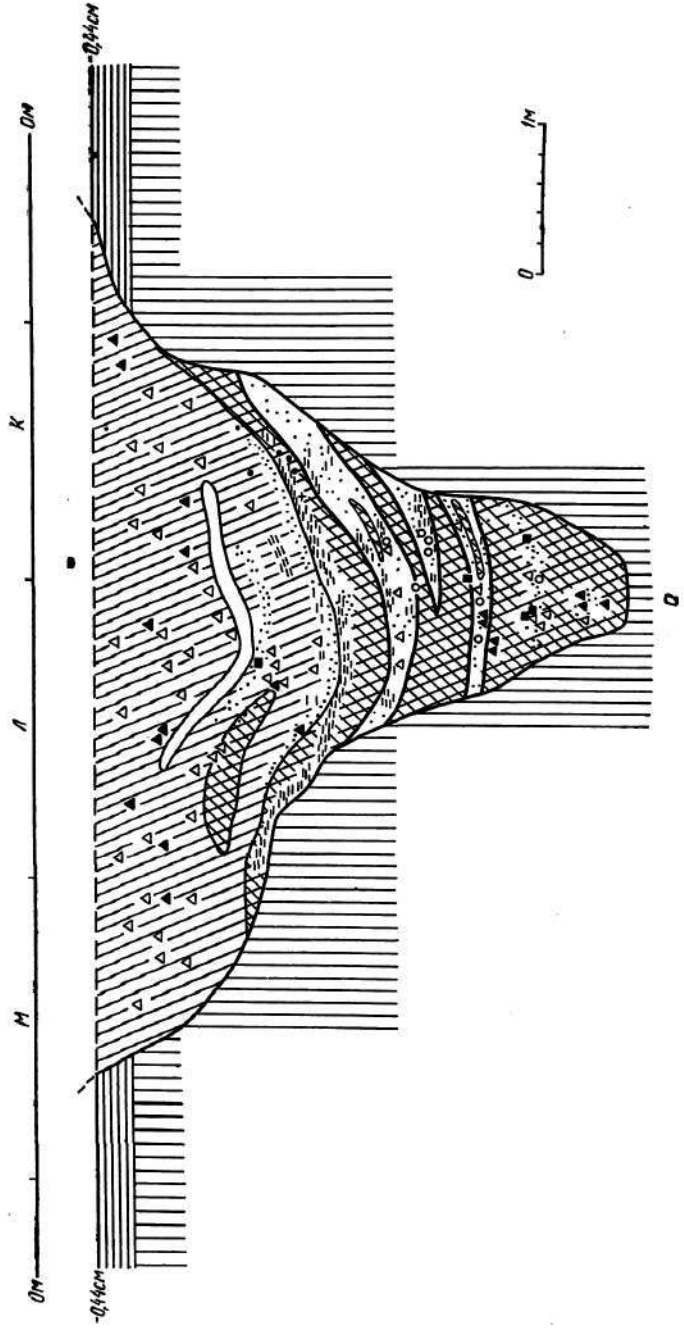

Рис. 9. Поселение Маяки. Внешний ров.

Разрезы по линии В—В', С—С'

1 — гумус; 2 — серый гумусированный суглинок со значительной примесью пепла; 3 — светлый предматериковый суглинок; 4 — желто-серый, перемешанный грунт; 5 — желтый материковый лесс; 6 — кострища; 7 — керамика; 8 — кости; 9 — камень; 10 — кремь; 11 — куски обмазки; 12 — ракушки; 13 — угли.

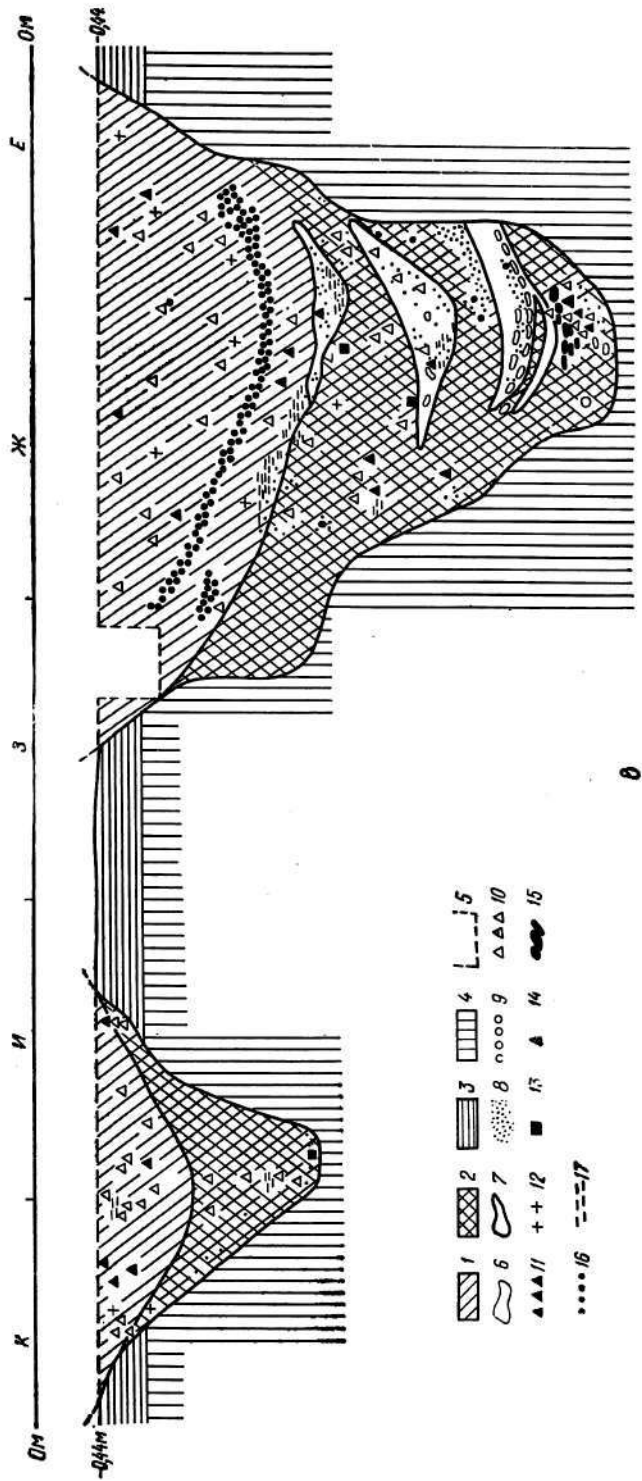

Рис 10. Поселение Маяки. Внутренний ров.

а — разрез по восточной стенке траншеи 1; б — разрез внутреннего рва и канавы по восточной стенке траншеи 11.
 1 — серый гумусированный суглинок со значительной примесью пелла; 2 — желто-серый перемешанный грунт; 3 — светлый предметорниковый суглинок; 4 — желтый материковый лесс; 5 — военная траншея; 6 — белая глина; 7 — кострища; 8 — угли; 9 — глиняная обмазка; 10 — кости; 11 — керамика; 12 — кремьень; 13 — отдельные камни; 14 — статуэтка; 15 — скопление камней; 16 — ракушки; 17 — рыба чешуя.

животных, мелкие куски обожженной глины. Грунт под кострищами прокален, часто встречаются угли.

В восточной траншее отмечена тонкая (5 см) прослойка мелких ракушек, залегающая наклонно (0,94—1,44 м) почти во всю ширину рва. Очевидно, ракушки были сыпаны по северной его стенке (рис. 10, в). На разных глубинах здесь также зафиксированы три кострища (линзовидные или дуговидные в разрезе), нижнее из которых расположено недалеко от дна. Под нижним кострищем в обожженном коричневом грунте с примесью угольков, на глубине 3,3 м, расчищена выкладка из уплотненных окатанных кусков известняка-ракушечника, уходящая в стенку траншеи. При расчистке среди камней найдены лежащие в анатомическом порядке позвонки быка, придонная часть кухонного горшка и небольшая стилизованная статуэтка. Находки (кусочки обмазки, кости, отдельные черепки) встречались до самого дна рва.

В древности внешний и внутренний рвы были связаны своеобразным ходом сообщения — узкой канавой, тянущейся примерно на 70 м с юго-востока на северо-запад и соединяющей противоположные концы обоих рвов (рис. 8; 10, в). Глубина канавы от древней поверхности 1,6 м, ширина в верхней части около 2-х м, стенки ее конически сходятся к узкому (0,5 м), слегка закругленному дну. Так же, как и рвы, канава сверху до половины заполнена серым грунтом с примесью пепла; весьма насыщена культурными остатками (фрагменты керамики, обломки кремния, кости, ракушки, кусочки печины). Ниже идет серовато-желтый рыхлый грунт, в котором находки встречаются гораздо реже. На разных глубинах попадаются угольки, однако кострища отсутствуют.

Сплошное и беспорядочное залегание культурных остатков, их характер и количество говорят о том, что оба рва и канава заполнялись бытовыми отходами. Так как материал (прежде всего керамика), найденный в разных частях заполнения и на разных глубинах, не имеет принципиальных отличий, можно предположить, что рвы были засыпаны в течение довольно короткого отрезка времени.

Обитатели древнего поселка, расположенного на ровном, открытом участке местности, начиная копать рвы, хотели защитить его с трех сторон (с четвертой служил естественной защитой береговой обрыв). По каким-то причинам работа эта не была закончена; рвы, не доведенные до обрыва, потеряли свое оборонное значение и, очевидно, в связи с этим их стали засыпать. Вопрос о вторичном использовании рвов в Маяках весьма труден для разрешения, так как пока нельзя с достаточной убедительностью интерпретировать кострища, обнаруженные в них. Возможно, их следует связывать с какими-то культовыми отправлениями; в этом случае напрашиваются аналогии с узкими углубленными «коридорами» Усатово—Большого Куяльника, на дне которых обнаружены культурные остатки и зола. Не исключено также, что кострища могли быть связаны с хозяйственными занятиями жителей поселения, например, с копчением рыбы. Об этом говорит, прежде всего, огромное количество рыбьих костей и чешуи, найденных в кострищах. Копчение лучше всего было производить именно здесь, на значительной глубине, где нет ветра и созда-

ется хорошая тяга. Не случайным поэтому представляется отсутствие кострищ в верхних горизонтах рва.

В промежутке между рвами, а также между внутренним рвом и краем обрыва не обнаружено никаких объектов усатовского времени — ям, жилищ и т. д. (до глубины 0,4—0,5 м здесь встречались лишь отдельные фрагменты керамики). Очевидно, они находились южнее, дальше от рвов, и были уничтожены оползнями. Лишь в северо-западной части поселения, в разведочных траншеях, заложенных сразу же за местом окончания обоих рвов, обнаружены небольшие по площади пятна культурного слоя, идущего на значительную глубину (1 м и более). Возможно, здесь мы имеем дело с углубленными жилищами (или хозяйственными ямами), но это предположение требует дальнейшей проверки. Так, или иначе, вопрос о жилищах Маяцкого поселения пока остается открытым.

Очевидно, к усатовскому времени относится погребение, обнаруженное в центре разведочной траншеи (крайней с запада) на глубине 0,92 м от современной поверхности. Погребенный лежал в материковом желтом лессе (следы ямы не прослежены) скорченно на спине. Ноги подняты и согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища, череп слегка отклонен вправо (рис. 11). Ориентация скелета северо-восточная. Инвентарь отсутствует.

Подавляющее большинство вещественных остатков с поселения Маяки происходит из рва, куда ссыпали бытовые и производственные отходы, поэтому здесь найдено немного целых изделий. В первую очередь это относится к кремневым орудиям труда: на тысячи обломков галек (исходное сырье) и отщепов приходится лишь около 20 целых орудий — семь скребков на пластинах и отщепах, три вкладыша серпов, три трапеции, проколка, наконечник дротика и т. д. Найдено более десятка микропластинок, сколотых с небольших конических и призматических нуклеусов (всего в Маяках встречено около 20 нуклеусов и нуклевидных обломков).

Широко представлены костяные орудия: шилья и проколки на обломках трубчатых и диафизарных костей, лощила разных форм. Встречено пять экземпляров правой ветви нижней челюсти домашнего быка. Все они сработаны, начиная от последнего коренного зуба. Рабочей частью служил задний конец ветви, имеющий вид глубокой и широкой выемки.

Рис. 11. Погребение из поселения Маяки.

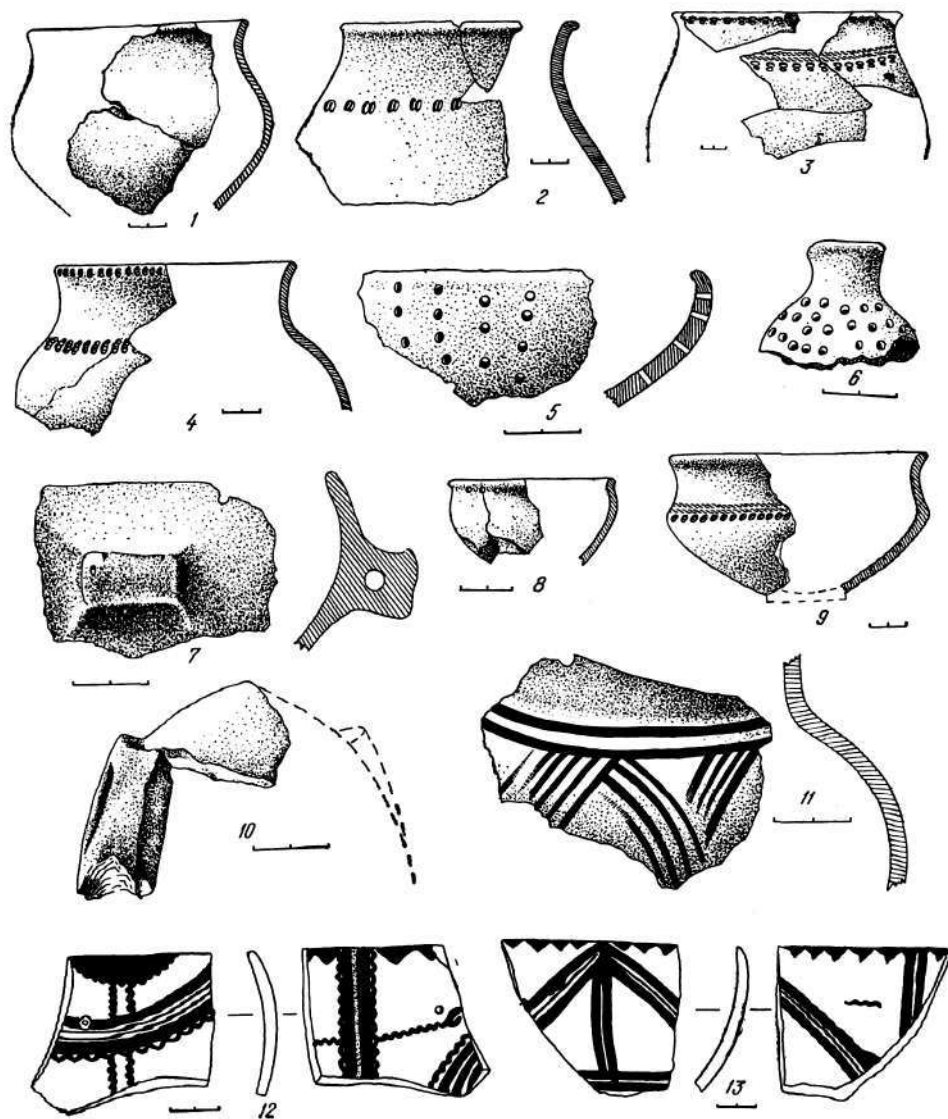

Рис. 12. Керамика поселения Маяки.

1-9 — кухонная посуда; 10-13 — столовая расписная посуда.

Вся поверхность суставной части ветви заполирована, залощена. Назначение этих орудий пока неясно.

Изделий из рога на поселении немного. Найдены обломки нескольких мотыжек, клевец, подвеска, заготовки для роговых поделок.

Коллекция керамики включает около 11 тыс. фрагментов сосудов; лишь очень немногие формы реставрированы или реконструированы графически. Как и на остальных поселениях, основную часть керамического комплекса составляет кухонная посуда с примесью ракушки в тесте. Это горшки разных форм, полусферические чаши, миски (рис. 12, 1—9). Очень редко встречаются большие сосуды-зерновники и амфоры. Более 70% посуды орнаментировано, причем штамповый орнамент встречается несколько чаще, чем шнуровой. Весьма обычно и сочетание этих двух видов орнамента. Изредка посуда украшалась пальцевыми защипами, врезными линиями, сквозными проколами.

Около 11% всей посуды в Маяках составляет керамика с примесью мелкого песка, с хорошо залощенной поверхностью. Встречаются миски, чаши, небольшие горшки и амфорки, сосуды цилиндрической формы. Орнамент — шнуровой и штамповый — иногда заполнен белой пастой.

Немногочисленна (6%) группа обычной трипольской посуды из розоватой отмученной глины (горшки, амфорки, полусферические чаши), расписанная темно-коричневой и красной красками (рис. 12, 10—13).

Кроме посуды, к глиняным предметам бытового назначения относятся несколько обломков биконических прясел из глины с примесью ракушки.

Культовые изделия представлены 23 статуэтками (две из них целые, остальные — в обломках) из глины с примесью мелкого песка и изредка ракушки. Встречен большой обломок статуэтки из необожженной глины. Абсолютное большинство составляют крайне стилизованные фигурки «усатовского» типа. Почти все они богато украшены. Найдены также два глиняных «кубика», известных по Усатовскому поселению, плоская глиняная лепешка диаметром 10 см и два цилиндрических обломка, очевидно, ножки моделей жилищ.

Кроме основного материала, на поселении в незначительном количестве выявлены предметы, относящиеся к иным эпохам. Здесь, прежде всего, следует упомянуть палеолитические кремни (25), встреченные на поверхности и в обоих рвах до глубины 2,5 м. По внешнему виду, размерам и типу они резко отличаются от усатовских кремневых изделий. Палеолитический кремль светло-серый, крапчатый, часто покрыт молочно-белой патинной. Половину находок составляют отщепы, найден также конический нуклеус, несколько скребков на широких пластинках, пластинки. Этот материал, относящийся к позднему палеолиту, свидетельствует об остатках разрушенной палеолитической стоянки на месте усатовского поселения.

В северо-западной части поселения на поверхности и в раскопах (до глубины 0,7 м) встречено до полусотни обломков керамики римского времени (амфорные ручки, фрагменты стенок, иногда с внутренним рифлением) — следы поселения, находящегося к северо-западу от нашего памятника.

Небольшое количество известных сейчас поселений усатовского типа, к тому же плохо сохранившихся и недостаточно изученных, затрудняет выявление их общих черт и специфики. По-прежнему весьма отрывочны наши сведения о планировке поселений, о характере и конструкции жилищ.

Несомненна связь усатовских поселений с труднодоступными участками местности, удобными для обороны, — мысами, высокими террасами и т. д. Там, где естественные преграды оказывались недостаточно надежными, они дополнялись искусственными. Наличие на усатовских поселениях оборонительных рвов, пожалуй, можно считать их специфическим признаком²⁴, истоки которого уходят вглубь культуры Кукутени-Триполье. Можно утверждать, что ров как тип фортификационного сооружения в эпоху неолита на территории Юго-Восточной Европы присущ прежде всего именно поселениям этой культуры.

Ров глубиной 1,9 м и шириной в верхней части 3 м защищал с напольной стороны поселение фазы Прекукутени III (раннее Триполье) в с. Тирпешти (Молдова)²⁵.

Уже на начальных фазах развитого Триполья места для поселков выбирались на останцах, узких мысах, обрезанных с трех сторон оврагами и обрывами. В этом случае интересы обороны требовали сооружения рва на перешейке. Такой ров, в частности, открыт на поселении Трушешти в Молдове (фаза Кукутени А₂). Длина его 200 м, ширина вверху — 2,5—5 м, глубина 2,5 м; в разрезе он напоминает воронку²⁶. Два рва ограждали с напольной стороны мысовидный выступ плато, на котором расположено поселение Хабашешти (фаза Кукутени А₃). Они тянулись на 120 м, на расстоянии 8—12 м один от другого. Ширина внутреннего рва 3,5—7 м, глубина 1,5—2,75 м; внешний ров достигает в ширину 5—7 м, при глубине 2,25—3,5 м (на обоих концах он заметно сужается). Внутренний ров на одном из концов разветвляется и не доведен здесь до обрыва²⁷.

Два рва, относящиеся к этапу В/1, были обнаружены на многослойном поселении Поливанов Яр на расстоянии 16 м один от другого. По мнению Т. С. Пассек, внешний ров был выкопан после того, как жители засыпали внутренний, желая расширить площадь поселка²⁸. Конструктивно более сложные оборонительные сооружения фазы Кукутени А₃ открыты на эпонимном поселении, расположенном на узком мысовидном участке плато, ограниченном с трех сторон крутыми обрывами. На по-

²⁴ Среди многих известных сейчас поселений иных локальных вариантов позднего Триполья защищено рвом лишь поселение софиевского типа в с. Казаровичи под Кневож. См. В. О. Круц. Розкопки в Козаровичах.— АДУ, вып. IV. К., 1972, стр. 90—95.

²⁵ S. Marinescu-Bîlcu. Unele probleme ale neoliticului Moldovenesc în lumina săpăturilor de la Tîrpești.— SCIV, 3, 1968, стр. 395—422.

²⁶ A. Florescu. Befestigungsanlagen der spätneolithischen Siedlungen im Donau-Karpatenraum.— Studijné zvesti AŮ SAV, Nitra, 1969, стр. 112—113.

²⁷ V. Dumitrescu. Hăbășești. București, 1967, стр. 23—25, рис. 3, 5.

²⁸ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья, стр. 133.

логом западном скате поселок был защищен рвом, выкид из которого шел на создание примыкающего ко рву вала ²⁹.

К более поздней фазе развитого Триполья (Кукутени А-В) относится поселение Траян Дялул—Фынтынилор, лежащее на краю невысокой речной террасы. В соответствии с топографией участка ров здесь имел форму полуокружности, опоясывая поселение с трех сторон и выходя своими концами к краю террасы. После того, как поселок расширился, этот ров был засыпан и выкопан новый, значительно больших размеров, отчасти совпадающий с первым ³⁰.

К концу развитого — началу позднего Триполья относится второй («внешний») ров на поселении Кукутени ³¹ и ров на поселении Сороки-Озеро на Днестре ³².

Традиции и навыки трипольской фортификации более ранних периодов (наличие двойных рвов, «воронковидность» их профиля и т. д.) заметно сказались на оборонительных сооружениях усатовских поселений.

Необходимо указать на различный характер поселений усатовского типа. Если Маяки и Фолтешти были рядовыми, по-видимому, недолговременными поселениями, оставленными сравнительно небольшими этническими коллективами, то даже те отрывочные сведения, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют сделать заключение о более важной роли Усатово—Большого Куяльника. Значительная территория, занятая всем комплексом памятников (поселение и четыре могильника), большая площадь поселения (не менее 5 га), наличие многих сложных и необычных сооружений позволяют считать, что поселение это в древности было крупным, возможно, межплеменным центром, имеющим, как полагали его исследователи, большое культовое значение ³³.

МОГИЛЬНИКИ

Могильники усатовского типа делят на курганные и грунтовые.

Курганные могильники. Сейчас изучено около 50 курганов усатовского типа, расположенных, как правило, группами, от трех до десяти насыпей в каждой. Выделяется своими размерами I могильник в с. Усатово, насчитывавший, как уже указывалось, более 20 насыпей. Изредка встречаются одиночные курганы. Курганные могильники обычно находятся на высоких берегах рек, лиманов, озер.

По своим размерам курганы усатовского типа сравнительно невелики: высота их редко превышает 1 м. Насыпи, как правило, расплывшиеся, диаметром от 20 до 30 м. Самый большой из раскопанных курганов (кур-

²⁹ M. Petrescu-Dîmbovița. Nouvelles fouilles archéologiques à Coucouteeni—Baitcheni en Roumanie.—Atti del VI Congresso internazionale delle scienze Preistoriche e Protostoriche, v. II, comunicazioni. Roma, 1965, стр. 246—252, табл. XLVII.

³⁰ H. Dumitrescu, V. Dumitrescu. Activitatea șanțierului arheologic Traian.—MCA, v. VIII, 1962, стр. 249—252.

³¹ M. Petrescu-Dîmbovița. Nouvelles fouilles..., стр. 250; A. Florescu. Befestigungsanlagen..., стр. 118—121.

³² Е. К. Черныш. Трипольское поселение Сороки-Озеро.—КСИА АН СССР, вып. 123. М., 1970, стр. 79—80.

³³ О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатівської культури, стр. 42.

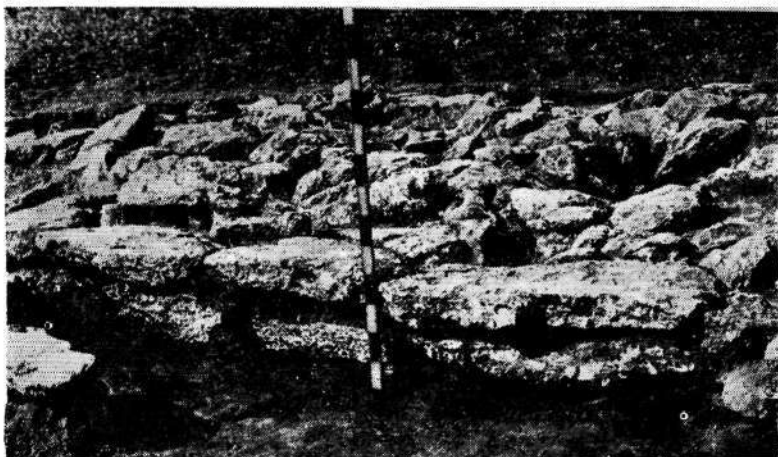

Рис. 13. Курган I—14 в с. Усатово. Деталь кромлеха.

ган I—11 в с. Усатово) достигает в высоту 2,1 м, при диаметре насыпи 40 м.

В нескольких случаях вокруг курганов обнаружены кольцевые ровики, земля из которых шла на насыпь.

Составной частью большинства курганов усатовского типа являются различные каменные конструкции, чаще всего кромлехи. Лишь в десяти курганах нижнего Днестра (Суклея, курган № 2; Красногорка и др.) и Днестро-Дунайского междуречья (Нерушай, курган № 9; Болград, курган № 6) сооружения из камня отсутствуют.

Охарактеризуем вкратце основные типы каменных конструкций курганов усатовского типа.

Кромлехи. В плане кромлех имеет форму круга или овала диаметром от 12 до 17 м. Самый большой кромлех открыт в кургане I—11 с. Усатово; диаметр его — 26 м. Кромлех в с. Усатово сложен из двух концентрических каменных колец (курганы № I—4 и II—2); расстояние между ними составляет 1—2 м. Ширина пояса кромлеха колеблется 1—3 м.

С точки зрения архитектоники весьма показателен кромлех кургана I—14 в с. Усатово. Хорошо сохранилась южная его половина в виде широкой (шире 3-х м) полуокружности, внешний диаметр которой достигает 14 м. Кромлех был сложен из камней различных размеров (в том числе и плоских плит до 1 м длиной), лежащих беспорядочно, иногда в два яруса. Если в забутовке кольца кромлеха не видно никакой системы, то внешний его край оформлен весьма тщательно: он состоит из массивных плоских плит (толщина их 15—25 см, длина 80—100 см), уложенных в два яруса и плотно пригнанных друг к другу (рис. 13). Эта кладка прослежена по всей сохранившейся части кромлеха. Наиболее монументальным выглядит кромлех кургана № I—11 в с. Усатово. Ширина его коль-

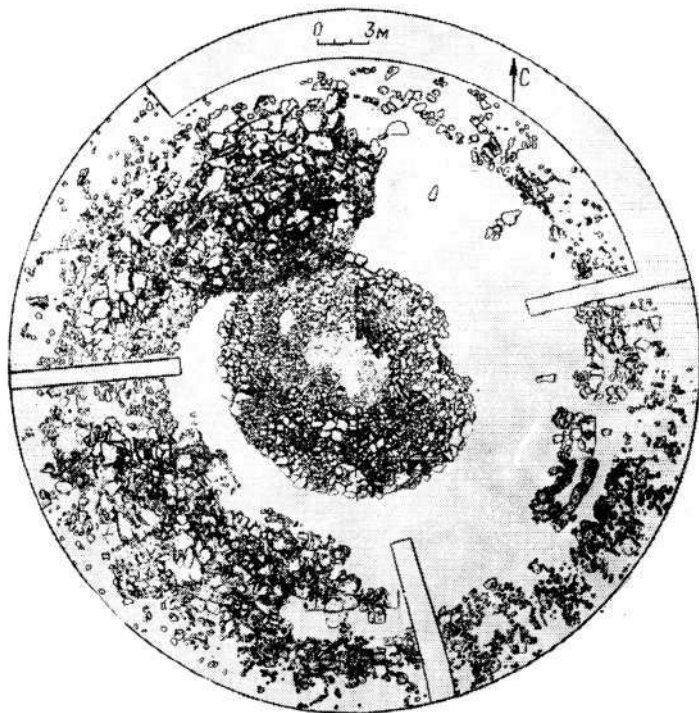

Рис. 14. План кургана I—11 в с. Усатово.

ца достигала 1,5—2 м. В юго-западном секторе, где кромлех хорошо сохранился, он состоит из больших плит известняка (1,4×1,2 м), уложенных в пять ярусов одна на другую таким образом, что края каждой двух смежных плит перекрывались третьей. Высота этого каменного пояса достигала 0,8 м³⁴ (рис. 14; 15).

Несколько необычен по своей конструкции кромлех кургана у с. Сараты. Он сложен из камней и плит, стоящих на ребре и наклоненных наружу от центра кургана³⁵.

Исследователи курганов в с. Усатово отмечают, что некоторые кромлехи имеют «входы» (разрывы, ориентированные по сторонам света). Вероятно, многие из этих разрывов можно объяснить разрушением кромлеха, но в кургане № I—8 кромлех, без сомнения, разорван преднамеренно. В южной его части имеется интервал шириной до 5 м, по краям которого, под камнями, найдены погребальные ямы.

Весьма своеобразной чертой кромлехов, открытых при раскопках курганов в с. Усатово, является наличие в их кладке плит, стоящих на

³⁴ О. Ф. Лагодовська. Розкопки Усатівського кургану I—11 1940 р.— НЗПА, кн. II. К., 1946, стр. 42—43.

³⁵ И. Т. Черняков. Позднетрипольский курган у с. Сарата Одесской обл., стр. 34.

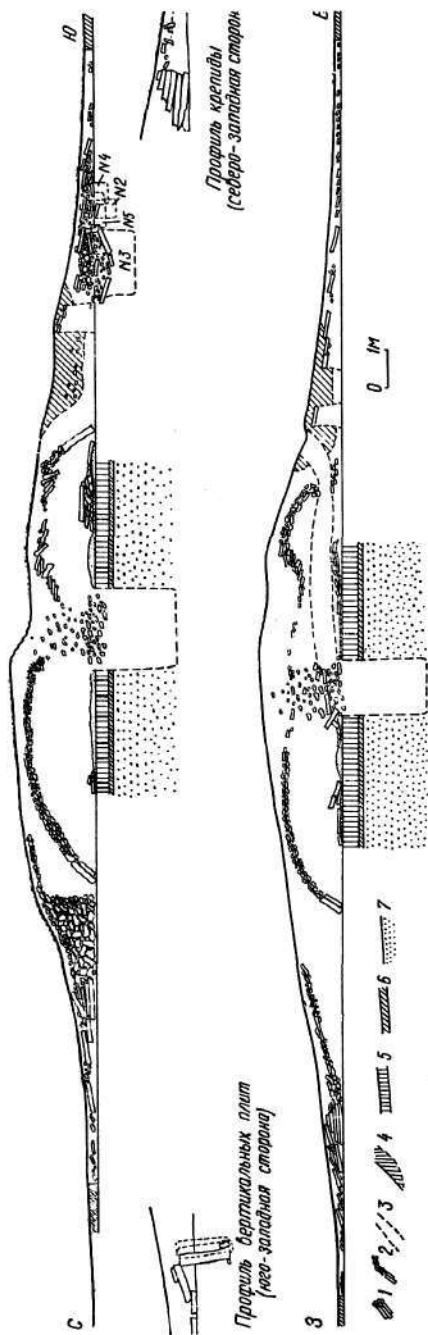

Рис. 15. Курган I—11 в с. Усатово. Профили по линии С—Ю и 3—В.

1 — камень наружной кладки; 2 — камни куполообразного сооружения; 3 — ход нарушителя могилы; 4 — позднейшее сооружение; 5 — ход нарушителя могилы; 6 — суглинок; 7 — глина.

ребре (рис. 16). Они обнаружены в курганах I—3 (две плиты), I—9 (четыре плиты), I—11 (три плиты), I—14 (две плиты), II—3 — во всех случаях в юго-западном секторе кромлеха. Обычно это массивные плиты значительных размеров, поставленные вертикально при сооружении кромлеха; впоследствии они упали, однако их первоначальное положение не вызывает сомнения. В кургане I—11 три таких плиты стояли впритык друг к другу, причем материковый выкид из канавок, куда они были вкопаны, обнаружен под камнями кромлеха, то есть плиты эти были воздвигнуты раньше, чем сооружена прилегающая часть кромлеха³⁶. Южная плита (№ 1) достигала в высоту 2,7 м. В верхней ее части обнаружено рельефное изображение собаки. На плите из кромлеха кургана I—3 изображены человек, олень и три коня.

Стратиграфические наблюдения над залеганием камней кромлеха позволяют утверждать, что, как правило, он сооружался на древней дневной поверхности и центром его являлось основное погребение кургана. Кромлех также мог быть сооружен после того, как рядом с центральной ямой возникли другие могилы: в кургане № I—15 он лежит на выкиде из погребальных ям³⁷.

³⁶ О. Ф. Лагодовська. Розкопки Усатівського кургану..., стр. 4.

³⁷ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана I—15 в 1962 г. — КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, стр. 14.

Иногда кромлех сооружали для укрепления древней насыпи кургана; в этих случаях камни лежали наклонно на насыпном слое, а не на древней дневной поверхности (курганы I—9, I—13 в с. Усатово, курган в с. Тудорово). В кургане I—11 с. Усатово кромлех выполнял функции крепи, сдерживающей земляную насыпь над центральным куполообразным сооружением³⁸ (рис. 15).

Каменные перекрытия. Обычно погребальные ямы, находящиеся внутри кромлеха, перекрывали одной или несколькими каменными плитами. Часто над ямами сооружали закладки овальной формы из беспорядочно залегающих камней и обломков плит. В трех курганах I Усатовского могильника над центральными могилами были возведены каменные куполообразные сооружения.

Уникальным является сооружение в виде купола, обнаруженное в кургане I—11, где оно прикрывало собою небольшую земляную насыпь на месте центрального погребения³⁹. Основание сооружения состояло из больших плит, лежащих на древней поверхности в виде пояса. Ширина основания 12—14 м, высота всего сооружения 1,75 м. Склоны сооружения выложены из камней средних и небольших размеров, причем толщина этой обкладки доходила местами до 0,5 м. Всего на постройку куполообразного сооружения ушло 450 больших плит и около 8000 мелких и средних камней (рис. 17). Над сооружением была возведена древняя насыпь кургана, обложенная по склонам каменными плитами. В некоторых местах эта облицовка достигала 1 м в высоту.

В кургане I—9 над центральной погребальной ямой открыта дуго-видная каменная кладка из плит среднего размера. Плиты несколько наклонены внутрь, будучи уложенными на небольшую земляную насыпь, перекрывавшую могилу⁴⁰. Подобная конструкция обнаружена и над центральной погребальной ямой кургана I—12 в с. Усатово. Ширина ее около 6 м, высота — 0,7—0,9 м⁴¹.

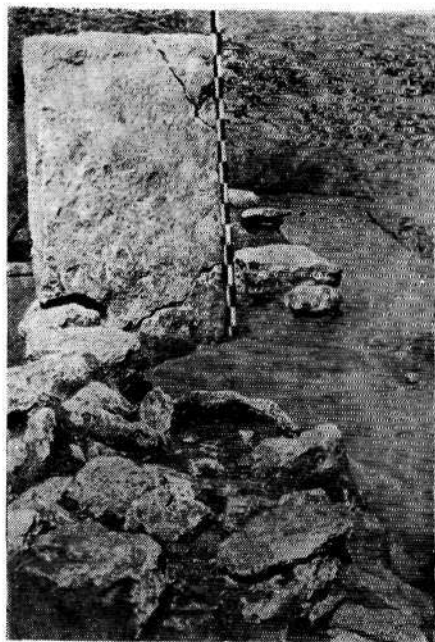

Рис. 16. Курган I—14 в с. Усатово. Плита в юго-западном секторе кромлеха.

³⁸ О. Ф. Лагодовська. Розкопки Усатівського кургану..., стр. 44.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Е. Ф. Лагодовская. О раскопках в с. Усатово за 1939 г.— Научный архив ИА АН УССР, Лаг. 1, стр. 1—29.

⁴¹ Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12, стр. 105—106, рис. 1.

Рис. 17. Курган I—11 в с. Усатово. Куполообразное сооружение.

Каждый курган усатовского типа содержит от одного до пяти погребений в грунтовых ямах (реже на древней поверхности), расположенных внутри кромлеха либо под его камнями. Лишь в одном случае (курган № II—1 в с. Усатово) четыре погребения обнаружены за пределами кромлеха, рядом с ним.

Погребальные ямы чаще всего имеют форму прямоугольника с закругленными углами, реже — квадрата, и лишь в нескольких случаях обнаружены овальные ямы. Длина ямы колеблется от 1,5 до 2-х м, ширина — от 1,2 до 1,5 м; средняя глубина — 1 м. Обычно ямы ориентированы длинной осью по линии СВ-ЮЗ, реже — З-В и в нескольких случаях — С-Ю.

Стенки ям прямые или сужающиеся ко дну. Иногда на них можно заметить следы орудий, при помощи которых они были выкопаны. Стенки центральной ямы кургана I—3 были обложены деревом⁴². Дно ям ровное; лишь на дне центральной ямы кургана I—1, вдоль стенок были выкопаны канавки глубиной 0,3—0,4 м, так что покойник лежал на искусственном возвышении⁴³. На дне центральной ямы кургана I—12 в углах были выкопаны четыре круглые ямки глубиной 12—18 см. Четыре подобных углубления обнаружены на дне центральной ямы кургана в с. Тудорово (вдоль ее восточной стенки). Очевидно, эти ямки для столбов, на которых над ямой было возведено перекрытие.

⁴² Е. Ф. Лагодовская. Курган № I—3.— Научный архив ИА АН УССР, Лаг. № 2, стр. 8.

⁴³ Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках кургана I—1.— Научный архив ИА АН УССР, Лаг. № 2, стр. 2.

Весьма необычна и интересна яма центрального погребения в кургане II—2 с. Усатово; к ней с севера вел трехступенчатый спуск длиной 1,4 м⁴⁴. Ступенька, выкопанная в юго-западной стенке, вела также в центральную погребальную яму кургана I—3. Сверху ямы иногда перекрывались не только камнем, но и деревянными плахами, отпечатки которых обнаружены, например, при расчистке центральных ям в курганах I—3 и I—4. Центральная яма кургана в с. Тудорово была перекрыта слоем тростникового настила, на котором в два яруса крест-накрест лежали деревянные плахи⁴⁵.

Погребения усатовских курганов сохранились очень плохо, поэтому часто трудно определить положение и ориентацию погребенного, его пол и возраст. Всего обнаружено около 90 погребений. Погребенные чаще всего лежат в скорченном положении на боку: ноги согнуты в коленях, руки — в локтях и прижаты к груди, кисти рук обычно находятся у лица (рис. 18).

Преобладают скорченные захоронения на левом боку (28 из 55 погребенных, положение которых удалось определить).

На правом боку было похоронено 8 умерших, 14 лежали в скорченном положении на спине. Руки вытянуты вдоль тела (одна из них иногда положена на таз), реже согнуты в локтях и прижаты к груди. В кургане I—3 с. Усатово все погребенные (три погребения, причем одно из них парное) лежат скорченно на спине. В таком же положении лежали скелеты в неразрушенных погребениях № 1 и 8 в кургане с. Тудорово. В некоторых курганах обнаружены скорченные погребения, лежащие и на боку и на спине, а в парном погребении № 2а кургана II—3 в с. Усатово один погребенный лежал скорченно на спине, другой — на боку.

Пять погребенных лежали вытянуто на спине; четыре из них похоронены на древнем горизонте в кургане № 91 с. Парканы, один — в центральной погребальной яме кургана № 147 в этом же селе⁴⁶.

Как правило, скелеты лежали по длинной оси ямы, хотя в нескольких случаях отмечено и диагональное их положение. Преобладает северо-восточная (52%) и восточная (31%) ориентация костяков. В единичных случаях покойники ориентированы головой на север, запад, юго-восток. Четыре погребенных в кургане № 91 в с. Парканы ориентированы головами на юг.

При раскопках некоторых курганов в с. Усатово обнаружены парные погребения. В этих случаях ориентировка покойников обычно совпадает, но положение их разное. В яме № 2 кургана I—7 один из погребенных лежал в скорченном положении на левом боку, другой — на правом. В кургане № I—13 (центральная погребальная яма) оба покойника лежали спиной друг к другу⁴⁷. В кургане II—3 центральная погребальная яма разделена перемычкой на две части, в каждой из которых находилось по два скелета: в яме 2а один покойник лежал в скорченном поло-

⁴⁴ Е. Ф. Лагодовская. Курган II—2.—Научный архив ИА АН УССР, Лас. № 2, стр. 3.

⁴⁵ А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у с. Тудорово, стр. 74—75.

⁴⁶ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., стр. 114—115.

⁴⁷ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана № 13 в 1961 г., стр. 13.

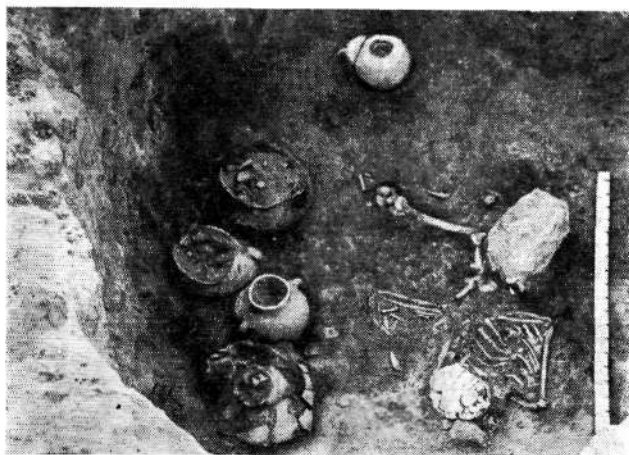

Рис. 18. Курган в с. Тудорово. Погребение № 1.

жении на левом боку, другой — на спине; в яме 2а оба покойника лежали скорченно на левом боку⁴⁸. Во всех перечисленных случаях погребенные похоронены одновременно. Весьма интересно двойное погребение в яме № 2 кургана I—12. Это единственный случай, когда покойники лежат один над другим: верхний на глубине 35 см (по диагонали ямы, скорченно на левом боку, головой на СВ), нижний — на дне ямы (глубина 70 см), скорченно на левом боку, головой на СЗ. Э. Ф. Патокова считает, что погребения эти разновременны⁴⁹. В кургане I—4 с. Усатово встречены отдельные захоронения четырех человеческих черепов.

При расчистке ям удалось проследить некоторые детали погребального ритуала. Так, на дно ямы иногда насыпали песок (центральное погребение кургана I—3), белый порошок, золу (центральное погребение кургана I—12). Изредка погребенного клали на подстилку из прутьев или покрывали хворостом, ветками. В курганах усатовского типа отмечено 11 случаев применения охры при погребальном обряде. Четыре скелета (погребение 1 и 8 в кургане у с. Тудорово, основные погребения в курганах № 9 у с. Нерушай и № 1 у с. Огородное) были целиком окрашены. В остальных случаях окрашены были череп, кости ног или рук. При центральном погребении кургана II—2 обнаружена расписная чаша с охрой.

Как правило, покойники, похороненные в усатовских курганах, снабжены погребальным инвентарем, иногда довольно богатым и обильным (особенно при центральных захоронениях). Лишь в нескольких случаях инвентарь в погребении отсутствует.

При каждом погребенном находят от одного до пяти кухонных и столовых расписных сосудов. В количественном отношении доминирует

⁴⁸ Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках кургана II—3 в Усатове в 1933 г.— Научный архив ИА АН УССР, Лаг. 3, стр. 1—23.

⁴⁹ Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12, стр. 117.

кухонная посуда (около 60%). Например, в некоторых курганах с. Усатово найдена посуда только этого сорта (курган I—15)⁵⁰; в курганах Поднестровья обычно преобладает столовая посуда. Часто при покойниках находят полусферические чаши из отмученной глины.

Обычно сосуды стоят перед лицом погребенного, у его головы, ног, таза, возле стенки ямы, в ее углах (рис. 18). В нескольких случаях керамика (чаще всего

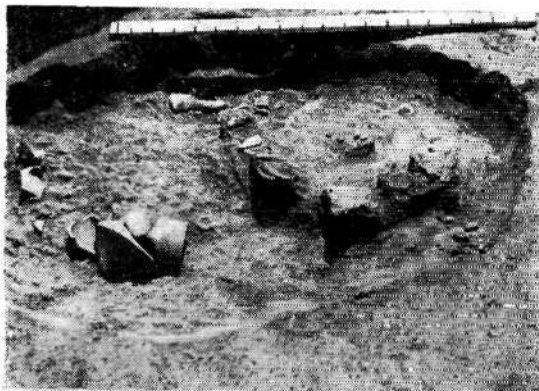

Рис. 19. Курган в с. Тудорово. Культовая яма № 1.

обломки сосудов) найдена среди камней закладки над погребальной ямой или даже среди камней кромлеха. В кургане у с. Сараты был обнаружен небольшой ящик, сложенный на древнем горизонте из вертикально вкопанных в грунт каменных плит. В углу ящика стоял расписной сосудик⁵¹. Поскольку центральное погребение кургана (в грунтовой яме) было безинвентарным, можно предположить, что каменный ящик и сосудик относятся именно к этому погребению. Кроме керамики, при погребенных иногда встречаются орудия труда из кремня и камня, кости, рога, металла; скребки, микролитические изделия, наконечники стрел, шилья, проколки, плоские топоры-тесла, долота; разнообразные украшения: бусы и пронизи из кости, рога, глины и перламутра, подвески и ожерелья из клыков хищников и зубов оленя, медные и серебряные височные кольца и пронизи. При центральных погребениях некоторых курганов (I—3, I—12, I—13 в с. Усатово, курган в с. Тудорово) обнаружен определенный набор медных предметов — шило, плоский топорик, кинжал.

Изредка в погребальных ямах находят глиняные антропоморфные статуэтки.

Следует отметить, что в целом мужские и женские погребения (за исключением тех редких случаев, когда удается разделить погребенных по полу и возрасту) не различаются по инвентарю: и в тех и в других встречены сосуды, орудия труда, украшения. Лишь оружие найдено только при мужских погребениях.

Кроме погребальных ям, в курганах усатовского типа встречено значительное количество так называемых культовых ям. Они обнаружены в курганах с. Усатово и в Тудоровском кургане (рис. 19). Наибольшее их количество открыто в курганах № I—12 (4) и I—11 (3) с. Усатово.

⁵⁰ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана I—15 в 1962 г., стр. 46, рис. 1.

⁵¹ И. Т. Черныков. Указ. соч., стр. 33.

Как правило, эти ямы находят под камнями кромлеха, преимущественно в Ю-З секторе кургана. В этом секторе, в частности, обнаружены все три культовые ямы кургана I—II, связанные, по наблюдениям Е. Ф. Лаговойской, с центральной погребальной ямой⁵².

Культовые ямы можно разделить на две группы. К первой относятся небольшие (длина до 1 м, ширина 0,7—0,8 м) и очень неглубокие ямки, во второй — ямы таких же размеров, как и погребальные. И в тех и в других не обнаружено никаких следов погребений. Ямы первой группы, по-видимому, использовали только для хранения погребального инвентаря и выкапывали во время каких-то ритуальных церемоний (возможно, во время трауна по умершему). Ямы второй группы могли быть выкопаны для символического захоронения членов рода, погибших где-то на стороне, то есть использовались в качестве кенотафов.

Инвентарь культовых ям обычно не отличается богатством и разнообразием. Это чаще всего один или два кухонных сосуда, стоящих на дне ямы, в центре или в углу. Изредка в таких ямах находят фрагменты костей животных, обожженные камни. В яме № 5 кургана II—1 в с. Усатово вместе с кухонным сосудом найдена стилизованная антропоморфная статуэтка. На этом фоне неожиданно богатым инвентарем (пять сосудов, четыре статуэтки и другие предметы) отличается лишь культовая яма № 6 кургана II—2, о которой более подробно будет сказано в IV главе.

Грунтовые могильники. Количество грунтовых могильников невелико (их всего четыре), и исследованы они недостаточно полно; на I грунтовом могильнике в с. Усатово сохранилось лишь два погребения, на могильнике в с. Голерканы — три, а из могильника в с. Раскайцы происходит лишь несколько сосудов. О погребальном обряде и инвентаре грунтовых некрополей можно судить на основе данных, полученных при раскопках II грунтового могильника в с. Усатово⁵³. За три года раскопок здесь исследовано около 600 м² и вскрыто 26 погребений. Судя по выпаханым плугом камням, общая площадь могильника составляет не менее 1 га. Погребения залегают небольшими компактными группами (примерно по десять захоронений в группе), каждая из которых несколько отдалена от соседней. Большая часть исследованных погребений на древнем горизонте была отмечена каменными плитами и закладками (рис. 20). Погребальные ямы, находящиеся под закладками и плитами перекрытия, обычно достигают 1,1—1,5 м в длину, при ширине 0,6—1 м; глубина их 0,5—0,7 м. В плане они имеют форму овала или прямоугольника с закругленными углами. Стенки ям прямые или сужающиеся ко дну. Ориентированы погребальные ямы обычно по линии восток-запад или северо-восток—юго-запад.

Погребенные лежат по длинной оси ямы скорченно на левом боку,

⁵² О. Ф. Лаговойська. Розкопки Усатівського кургану I—II, стр. 53.

⁵³ В. Г. Збеневич. Раскопки бескурганного могильника в с. Усатово.—КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 37—45; Э. Ф. Патохова. Раскопки Усатовского бескурганного могильника в 1964 г.—МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, стр. 201—210; е е же. Раскопки Усатовского бескурганного могильника, стр. 230—231.

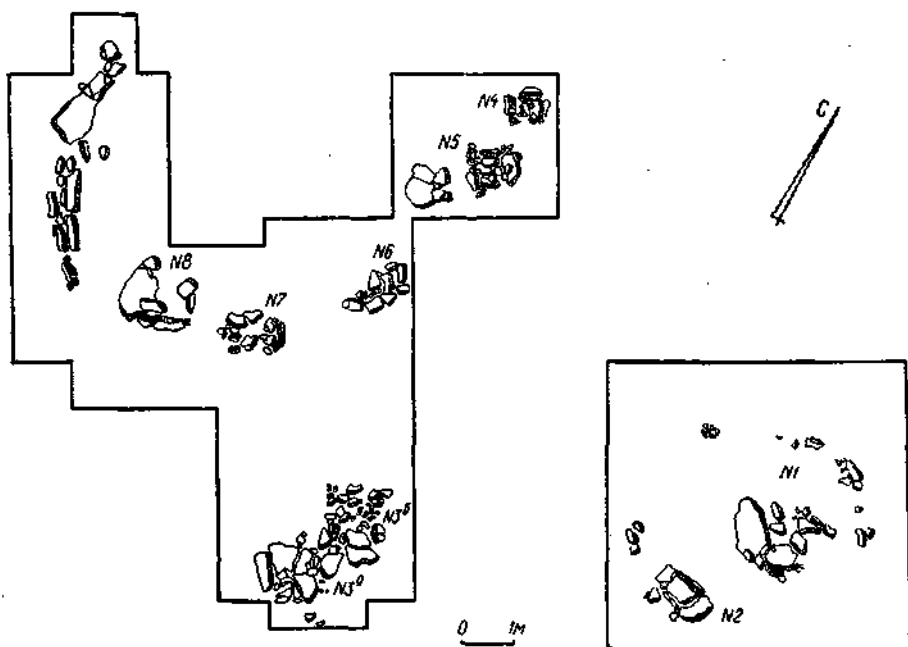

Рис. 20. II грунтовой могильник в с. Усатово. План раскопок 1962 г.

гораздо реже — на правом или на спине. Сохранность скелетов очень плохая, поэтому положение рук и ног покойного далеко не всегда удается определить; в нескольких случаях руки были согнуты в локтях и кисти находились у лица. Ориентированы костяки в абсолютном большинстве случаев на восток и северо-восток. На черепках и костях ног нескольких скелетов заметны слабые следы охры.

Инвентарь грунтовых могильников сравнительно беден и однообразен. В каждом грунтовом погребении найдено от одного до пяти небольших сосудов, поставленных непосредственно при покойнике или среди камней закладки над погребальной ямой. Почти все сосуды относятся к группе кухонной керамики (с примесью ракушки в тесте); лишь 4 из 50 сосудов, найденных при раскопках II грунтового могильника в с. Усатово изготовлены из розовой отмученной глины. В грунтовых могильниках Нижнего Поднестровья (Раскайцы, Голерканы) преобладает столовая расписная керамика (пять сосудов из шести, найденных в Раскайцах, относятся к этой группе). При погребенных встречено также несколько глиняных антропоморфных статуэток и кремневых изделий (трапеции, наконечники стрел).

Кроме погребений, в грунтовых ямах обнаружено несколько погребений непосредственно на древней поверхности под каменными плитами или закладками. По своей ориентации, положению, инвентарю они ничем не отличаются от всех остальных погребений.

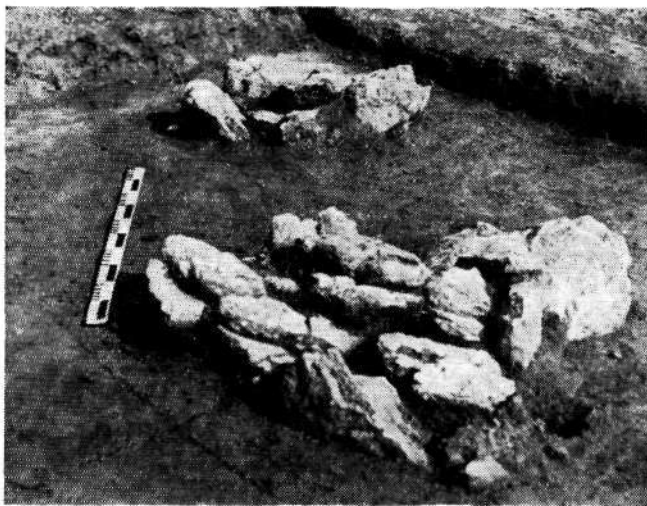

Рис. 21. II грунтовой могильник в с. Усатово. Закладка № 5 (на переднем плане) и каменная оградка.

На площади II грунтового могильника обнаружено также десять культовых ям (или кенотафов). Примером может служить яма под закладкой № 8, перекрытая большой каменной плитой. В плане яма имеет вид прямоугольника ($1,4 \times 1,1$ м) с закругленными углами; она углублена в материковую глину на 0,4 м и длинной осью ориентирована с востока на запад. На дне ямы, в центре ее, стояли рядом небольшой сосуд-кубок и стилизованная антропоморфная статуэтка, на которой видны следы охры. Никаких признаков погребения в яме не выявлено⁵⁴.

Культовый характер имеют обнаруженные на II Усатовском грунтовым могильнике небольшие прямоугольные оградки, находящиеся рядом с погребальными ямами и составленные из плит, вертикально вкопанных в грунт. Обнаружено два таких сооружения. Одно из них расположено рядом с закладкой № 5 (рис. 21) и представляет собой оградку из четырех плит (размеры ее $0,8 \times 0,65$ м), на внутренней поверхности которых заметны следы огня. Под оградкой расчищена небольшая овальная яма ($0,85 \times 0,65$ м), слегка углубленная в материковую глину и ориентированная по линии восток-запад, то есть также, как и погребальная яма, расположенная рядом под закладкой № 5. На дне ямы, в центре ее найдена слегка поврежденная миниатюрная глиняная мисочка. В соседней погребальной яме обнаружено парное погребение. Скелет взрослого мужчины лежал по длинной оси ямы (покойник был похоронен в скорченном положении на спине, головой на восток); второй скелет (ориентирован

⁵⁴ В. Г. Збенович. Раскопки бескурганного могильника в с. Усатово, стр. 41.

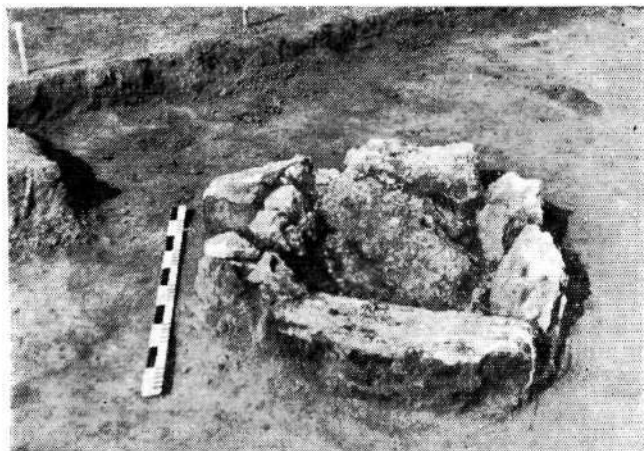

Рис. 22. II грунтовой могильник в с. Усатово. Оградка № 2.

на запад) почти совершенно разрушен: кости его рук и ног смещены и перемешаны⁵⁵. Возможно, это вторичное захоронение.

Вторая оградка расположена на расстоянии 1 м от закладки № 1 (размеры ее 1,2×0,8 м). Она составлена из шести вертикально стоящих и слегка наклоненных наружу плит, перекрытых плитой, которая впоследствии осела внутрь сооружения (рис. 22). Оградка ориентирована с запада на восток в соответствии с ориентировкой погребальной ямы под закладкой № 1. Под оградкой расчищена небольшая яма, на дне которой найдены фрагменты сосуда со следами охры на стенках. Связь оградки с погребением под закладкой № 1 несомненна, так как обе они обнесены нешироким, плохо сохранившимся кромлехом. Это пока единственный кромлех, обнаруженный при раскопках грунтовых могильников усатовского типа.

Заканчивая описание могильников, попытаемся определить совокупность признаков, характеризующую специфику погребального обряда усатовских племен: 1. наличие курганных и грунтовых могильников; 2. широкое применение камня в конструкции могильников обоих типов (кромлехи, закладки, купольные сооружения и т. д.); 3. положение покойников в скорченном состоянии на левом боку, ориентация восточная или северо-восточная; 4. незначительное применение охры; 5. наличие культовых ям и довольно богатого погребального инвентаря, особенно керамики.

⁵⁵ Там же, стр. 39.

Характеристика погребений предшествующих этапов Триполья, в частности погребений Поднестровья, поможет выяснить вопрос о том, как складывался погребальный обряд усатовских племен.

К раннему этапу относятся два захоронения на Среднем Днестре: в Луке-Врублевещкой в углублении пола жилища № 5 обнаружены кости ребенка⁵⁶, на поселении Солончены II найден скелет мужчины (в скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток), рядом с которым обнаружены остатки четырех сосудов⁵⁷.

На поселении Траян Дялул-Фынтынилор в Румынии под наземным жилищем-площадкой были вскрыты две погребальные ямы со следами кострищ. В одной из них обнаружен скелет юноши, похороненного в вытянутом положении на спине (головой на восток—юго-восток), во второй — несколько костей ребенка. Многочисленные сосуды, найденные тут же, датируют эти погребения эпохой развитого Триполья (фаза Кукутени АВ)⁵⁸.

На поселении Незвиско (Верхнее Поднестровье) в яме между жилищами обнаружено погребение, ориентированное на северо-восток. Погребенный лежал скорченно на спине, ноги раскинуты ромбом, руки вытянуты вдоль тела, кисти их помещены на тазовых костях. В ногах покойника стоял расписной биконический сосудик, позволяющий датировать погребение концом этапа В/II⁵⁹.

В более южных районах Поднестровья на поселениях этого времени (Крутобородинцы, Петрены) иногда встречались пережженные человеческие кости и урны с пеплом⁶⁰. Чрезвычайную пестроту погребальных обрядов дает в эпоху развитого Триполья Среднее Поднепровье. На соседних и одновременных поселениях здесь встречаются разные типы захоронений: вытянутое (Щербаневка) и скорченное труположение (Черняхов), трупосожжение (Веремье)⁶¹. Более того, на одной площадке в Веремье обнаружены погребения с труположением и трупосожжением.

К началу позднего Триполья (этап С/1) относятся два поселения в Верхнем Поднестровье — Кунисовцы и Кошиловцы, где в 1953 г. под полом жилищ найдены захоронения пережженных человеческих костей⁶².

⁵⁶ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевещкая, стр. 194.

⁵⁷ Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения. — МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 60—62.

⁵⁸ H. Dumitrescu. O descoperire in legatură cu ritul de inmortntare in supraginsul culturii ceramicii pictate Cucuteni—Tripolie. — SCIV, № 3—4, 1954, стр. 399—427.

⁵⁹ Е. К. Черныш. Вновь открытое погребение у с. Незвиско на Днестре. — МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 77—79.

⁶⁰ В. В. Хвойка. Раскопка площадок в с. Крутобородинцах, Летичевского уезда Подольской губ. и вблизи с. Веремье Киевской губ. — «Древности», Труды МАО, т. XXII, вып. 2, М., 1909, стр. 284; Э. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. — Труды XIII АС, т. 1, М., 1907, стр. 16—17.

⁶¹ В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Поднепровья. К., 1913, стр. 15—16.

⁶² В. П. Кравец. Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье. — КСИА, вып. 4, К., 1955, стр. 134.

К этому же времени Т. Г. Мовша относит безынвентарное скорченное на боку захоронение, обнаруженное между жилищами поселения Коломыйщина I на Днепре ⁶³.

Для всех перечисленных выше трипольских погребений характерно размещение их в пределах жилищ: под полом, в специальных ямах, на полу, в погребальных урнах. Лишь изредка погребения расположены вблизи жилищ, между жилищами, но ни разу не выходят за пределы поселения. На этот факт давно обратили внимание многие исследователи, пришедшие к выводу о том, что погребения в жилищах являются ритуальными, связанными с культовыми идеями возрождения, плодородия, обратимости ⁶⁴.

Однако на основе одних лишь ритуальных захоронений невозможно с уверенностью судить о погребальном обряде, который отражает совокупность сложившихся, устоявшихся воззрений, обычаев, нашедших свое выражение в определенной ориентации и положении погребенных, инвентаре (или его отсутствии) и т. д. Здесь может помочь лишь массовый материал могильников.

Несмотря на то, что могильники раннего и среднего этапов развития трипольской культуры пока неизвестны, существование их не вызывает у нас сомнений. Действительно, обращает внимание несоответствие между тысячами раскопанных трипольских жилищ, десятками полностью исследованных поселений и весьма малым количеством погребений, обнаруженных в этих жилищах и на поселениях. По-видимому, трипольцы хоронили своих покойников в массовых могильниках, расположенных далеко за пределами поселений, и обнаружение этих могильников — дело будущего ⁶⁵. Предположение наше подтверждается наличием могильников у соседних племен, хозяйство, материальная культура и идеология которых сходны с трипольскими. В неолитических и энеолитических культурах Юго-Восточной Европы (Криш, Тордош, Боян, Гумельница, Селкуца и др.) так же, как и в культуре Кукутени-Триполье, встречаются одиночные захоронения на территории поселений, между жилищами и внутри последних ⁶⁶. Но наряду с одиночными захоронениями существуют массовые могильники, расположенные на периферии поселений либо далеко за их пределами. Они дают четкое представление о погребальном обряде. Достаточно упомянуть могильники культур Ха-

⁶³ Т. Г. Мовша. Указ. соч., стр. 65.

⁶⁴ С. Н. Бибииков. К вопросу о погребальном ритуале в Триполье.—КСИМК, вып. 48. М., 1952, стр. 36—41; его же. Поселение Лука-Врублевская, стр. 195—199; H. Dumitrescu. O descoperire in legătură..., стр. 399—427.

⁶⁵ Обнадеживает недавняя находка 29 погребений на краю Трипольского поселения этапа С/1 у с. Чапаевка под Киевом. Костяки лежали рядами в вытянутом положении, головами на запад. Одиннадцать погребений сопровождал инвентарь в виде небольших кувшинчиков, амфоры, статуэтки, наконечника дротика, скребков. См. В. О. Круц. Новый могильник трипольской культуры в Подніпров'ї.—XV наукова конференція Інституту археології АН УРСР. Тези пленарних і секційних доповідей. Одеса, 1972, стр. 102—103.

⁶⁶ E. Comşa. Contribuție cu privire la riturile funerare din epoca neolitică de pe teritoriul RPR, Omagiu lui C. Daicoviciu. București, 1960, стр. 99—103.

манджия (Чернавода) ⁶⁷, Тисаполгар (Тисаполгар-Басатанья) ⁶⁸, Бодрогкерештур (Пустоштванхаза) ⁶⁹, Гумельница (Девня) ⁷⁰.

Итак, следует ожидать выявления трипольских могильников этапов В-С/І, которые помогут лучше уяснить, какие черты погребального обряда унаследовали трипольцы, хоронившие своих покойников в известных нам могильниках этапов С/ІІ—γ/ІІ. Но даже исходя из имеющихся данных, можно сделать некоторые выводы.

Материалы Выхватинцев — единственного известного сейчас поздне-трипольского некрополя лесостепного Поднестровья — позволяют говорить об определенной преемственности погребального обряда трипольцев, живших на поздней ступени развития этой культуры, и их предшественников. Мы имеем в виду прежде всего обычай погребения покойника на левом боку (реже на спине), а также наличие при нем погребального инвентаря, иногда достаточно обильного. Поскольку все остальные позднетрипольские могильники в Поднестровье расположены южнее, в степи, и относятся уже к памятникам усатовского типа, то сравнение их с Выхватинским могильником немаловажно для нас.

Грунтовой могильник находится на высоком левом берегу Днестра вблизи с. Выхватинцы, Рыбницкого района МССР; открыт он был случайно при рытье траншей во время Великой Отечественной войны. За три года раскопок здесь раскрыта площадь около 1000 м² (примерно третья часть могильника) и обнаружено 61 позднетрипольское погребение ⁷¹. Обилие различных каменных конструкций над погребальными ямами — характерная черта Выхватинского могильника. В древности ямы часто перекрывали каменными закладками овальных и вытянутых очертаний, сложенными из больших известняковых плит, которые лежали иногда в несколько ярусов. Изредка между камнями закладки или под ними встречается погребальный инвентарь — сосуды и другие предметы. Вокруг нескольких погребений на древней дневной поверхности были сооружены кромлехи из известняковых плит. Ряд погребений обнаружено под камнями кромлехов. Кроме того, некоторые могильные ямы были перекрыты одной или несколькими каменными плитами.

Погребальные ямы обычно имеют в плане вид прямоугольника с закругленными углами, реже — овала. Длина ямы не превышает 1,5—1,8 м, ширина колеблется в пределах 1—1,5 м.

Из-за плохой сохранности костяков положение погребенных удалось определить лишь в 37 случаях. 27 покойников было похоронено в скорченном положении на левом боку, 5 — на правом, 5 — скорченно на

⁶⁷ S. Morintz, D. Berciu, P. Diaconu. Șanțierul arheologic Cernavoda.— SCIV, N 1—2, 1955, стр. 151—161.

⁶⁸ J. Vognar-Kutzian. The copper age cemetery of Tiszapolgár—Basatanya.— Archaeologia Hungarica, S. N. v. XLII. Budapest, 1963.

⁶⁹ J. Hillebrand. A Pusztáistvánházi Koraréz-kopí temető.— Archaeologia Hungarica, IV. Budapest, 1929.

⁷⁰ X. Тодорова-Симеонова. Къснонеолитният некропол край град Девня— Варненско.— Известия на народния музей Варна, т. VII/XXII, 1971, стр. 3—40.

⁷¹ Т. С. Пасек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 146—182.

спине⁷². Руки погребенных, как правило, согнуты в локтях и подтянуты к лицу. Ориентированы покойники в основном на северо-восток и восток. На костях рук и ног четырех скелетов обнаружена охра.

Почти каждого покойника сопровождал обильный погребальный инвентарь — обычно керамика, в среднем по два—пять сосудов — столовых (расписных) и кухонных. Непременным компонентом инвентаря является полусферическая чаша.

Среди прочих вещей следует упомянуть роговые мотыжки, орудия труда из кости, кремневые вкладыши для серпов, медное шило, глиняные пряслица. Украшения (отдельные бусины из камня и кости, ожерелье из раковин) встречаются крайне редко, обычно при детских погребениях. Обнаружено 11 антропоморфных глиняных статуэток разных типов; почти все они найдены в детских погребениях.

Во время раскопок могильника вскрыто четыре ямы, в которых найден погребальный инвентарь, но совершенно отсутствуют человеческие останки. Т. С. Пассек считает, что здесь были похоронены младенцы, костяки которых полностью истлели⁷³. Мы считаем, что это ямы-кенотафы, аналогичные обнаруженным в могильниках усатовского типа.

Сопоставляя Выхватинский могильник и описанные выше могильники усатовского типа (в первую очередь могильники с. Усатово), мы видим у них ряд общих черт. Для Усатово, как и для Выхватинцев, характерны прямоугольные ямы с закругленными углами, над которыми сооружены закладки и кромлехи. Покойники чаще всего лежат в скорченном положении на левом боку; руки их, как правило, согнуты в локтях, кисти подтянуты к лицу. И в Усатово и в Выхватинцах преобладает северо-восточная (реже восточная) ориентировка погребенных. Следы охры в погребениях этих могильников встречаются крайне редко. В обоих могильниках при погребенных выявлен обильный инвентарь, прежде всего керамика. Особо следует отметить, что и в Усатово и в Выхватинцах найдены антропоморфные статуэтки и вскрыты культовые ямы (кенотафы).

Таким образом, можно утверждать, что погребальный ритуал позднетрипольских племен лесостепного Поднепрорья и степных усатовских племен весьма сходен.

Между тем, некоторые специфические черты усатовских некрополей не свойственны погребальному обряду Триполья. Прежде всего мы имеем в виду обычай хоронить покойников под курганными насыпями. Курганы совершенно чужды трипольцам раннего и среднего этапов, точно также как и близким им по образу жизни и идеологическим представлениям энеолитическим племенам Балкан и Подунавья.

Вопрос о том, когда и в какой среде появились первые курганы в степной причерноморской полосе, пока остается открытым. Гипотеза о их связи с энеолитической среднестоговской культурой, выдвинутая неко-

⁷² Т. Г. Мовша полагает, что скорченные на спине погребения Выхватинского могильника указывают на связь поздних трипольцев с носителями среднестоговской культуры, см. Т. Г. М о в ш а. Указ. соч., стр. 64.

⁷³ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 166.

торами исследователями ⁷⁴, основана на немногочисленных и плохо документированных материалах (находки в Кайнарах, Гадючей балке и др.) и нуждается в более серьезной аргументации. Необходимо, правда, отметить, что в основных погребениях нескольких курганов Нижнего Дона (Ливенцовка, курганы 10,1 ⁷⁵, Мокрый Чалтырь ⁷⁶ и другие) встречена керамика, весьма напоминающая среднестоговскую. На более восточных территориях (Поволжье) известно довольно значительное количество курганов, оставленных племенами древнейшей культуры, жившими в одно время со среднестоговскими племенами на Украине. По-видимому, именно с ямной культурой связаны известные нам древнейшие курганы Украины. Находясь в непосредственных связях с племенами ямной культуры уже на раннем этапе их развития, представленном памятниками типа среднего слоя Михайловского поселения, позднетрипольские племена могли перенять у них обряд подкурганных захоронений.

Также несвойственны погребениям трипольской культуры раннего и среднего этапов различные каменные конструкции: кромлехи, закладки, куполообразные сооружения. Отсутствуют они и в некрополях синхронных нео-энеолитических культур близлежащих территорий Юго-Восточной Европы (культуры Хаманджия, Боян, Гумельница, Бодроккерштур и др.). Однако в более восточных районах, в Поднепровье и Приазовье, камень при устройстве погребальных сооружений применялся уже в эпоху раннего энеолита.

Так, каменными закладками и плитами перекрыто детское погребение на Сурском острове ⁷⁷ и несколько энеолитических погребений Чаплинского могильника ⁷⁸ (Надпорожье). Под большой каменной закладкой находилось погребение среднестоговской культуры у балки Квитяной (Запорожская обл.) ⁷⁹.

На Донце у совхоза Ямский ⁸⁰ и в Приазовье на известном Мариупольском могильнике ⁸¹ вскрыты энеолитические погребения в каменных гробницах.

Еще более сложные каменные конструкции, связанные с погребальным обрядом, воздвигали энеолитические племена Предкавказья и Северо-Западного Кавказа. В уже упоминавшихся курганах близ Ливенцовки и Мокрого Чалтыря (низовья Дона) выявлены кромлехи и куполообразная большая закладка, относящиеся к энеолитическим погребениям. Монументальные подкурганные сооружения (кромлехи,

⁷⁴ Т. Г. Мовша. О северной группе позднетрипольских памятников.—СА, № 1, 1971, стр. 49.

⁷⁵ С. Н. Братченко, В. Я. Кияшко, Н. Н. Чередниченко. Курганы эпохи бронзы у х. Ливенцовка.—АИУ, вып. 1. К., 1967, стр. 99, 101.

⁷⁶ Раскопки Ростовского музея в 1961 г.

⁷⁷ В. Н. Даниленко. Раннеэнеолитические памятники на Сурском острове в Надпорожье.—Научный архив ИА АН УССР, 1946/6а, стр. 16—20, табл. XXVIII.

⁷⁸ А. В. Добровольский. Могильник в с. Чапли.—Археологія, т. IX. К., 1954, стр. 109—111.

⁷⁹ А. В. Водянский. Древнейшее ямное погребение в Южном Приднепровье.—КСИА, вып. 3. К., 1954, стр. 95.

⁸⁰ Д. Я. Телегин. Гробница медного века у совхоза Ямский.—АО 1966 г. М., 1967, стр. 191—194.

⁸¹ М. Макаренко. Мариупольский могильник. К., 1933, стр. 70—72.

каменные ящики, куполообразные закладки) известны на Северном Кавказе уже на раннем этапе майкопской культуры ⁸².

В степных причерноморских и приазовских районах каменные сооружения появляются, по-видимому, в прямой связи с кавказскими влияниями. К сравнительно ранней (доямной) фазе энеолита относятся грунтовые погребения с каменными конструкциями, исследованные в степном Поднепровье у сел Осокоровка (погребение № 7) ⁸³ и Золотая Балка (кромлех № 5) ⁸⁴.

Племена ямной культуры, заселявшие Северное Причерноморье и Приазовье в конце энеолитической эпохи, также создавали надмогильные сооружения из камня, продолжая традиции своих предшественников. Не исключено, однако, и прямое влияние кавказского населения. В этом отношении особенно интересен курган № 11 близ совхоза Аккермень в долине р. Молочной (Приазовье). Его центральное погребение, полностью разрушенное, находилось в большом каменном дольменообразном сооружении, поставленном на древней дневной поверхности. Гробница (3,5×2,5 м) была сложена из больших песчаниковых плит и обнесена кромлехом, за пределами которого обнаружены оградки из каменных плит, стоящие вокруг ямок с остатками деревянных столбов ⁸⁵.

В памятниках ямной культуры порожистой части Днепра, где имеются обильные выходы камня, каменные конструкции получили широкое распространение. Многие из них были открыты во время работ Днепро-строевской экспедиции 1927—1932 гг. Особый интерес представляют каменные сооружения в районе с. Кичкас. Здесь в кургане № 9 (II курганный могильник) обнаружен кромлех, сложенный из больших (до 1 м высотой) каменных плит, поставленных вертикально с легким наклоном к центру кургана. В центре кромлеха (его диаметр 13,5 м) находился большой каменный ящик-гробница, сложенный из плит (2,5×1,85×1,4 м) и перекрытый ими. На дне гробницы в скорченном положении на спине (ноги распались ромбом) лежал покойник, ориентированный на северо-восток. При нем найдены два терочника, скребок, обломок медной пластинки и кусочек охры ⁸⁶.

В курганах № 7 и 7а обнаружены кромлехи, соединенные аллеей из камней. В кургане № 7 в центре кромлеха вскрыты два каменных ящика (в одном из них — погребение) ⁸⁷.

Большое сходство с описанными выше погребальными сооружениями обнаруживают энеолитические могильники Крыма (кеми-обинская куль-

⁸² А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 64—68.

⁸³ В. Д. Рибалова. Могильник эпохи бронзы в с. Осокорівці.— АП, т. IX. К., 1960, стр. 6—7.

⁸⁴ М. І. Вязьмітіна. Могильник епохи бронзи біля с. Золота Балка.— АП, т. X. К., 1961, стр. 64—66.

⁸⁵ М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Є. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень».— АП, т. VIII. К., 1960, стр. 116—117.

⁸⁶ Раскопки Ф. Сальяна в 1928 г. Отчет хранится в архиве ИА АН УССР.—Всеукраїнський Археологічний комітет (далі ВУАК), ф. 10, № 21.

⁸⁷ Раскопки В. А. Гринченко в 1928 г. Отчет хранится в архиве ИА АН УССР.—ВУАК, ф. 18, № 29.

тура). Здесь в десятках курганов, раскопанных в предгорной и степной зонах и особенно на Керченском п-ове, непосредственно связывающем Крым с Северо-Западным Кавказом, встречены кромлехи, мощные куполообразные сооружения над центральными могилами, панцирные обкладки, каменные ящики и т. д.⁸⁸

Уникален курган Кеми-Оба, раскопанный А. А. Щепинским в предгорном Крыму близ г. Белогорска⁸⁹. Продолговатая насыпь высотой 5 м перекрывала два сравнительно небольших кургана, отстоящих друг от друга на 5—6 м. В центре северного кургана обнаружен деревянный расписной ящик с тремя энеолитическими погребениями, обложенный камнем и перекрытый двухъярусным каменным куполом. Насыпь кургана покрыта панцирной обшивкой. В южном кургане также открыт деревянный ящик с погребениями эпохи энеолита, обшитый «футляром» из каменных плит. Вокруг ящика — кромлех из песчаниковых плит, уложенных плашмя (местами в семь ярусов); по краям кромлеха камни стояли вертикально.

Итак, каменные сооружения присущи могильникам разновременных энеолитических культур юга Европейской части СССР. Естественно, наиболее широко они были распространены там, где имелись открытые выходы камня. При некоторых местных особенностях каменные конструкции энеолитических могильников разных районов обнаруживают подчас удивительное сходство. Вряд ли можно говорить о конвергентном их возникновении. На основе источников можно предположить, что кромлехи, каменные ящики, куполовидные закладки и другие сооружения проникали в причерноморскую полосу из Северного Кавказа и Предкавказья, население которых оказывало влияние на своих западных соседей. Очевидно, не избежали этого влияния и позднетрипольские племена Побужья и Поднестровья, восприняв некоторые виды каменных сооружений и применив их в курганных и грунтовых могильниках (например, в Выхватинском).

Воздействие это еще более заметно сказалось на могильниках усатовского типа с их ярко выраженной мегалитичностью. Широкому применению камня в могильниках усатовских племен способствовало и то обстоятельство, что на территории их обитания имелись выходы известняка-ракушечника, легко поддающегося обработке.

Каменные конструкции усатовских некрополей имеют свою специфику: здесь, например, отсутствуют погребальные ящики, дольмены. Однако в целом они подобны аналогичным конструкциям энеолитических курганов более восточных территорий, что не раз отмечали исследователи⁹⁰.

⁸⁸ П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира.— КСИИМК, вып. 71. М., 1958, стр. 53—62; А. М. Лесков. Работы Керченской экспедиции ИА АН УССР.— АИУ, вып. 1. К., 1967, стр. 31—32.

⁸⁹ А. А. Щепинский. Отчет о раскопках длинного кургана «Кеми-Оба» близ Белогорска в 1957 г.— Научный архив ИА АН УССР, 1957/12 г.

⁹⁰ См., например, А. А. Щепинский. Культуры энеолита и бронзы в Крыму.— СА, № 2. М., 1966, стр. 17.

Таким образом, погребальный обряд усатовских племен сложился на основе погребального обряда трипольцев, обитавших в Среднем Поднестровье и оставивших памятники типа Выхватинского могильника. В последнем проявляются черты, характерные для трипольских погребений более ранних этапов, а также для некрополей нео-энеолитических земледельческих культур Балканского п-ова, Нижнего Подунавья, Трансильвании⁹¹.

Некоторые специфические черты усатовских могильников (разнообразные каменные конструкции, наличие курганов) можно объяснить влиянием на трипольцев населения более восточных районов.

⁹¹ А. Гейслер в своем исследовании о погребальном обряде древнейших земледельческих племен Украины приходит к сходным выводам, указывая, что погребальный ритуал усатовских могильников — прямое продолжение ритуала культур «дунайского круга», см. A. Häusler. Die Gräber der ältesten Ackerbauern in der Ukraine.—Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin—Luther Universität Halle—Wittenberg, XII Jg. Heft 11/12, Halle, 1964, стр. 777.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ, КОСТИ И МЕТАЛЛА

На территории распространения памятников усатовского типа нет источников высококачественного кремневого сырья, поэтому исходным материалом для изготовления орудий служила кремневая галька, происходящая из коренных выходов долины Днестра. Течением реки она переносилась в лиман, а затем, под влиянием морских течений — далее к востоку, вплоть до пляжей современного Одесского побережья¹. Это небольшие, сильно окатанные валуны, покрытые толстой желвачной коркой. Кремень непрозрачный, серого и темно-серого, реже — черного цвета. Кроме того, судя по немногочисленным изделиям из прозрачного (серого или темного) кремня, в древности в Причерноморье поступали заготовки или даже готовые изделия (в частности, большие пластины) из районов, богатых хорошим кремнем, скорее всего из Среднего Поднепровья. Наличие на Усатовском и Маяцком поселениях большого количества отходов производства объясняется невысоким качеством исходного сырья.

Нуклеусы. На гальке, выбранной в качестве заготовки для нуклеуса, поперечным сколом готовили ударную площадку. Однако последующие вертикальные сколы, приводящие к ограничению нуклеуса, не всегда были регулярными. Чаще всего с заготовки снимали лишь несколько фасеток, остальная ее поверхность была покрыта желвачной коркой. На поселении в с. Маяки встречены конические нуклеусы (рис. 23, 1). Такие же нуклеусы преобладают и на Усатовском поселении, хотя здесь найдено также несколько призматических нуклеусов, использованных для получения небольших правильных пластинок (рис. 23, 2—4). Реже встречаются плоские нуклеусы (рис. 23, 5). Высота найденных нуклеусов не превышает 4 см.

Отжимники и ретушеры. Всего известно до десяти изделий этого типа, предназначенных для отделения пластинок от нуклеуса и нанесения ретуши на орудия. Обычно как отжимники и ретушеры использовались орудия, ранее употреблявшиеся в качестве скребков и ножей. Все они выполнены на конце толстых призматических пластин; рабочий край их закруглен и сглажен (рис. 23, 9). Иногда в качестве отжимников применяли кремневые гальки удлиненной формы. На концах таких орудий ясно видны следы сработанности (рис. 23, 8).

Скребки. Это самая большая в количественном отношении группа орудий из кремня (более 100 экз.). Заготовками для них служили пластины и отщепы. По форме скребки можно разделить на следующие основные типы:

¹ Заключение кандидата геолого-минералогических наук В. Ф. Петрунь.

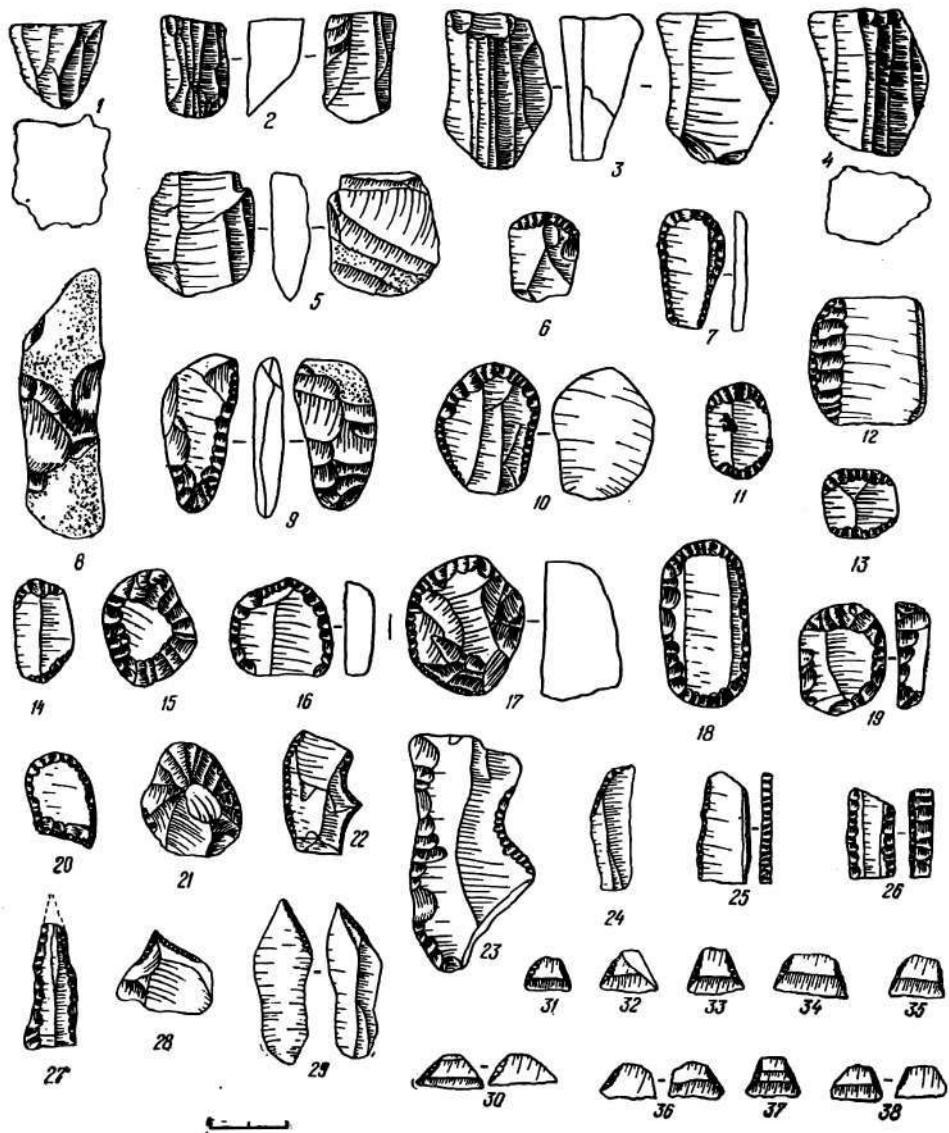

Рис. 23. Кремневые изделия памятников усатовского типа.

1, 21, 24, 27, 34, 35 — Маяки; 2 — Усатово, курган I — 3; 3—12, 14—20, 22, 23, 25, 26, 28, 29 — Усатово — Большой Куяльник; 13 — Усатово, курган II — 2; 30 — Усатово, курган II — 3; 31—33, 37 — Усатово, курган I — 12; 36 — Усатово, курган I — 13; 38 — Усатово, II грунтовой могильник.

а) концевые скребки, выполненные на коротких пластинках шириной 1,5—4 см, обычно треугольные или четырехгранные в сечении (рис. 23, 6, 7). Часто конец пластины, противолежащий рабочему краю, заужен. Полукруглый рабочий край скребка дополнительно оформлен мелкой крутой притупляющей ретушью. Края пластины, как правило, также обработаны ретушью. Встречаются скребки на сломанной пластинке, боковая грань которой оформлена крутой ретушью (рис. 23, 12). В ряде случаев по краю пластинки или на рабочей части скребка (со стороны брюшка) заметны следы заполировки: по-видимому, скребок употреблялся в качестве режущего орудия.

Встречено несколько скребков концевого типа на широких отщепах (рис. 23, 10);

б) двойные скребки. Чаще всего они изготовлены на небольших утолщенных пластинках и имеют полукруглый или скошенный рабочий край (рис. 23, 11, 13, 14);

в) округлые скребки выполнены на сломанных пластинках или отщепах, достигая в диаметре 4—4,5 см. Ретушь нанесена по всей окружности скребка (рис. 23, 15). К этому типу близко примыкают подокруглые скребки, рабочий край которых не полностью обработан ретушью (рис. 23, 16, 17).

г) овальные скребки изготовлены на пластинках, реже на удлиненных отщепах. Ретушь нанесена по всей окружности орудия (рис. 23, 18, 19). К этому же типу относится небольшой скребок на пластинке, один из краев которой скошен (рис. 23, 20).

д) скребки высокой формы выполнены на массивных отщепах с утолщенным краем, обработанным крутой ретушью в виде продольных узких фасеток (рис. 23, 21).

Особую группу составляют скобели или выемчатые скребки, служившие для обработки костяных и деревянных предметов. Выполнены они на плоских отщепах или утолщенных пластинках с дугообразной выемкой, край которой обработан ретушью, нанесенной иногда и со стороны брюшка (рис. 23, 22, 23). Часто в качестве скребущих орудий использовали грубые аморфные отщепы, покрытые частично желвачной коркой. Мелкой ретушью обработан лишь небольшой участок края такого отщепа.

Ножевидные пластины и ножи. На поселении Усатово—Большой Куяльник встречено очень мало пластин-заготовок, не подвергшихся вторичной обработке. Преобладают призматические или треугольные в сечении пластинки, края которых обработаны мелкой отжимной ретушью.

Ножами мы называем массивные пластины, трапециевидные в сечении, края которых оформлены плоской отжимной и подправлены мелкой крутой ретушью. В длину такие изделия могли достигать 10—12 см. По форме их можно разделить на ножи с параллельными краями (рис. 24, 1, 2, 6), а также ножи, лезвия которых сужаются к вершине, образуя колющее острие (рис. 24, 3—4). Иногда у такого орудия обработан ретушью также один из концов; в этом случае оно являлось комбинированным изделием, выполняя функции ножа и скребка (рис. 24, 1).

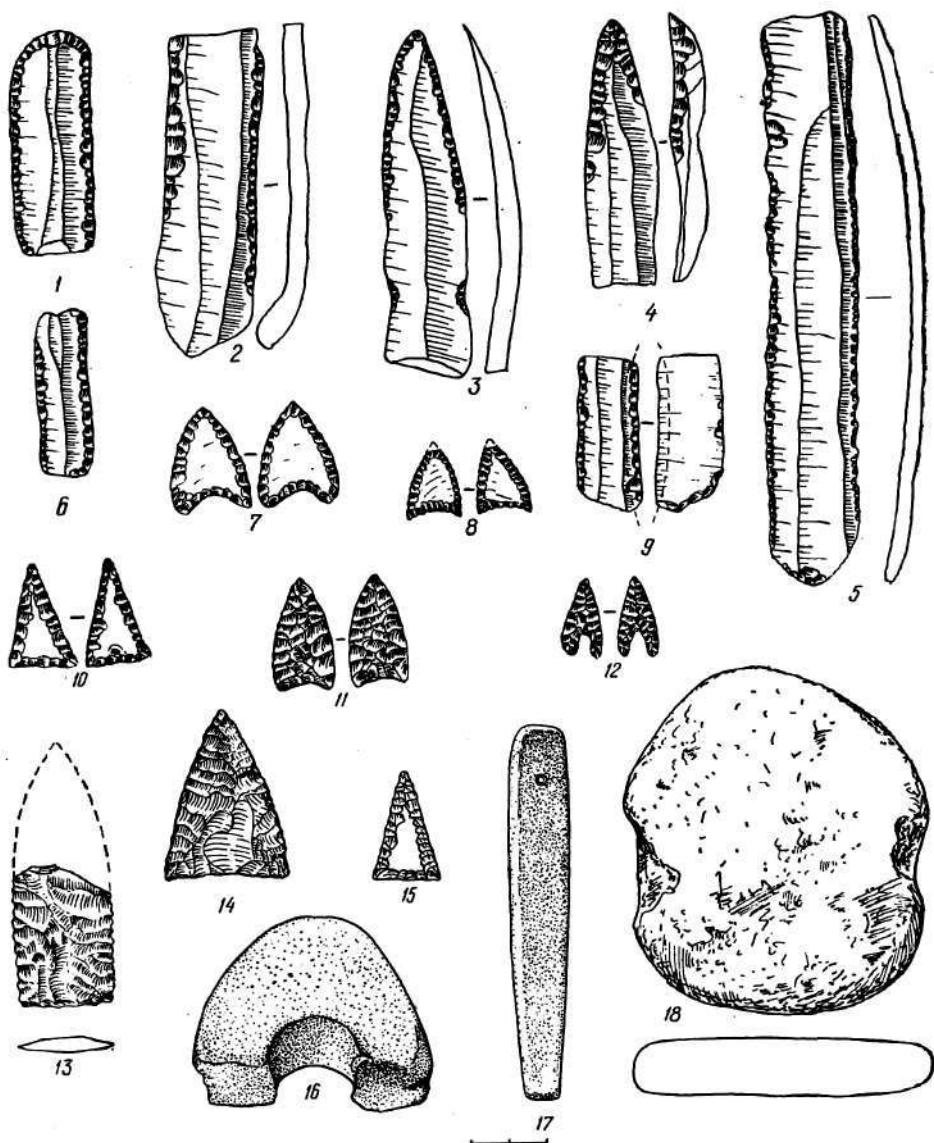

Рис 24. Изделия из кремня и камня.

1-7, 10-13, 18 — Усатово — Большой Куяльник; 8 — Усатово, II грунтовой могильник; 9, 14 — Маяки; 15 — Усатово, курган I — 13; 16 — Тудорово, курган; 17 — Сукля, курган № 3.

Часто в качестве режущих орудий выступают отщепы, края которых подправлены мелкой отжимной ретушью.

Серпы. На поселении Усатово—Большой Куяльник найдены немногочисленные обломки ножевидных пластинок (как правило, узких, трапециевидных в сечении) со следами заполировки вдоль края со стороны спинки и брюшка (рис. 24, 9). Края таких пластинок иногда обработаны мелкой заостряющей ретушью. Несколько подобных изделий обнаружено и в Маяках (здесь найдены срединные выломы из тонких призматических микропластинок). По мнению многих исследователей, эти пластинки являются вкладышами серпов; заполировка на рабочей части серпа — следствие его соприкосновения с твердыми частицами, содержащимися в стеблях растений (главным образом колосковых). На Усатовском поселении также встречены фрагменты широких (2—3 см) больших пластин с заполировкой вдоль краев (со спинки и брюшка). Полностью сохранилась одна такая пластина длиной 15 и шириной 2,3 см (рис. 24, 5). Размеры пластины, ее дуговидный профиль, а главное — заполировка обоих краев позволяют предположить, что это жатвенные ножи, лишенные оправы, характерной для серпов.

Пластинки со скошенным концом. Это небольшие острия на тонких призматических пластинках, один из концов которых косо срезан и оформлен крутой притупляющей ретушью (рис. 23, 24).

Пластинки с затупленной спинкой — небольшие призматические пластинки, один из краев которых притуплен крутой, а второй — подправлен мелкой приотстригающей ретушью.

Использовались они, очевидно, в качестве вкладышей составных орудий (рис. 23, 25, 26).

Проколки. Найдено более 20 изделий этого типа. Обычно рабочее острие сформировано на углах отщепов, подправленных мелкой ретушью (рис. 23, 28). Острие это (длина его до 0,5 см) может быть расположено на продольной оси отщепа или несколько отклонено от нее. Реже встречаются проколки на конце призматической ножевидной пластинки со сходящимися под углом гранями (рис. 23, 27); утолщенное острие пластинки подправлено крутой ретушью. Есть несколько проколов, сделанных на краю сломанной пластины; в этом случае боковая грань изделия обычно покрыта притупляющей ретушью, а его рабочая часть — мелкой, заостряющей. Рабочий край проколоч слегка сглажен.

Сверла обычно сделаны на краю ножевидной пластинки. Рабочее острие этих изделий оформлено противоположающей ретушью (рис. 23, 29).

Орудия геометрических форм. С памятниками усатовского типа связана серия (17 экземпляров) вкладышевых изделий геометрической формы — трапеций. Чаще всего их находят при погребениях в курганах² и грунтовых могильниках³. Три трапеции были обнаружены на Маяцком поселении.

² Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12, стр. 106, 112, рис. 4, 2—9; *е е ж е*. Раскопки Усатовского кургана № 13 в 1961 г., стр. 13.

³ В. Г. Збенович. Раскопки бескурганного могильника..., стр. 40, 44.

Преобладают равносторонние трапеции правильной формы, изготовленные на сечениях микропластинок (рис. 23, 30—38); реже встречаются асимметричные изделия. Средние размеры трапеций: ширина основания — 1—1,5 см, высота — 1 см. Боковые грани трапеций обработаны крутой притупляющей ретушью; несколько экземпляров оформлено противоположащей ретушью.

Наконечники. На усатовских поселениях и в погребальных комплексах обнаружено около десяти кремневых наконечников стрел разных типов (рис. 24, 7, 8, 9—12, 15). Преобладают наконечники овально-удлиненной формы иногда с выемкой в основании. Длина наконечников колеблется от 1,5 до 4,7 см. Большинство их оформлено двусторонней плоской ретушью; несколько экземпляров обработано отжимной ретушью лишь по краям.

Целиком сохранился наконечник дротика из Маяков — орудие треугольной формы с небольшой выемкой в основании (высота 4,5 см, ширина основания — 3 см), сделанное из прозрачного серого кремня. Поверхность его обработана с двух сторон струйчатой ретушью. Края дополнительно оформлены мелкой отжимной ретушью (рис. 24, 14). В Маяках и на Усатовском поселении встречено еще несколько обломков наконечников дротиков или копий (рис. 24, 13).

Крайне ограничен ассортимент орудий труда из твердых пород камня; некоторые изделия представлены лишь единичными экземплярами.

На поселении Усатово—Большой Куяльник найдена зернотерка в виде прямоугольной плиты (37×22 см), сделанная из дикарного известняка-ракушечника. Рабочая поверхность зернотерки в центре слегка углублена (результат сработанности) и сглажена. Несколько небольших обломков зернотерок из камня кристаллических пород встречено в Маяках.

С Усатовского поселения происходят овальные плитки из обломков дикаря-ракушечника, имеющие на гранях противоположащие неглубокие выемки. По-видимому, это грузила для рыбацких сетей (рис. 24, 18).

Кроме перечисленных изделий можно назвать несколько оселков из песчаника для заточки медных ножей (кинжалов) — подпрямоугольные плоские пластинки с закругленными гранями длиной до 10 см. В верхней части оселка просверлено отверстие для подвешивания (рис. 24, 17). Оселки найдены лишь при погребениях в курганах (курган № 1—7 в с. Усатово, курган № 3 в с. Суклея и др.).

На Маяцком поселении обнаружен обломок топора-молота (очевидно, его обушковая часть), овального в разрезе, со следами отверстия для рукоятки. Орудие сделано из серого камня кристаллической породы; поверхность его слегка зашлифована. Половина шлифованного топора-молота найдена также в засыпи центральной могилы Тудоровского кургана (рис. 24, 16).

Исследователи поселения Фолтешти сообщают о находке на поселении 60 топоров и долот из камня, но, к сожалению, не дают их описания, приведя лишь рисунок трех экземпляров и ограничившись замечанием о том, что плоских топоров больше, чем просверленных. Судя по рисункам, здесь выделяются небольшие (5—5,5 см) массивные тесла с овальным,

хорошо заточенным рабочим краем, подтреугольные либо с параллельными боковыми гранями ⁴ (рис. 6, 12, 13).

Здесь найдено также несколько каменных боевых топоров, один из которых достигал в длину не менее 15 см. Лезвие его оформлено в виде широкой полукруглой лопасти (рис. 6, 11). Обломок боевого топора был найден также на поселении у с. Паланка в низовьях Днестра.

Предметы из кости и рога. В основном изделия из рога и кости найдены на поселениях; изредка они встречаются и в качестве погребального инвентаря (так, в кургане I—6 с. Усатово найдено при центральном погребении восемь острий и два шила из кости ⁵). Значительная коллекция костяных орудий труда была собрана при раскопках поселения в с. Маяки. По своему функциональному назначению костяные изделия можно разделить на несколько групп.

Шилья и проколки. Эта группа колющих орудий преобладает в количественном отношении (только в Маяках найдено около 30 шильев и проколок). Шилья обычно изготовлены из обломков трубчатых костей овцы-козы, расколотых на небольшие пластинки длиной 5—12 см (рис. 25, 1). Последние подвергались дополнительной шлифовке для выработки колющего острия. Очевидно, небольшие шилья использовались, будучи вставленными в деревянную или роговую обойму. Несколько шильев в нижней своей части имеют выемки для привязывания к рукоятке. Довольно часто встречаются шилья, сделанные на обломках диафизарных костей овцы-козы. В этих случаях кость бывает косо срезана для выработки колющего острия, а пяточная ее часть нередко обрезана и зашлифована для того, чтобы орудие удобнее было держать в руке (рис. 25, 3, 4). К группе шильев, возможно, относятся два изделия на пластинках, вырезанных из поверхностной части нижних клыков кабана, найденные на поселении Маяки (рис. 25, 5).

Проколки обычно изготовлены на обломках диафизарных костей. Они имеют чрезвычайно тонкий и острый рабочий конец — короткошильное острие (рис. 25, 10, 11).

Лощила. К этой группе мы условно относим разные по форме орудия, общим для которых является сглаженность и заполированность их рабочего края. Так, в Маяках найдены три орудия из костей оленя, края которых срезаны под углом и слегка заточены с двух сторон (рис. 25, 7). Очевидно, для обработки шкур и кожи использовались и орудия в виде лопаточки, длиной 5—6 см, сделанные из диафиза берцовой кости овцы-козы. Концы плоских обломков этой кости заточены под углом, формируя асимметричное лезвие инструмента (рис. 25, 6, 12), основательно сработанное, заглаженное. Противоположный конец орудия зашлифован для удобства работы.

Ряд костяных изделий представлен единичными экземплярами. Следует отметить небольшую стрелку (длина 4 см) из обломка трубчатой

⁴ М. Petrescu-Dâmbovița, J. Casan, C. Mateescu. Указ. соч., стр. 261, 264, рис. 8, 1, 2.

⁵ Е. Ф. Лагодовская. Курган I—6.— Научный архив ИА АН УССР, Ляг. 2, стр. 1—7.

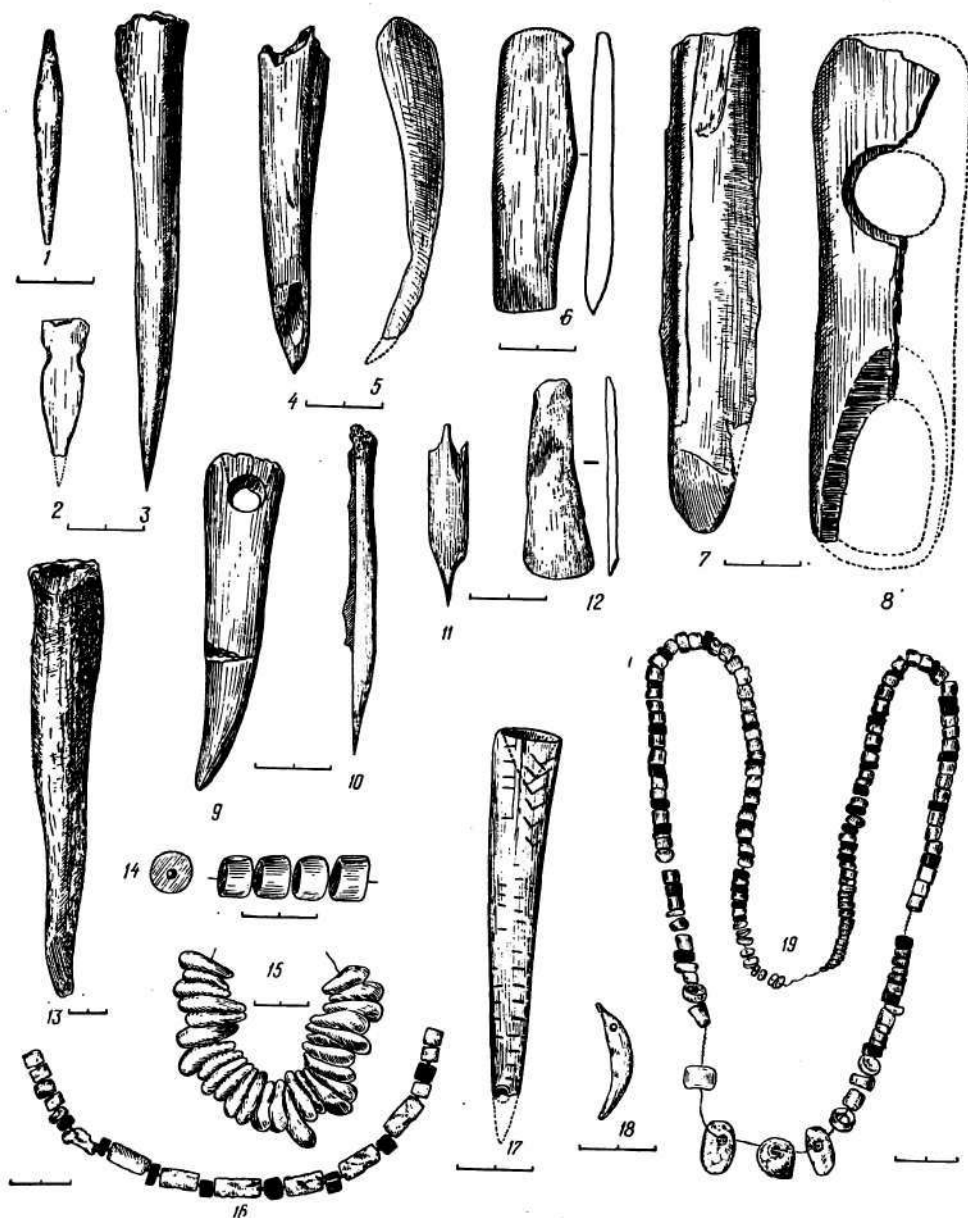

Рис. 25. Изделия из кости и рога.

1 — Усатово — Большой Куяльник; 2 — 13, 17, 18 — Маяки; 14 — Усатово, курган I — 7; 15 — Усатово, курган II — 1; 16 — Усатово, курган I — 11; 19 — Брэзлица, курган.

кости овцы-козы; в нижней ее части — две противолежащих выемки для привязывания к древку (рис. 25, 2).

Изделия из рога на усатовских памятниках встречаются сравнительно редко. Выделено несколько типов орудий.

Мотыги преобладают в количественном отношении; на поселении в Маяках, в частности, найдено не менее десяти экземпляров этих орудий труда, сделанных из стержневой части рога оленя⁶. Различаются мотыжки двух типов: с продольной и поперечной постановкой рабочего конца относительно отверстия для рукоятки. Рабочий конец мотыги косо срезан и сглажен в процессе работы. Округлая обушковая часть обычно покрыта небольшими выбоинками и сглажена. О размерах этих орудий, обычно находимых в обломках, можно судить по мотыге из Маяков (сохранилась ее половина) длиной 14,5 см, при ширине отверстия для рукоятки 2,2 см (рис. 25, 8). Такая же мотыжка найдена в центральной яме кургана II—1 в с. Усатово (интересно, что рядом с ней обнаружены остатки деревянной рукоятки). Однако фрагменты некоторых мотыг из Маяков позволяют считать, что эти орудия иногда достигали в длину 25—30 см.

Клевцы. К группе орудий, условно называемых клевцами, относятся два изделия из отростков слегка изогнутого рога косули. Одно из них, найденное в Маяках, достигает в длину 9 см при максимальной ширине 1,7 см. Рабочий конец слегка скошен и пришлифован. На противоположном конце у среза — сквозное отверстие для рукоятки диаметром 0,9 см (рис. 25, 9). Второе орудие, весьма напоминающее первое по форме и размерам, происходит с поселения Усатово—Большой Куяльник⁷.

Копалки — орудия для добывания из земли съедобных корней, изготовленные из заостренных на концах рогов косули. Рабочая часть орудия несколько заглажена, сработана. Два экземпляра копалок (длиной 23 и 17 см) найдены в Маяках (рис. 25, 13).

Кроме готовых орудий на поселении в с. Маяки обнаружены заготовки для них, в частности, стержневые части рога оленя с глубокими круговыми надрезами для отделения рогов от черепа животного.

Украшения. При раскопках памятников усатовского типа собрана значительная коллекция украшений из кости, рога, зубов животных, а также из створок раковин. Чаще всего украшения находят в погребальных ямах курганов: их надевали на покойника или украшали его одежду. Это разнообразные костяные бусы в виде невысокого цилиндра (0,3—0,5 см) или удлиненных (до 1,5 см) цилиндрических пронизей, изготовленных из тонких трубчатых костей животных и птиц. При женском погребении в кургане I—11 найдено ожерелье, составленное из нескольких десятков бус таким образом, что белые цилиндрические костяные бусы чередовались с черными бусами из обожженных концов рога оленя⁸ (рис. 25, 16). Большие цилиндрические бусы из обожженного рога с

⁶ Несколько мотыжек найдено на поселении Усатово—Большой Куяльник.

⁷ Э. Ф. Патокова. Костяные и роговые изделия из Усатова.— МАСП, вып. IV. Одесса, 1962, стр. 192, рис. 1, 4.

⁸ О. Ф. Лагодовська. Розкопки Усатівського кургану I—11 1940 р., стр. 28.

отлично заполированной поверхностью найдены также при погребении № 4 кургана I—7 в с. Усатово (рис. 25, 14).

Великолепное ожерелье, составленное из полторааста черных и белых бусин в сочетании с зубами животных, было найдено при погребении в кургане у с. Брэилица (Румыния)⁹ (рис. 25, 19).

Подвески из зубов животных, составляющие ожерелье, также довольно часто встречаются в курганах усатовского типа. Так, на ногах покойника в яме № 1 кургана II—2 найдено ожерелье из 47 зубов волка (рис. 25, 15), а в погребении № 1 кургана в с. Тудорово — 61 подвеска из коренных молочных зубов оленя¹⁰. Подвеска из нижнего клыка лисицы найдена в Маяках (рис. 25, 18).

К редким изделиям относятся три прямоугольные костяные пластинки, по-видимому, нашитые на платье погребенного из кургана у с. Брэилица¹¹.

Представляет интерес подвеска из слегка изогнутого отростка рога оленя длиной 10 см, найденная в Маяках. У острого конца рога просверлено коническое отверстие, через которое продевался шнур. Вся поверхность подвески слегка залощена и покрыта врезным орнаментом в виде тонких насечек, составленных в вертикальные ряды. В нижней части эти насечки чередуются с зигзагами и елочным орнаментом (рис. 25, 17).

При погребенных в курганах усатовского типа часто встречаются небольшие бусины-кружочки, выточенные из створок раковин. Несколько целых раковин с отверстиями для продевания нити (часть ожерелья) выявил Д. Я. Самоквасов в кургане у с. Шабалат¹². И, наконец, следует упомянуть янтарную бусину в виде плоского кружка (толщина 0,4 см), найденную в погребении № 3 кургана I—4 в с. Усатово.

* * *

Анализ описанного выше основного производственного инвентаря усатовских племен обнаруживает общность его с орудиями труда трипольской культуры на всех этапах ее развития. В Поднестровье, Поднепровье, Побужье — на поселениях развитого Триполья — мы находим тот же набор основных изделий из кремня, что и на поселениях усатовского типа. В большом количестве встречаются скребки разных форм, выполненные на пластинах и отщепах¹³. На поселении Поливанов Яр скребки составляют, например, третью часть всех изделий из кремня¹⁴. Различные скребки весьма характерны и для позднетрипольских посе-

⁹ N. Haŕŕuchi, J. T. Dragomir. Săpăturile de la Brăilița.—MCA, v. III. București, 1957, рис. 13.

¹⁰ А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у с. Тудорово, стр. 76, рис. 25, 1.

¹¹ N. Haŕŕuchi, J. T. Dragomir. Указ. соч., рис. 13.

¹² Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 21.

¹³ Е. К. Черныш. Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировки.—КСИИМК, вып. 40. М., 1951, стр. 92.

¹⁴ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 136.

лений Верхнего и Среднего Поднестровья, Попрутья, Поднепровья, Вольны¹⁵.

Одним из основных видов кремневых изделий на поселениях среднего и позднего этапов Триполья являются также ножевидные пластины и ножи разных форм (с параллельными гранями и с зауженным острым концом). Заметна тенденция к увеличению размеров этих изделий. Большие дуговидно изогнутые пластины с зеркальной заполировкой по рабочему краю (жатвенные ножи), аналогичные усатовским, известны на многих позднетрипольских поселениях и могильниках¹⁶.

Весьма характерны для трипольских поселений всех этапов также описанные выше вкладыши серпов¹⁷.

Кремневые наконечники стрел и дротиков, представленные единичными экземплярами на раннетрипольских поселениях, в более позднее время встречаются в значительных количествах. Так, в слое этапа В/II на поселении Поливанов Яр найдено более 50 этих изделий¹⁸. На позднем этапе развития Триполья (С/II—γ/II) наконечники стрел и дротиков (копий) являются неперменной частью инвентаря как поселений, так и могильников. Преобладают наконечники треугольных очертаний с прямыми или овальными краями. В основании часто имеется неглубокая выемка. Поверхность обычно покрыта двусторонней ретушью. Очень редко встречаются наконечники иных форм — листовидные и с черешком.

Особого внимания заслуживают микролитические вкладышевые орудия геометрических форм. Находка их не только при погребениях усатовского типа, но и на поселениях (Маяки) противоречит мнению Е. Ф. Лагодовской и Э. Ф. Патоковой, полагавших, что трапеции не имели производственного значения, а использовались лишь в ритуальных целях¹⁹.

В комплексе производственного кремневого инвентаря памятников трипольской культуры эти орудия мезолитического облика выглядят анахронизмом. Даже на ранних трипольских поселениях микролиты почти совершенно неизвестны. Можно отметить лишь находку двух ромбических наконечников и одного трапециевидного орудия на поселении

¹⁵ С. Надасзек. La colonie industrielle de Koszyłowce. Leopold, 1914, табл. III, 16; Н. А. Кетрару. Позднетрипольское поселение у села Кубань в Молдавии.— Материалы к исследованию по археологии и этнографии МССР. Кишинев, 1964, стр. 86, рис. 4, 9; Т. Г. Мовша. Знаряддя праці з трипольського поселення Коломийщина I.— Праці КДІМ, вип. 1. К., 1958, стр. 187—188; Н. М. Шмаглій. Городсько-волинський варіант пізньотрипольської культури.— Археологія, т. XX. К., 1966, стр. 21.

¹⁶ Ф. Ф. Лагодовська. Пізньотрипольське поселення у с. Сандраках.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 123; Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник.— АП, т. IV. К., 1952, стр. 114, 117, табл. I, 1; И. Г. Розенфельдт. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 г.— КСИИМК, вып. 56. М., 1954, стр. 101, 103, рис. 53.

¹⁷ С. Н. Бибиков. К истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы.— СА, № 3, 1962, стр. 3—24.

¹⁸ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 130.

¹⁹ Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках кургана II—3 в Усатово, в 1933 г.— Научный архив ИА АН УССР, Лог. 3, стр. 18—20; Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12, стр. 112.

Сабатиновка II²⁰. Для более позднего времени нам известны лишь две трапеции с поселений Шипинцы (развитое Триполье)²¹ и Тыргу Окна-Подей (этап Кукутени В)²².

Совершенно неизвестны микролиты и на поселениях энеолитических культур соседних, более западных территорий (культуры Гумельница, Селкуца, Караново и др.). Лишь некоторые культуры эпохи энеолита, занимающие территорию к востоку от ареала Триполья, знают вкладышевые изделия геометрических форм. В первую очередь это относится к майкопской культуре, в памятниках которой обычно встречаются сегментовидные микролиты. В Майкопском кургане при центральном погребении обнаружено 17 сегментов²³; не менее 200 сегментов найдено на поселении Мешоко²⁴. Встречаются микролиты (сегменты и трапеции) также и на других поселениях²⁵.

В значительном количестве микролиты (преимущественно трапеции) найдены на поселениях и погребениях кемпи-обинской культуры, по мнению А. А. Щепинского и других исследователей, тесно связанной с энеолитическими культурами Кавказа²⁶.

В памятниках ямной культуры выявлена лишь одна трапеция, найденная в погребении 17 кургана № 9 близ с. Бережновка на левом берегу Волги²⁷.

Итак, микролиты — это единственный вид кремневых изделий, не свойственный трипольской культуре и связывающий памятники усатовского типа с энеолитическими культурами соседних территорий.

Весь комплекс из кости и рога, обнаруженный на усатовских поселениях, также неотделим от соответствующей группы орудий труда трипольских памятников всех эпох. Костяные шилья, проколки, ложила, роговые мотыжки разных типов, копалки, клевцы в большом количестве встречаются на всех, более или менее широко раскопанных трипольских поселениях²⁸. Хорошо известны по раскопкам трипольских поселений и могильников также некоторые виды украшений усатовцев: бусы, выто-

²⁰ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 137, табл. I, 8—10.

²¹ G. Childs. Schipenitz: a late neolithic station with painted pottery in Bukovina.— The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, v. VIII. London, 1923, табл. XVIII.

²² C. Matasa. Așezarea eneolitică Cucuteni B de la Țirgu Ocna-Podei.— Arheologia Moldovei, t. II—III. București, 1964, стр. 21, рис. 8, 17.

²³ ОАК за 1897 г., стр. 6, рис. 16.

²⁴ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 110.

²⁵ Там же.

²⁶ А. А. Щепинский. Культура энеолита и бронзы в Крыму.— СА, 2. М., 1966, стр. 15—20.

²⁷ И. В. Синицын. Древнейшие памятники в низовьях Еруслана. Древности нижнего Поволжья, т. II.— МИА, № 78. М., 1960, стр. 18, рис. 3, 1.

²⁸ См., например, С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская, стр. 110—119, табл. 21—28; Е. К. Черныш. Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировки, стр. 93—94, рис. 22, 4, 5, 8, 9; H. Schmidt. Cucuteni, табл. 28, 29; Т. Г. Мовша. Знряддя праці з трипільського поселення Коломиїщина I, стр. 192—199.

ченные из створок раковин *Uplio*, и целые створки, нанизываемые на веревочку, костяные бусины-пронизки, ожерелья из зубов оленя²⁹.

Орудия труда и оружие из кремня, камня, кости и рога, а также украшения, присущие памятникам усатовского типа, во многом сходны и с инвентарем многих земледельческих культур Подунавья, Балкан и других территорий (Боян, Гумельница, Селкуца)³⁰.

В то же время, несмотря на общность некоторых черт, обусловленных сходным способом ведения хозяйства, производственный инвентарь усатовских племен заметно отличается от инвентаря синхронных неолитических культур, занимающих территорию к востоку от района распространения памятников усатовского типа. Отличия эти видны при сравнении производственного инвентаря усатовских племен и племен ямной культуры. Анализируя, в частности, кремневые изделия Михайловского поселения, его исследователи отмечают почти полное отсутствие пластин, скребков на пластинах, вкладышей серпов. Основной формой заготовок для орудий труда здесь является большой отщеп; преобладает двусторонняя техника обработки кремневых изделий³¹. Среди каменных орудий много больших топоров-молотов, обработанных точечной техникой оббивки. Определенные различия наблюдаются и при сравнении изделий из кости и рога, а также украшений.

Заметна также разница между усатовскими изделиями из кремня, камня, кости и рога и соответствующим инвентарем кеми-обинской культуры. Кремневые изделия последней невелики по размерам и не дают значительного разнообразия типов. Это — миниатюрные ножевидные пластины, скребочки, карандашевидные нуклеусы, трапеции. Костные и роговые изделия редки³².

Своеобразен и заметно отличается от усатовского производственный инвентарь племен майкопской культуры Северо-Западного Кавказа³³. Здесь резко преобладают каменные шлифованные топоры разных форм. Среди каменных изделий чаще всего встречаются концевые скребки с высоким рабочим краем; пластины редки. Много наконечников стрел различных типов: черешковые, ромбовидные, треугольные с прямым или вогнутым основанием, асимметричные флажковидные и другие. Довольно много вкладышей для серпов с прямым или зазубренным краем. О многочисленных микролитических изделиях говорилось выше. Среди большого количества изделий из кости и рога (проколки, крючки, долотца) нет мотыжек.

²⁹ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 148; Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге.— Археологический сборник, вып. 1. Л., 1959, стр. 184, рис. 15, 4; Т. Г. Мовша. Скарб прирас з пізньотрипольського поселення в с. Цвіклівці.— Археологія, т. XVIII. К., 1965, стр. 176, рис. 7.

³⁰ D. Vergiu. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1961, стр. 194—233, 373—383, 415—421.

³¹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, стр. 116, 120, 124, 128—129.

³² А. А. Шепинский. Культуры неолита и бронзы в Крыму, стр. 17—18.

³³ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 109—110.

Таким образом, орудия труда из кремня, камня, кости и рога (а также определенные виды украшений), которыми пользовались усатовские племена, находятся в прямой связи с производственным инвентарем Триполья. В ассортименте изделий, формах и характере обработки видна преемственность, объединяющая производственный инвентарь всех этапов развития трипольской культуры. Лишь появление некоторых типов кремневых изделий связано с внешним миром. Так, влияниями, идущими с энеолитического Северо-Западного Кавказа, мы объясняем наличие в усатовских комплексах кремневых микролитических изделий.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Поскольку изделия из металла являются важнейшим археологическим источником, позволяющим осветить сложные вопросы хронологии, производства, исторических связей, то на рассмотрении их необходимо остановиться особо.

Предметы из металла найдены только в могильниках усатовского типа; все они медные, за исключением нескольких височных колец, выполненных из серебра. Усатовский металл делится на три категории изделий: *орудия труда, оружие и украшения*.

Орудия труда. Эта группа представлена плоскими топорами-теслами, долотами и шильями.

Топоры-тесла. Всего в усатовских курганах найдено шесть этих орудий (центральные погребения курганов № 1—3, 9, 12, 13, 14 и погребение № 4 кургана II—3 в Усатово)³⁴. Все они, за исключением тесла из кургана I—14, полностью сохранились (рис. 26, 1, 2, 5; 27, 10—12).

Это изделия в виде высокой трапеции или клина; рабочий край имеет вид широкой дуги, иногда с выделенными углами. Обушковая часть слегка закруглена либо срезана прямо. Как правило, в профиле рабочий край асимметричен, то есть несколько сработан. Толщина топора-тесла не превышает 0,5 см. Размеры этих орудий различны: самое большое тесло (курган I—13) имеет длину 12,5 см при ширине у лезвия 6 см, у обуха — 3,2 см; самое маленькое (курган I—9) — 5,6 см (при ширине соответственно 3 и 1,4 см). Несколько непропорционально по размерам тесло из кургана II—3, длина — 5,7 см, ширина у лезвия — 5,3 см (рис. 27, 10).

Топоры-тесла, по-видимому, служили для обработки дерева и камня-ракушечника и употреблялись вставленными в специальную рукоятку.

Долота. Найдено всего три орудия этого типа. Два из них происходят из курганов № 1—12 и I—13 с. Усатово и близки по форме³⁵.

Долото из кургана № 1—12 представляет собой медный стержень длиной 11,5 см и толщиной 1 см. Центральная часть орудия в сечении имеет вид круга; постепенно сужаясь к обушку, долото становится в

³⁴ Е. Ф. Патокова. Металеві виробы з Усатова.— Праці Одеського державного університету, т. 149, вип. 7, стр. 91—93, рис. 3, 5, 6, 7; ее же. Раскопки Усатовского кургана № 13 в 1961 г., стр. 14, рис. 1, 2; ее же. Усатовский курган I—12, стр. 10, рис. 4, 16.

³⁵ Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12, стр. 110, рис. 4, 15; ее же. Раскопки Усатовского кургана № 13 в 1961 г., стр. 14, рис. 1, 1.

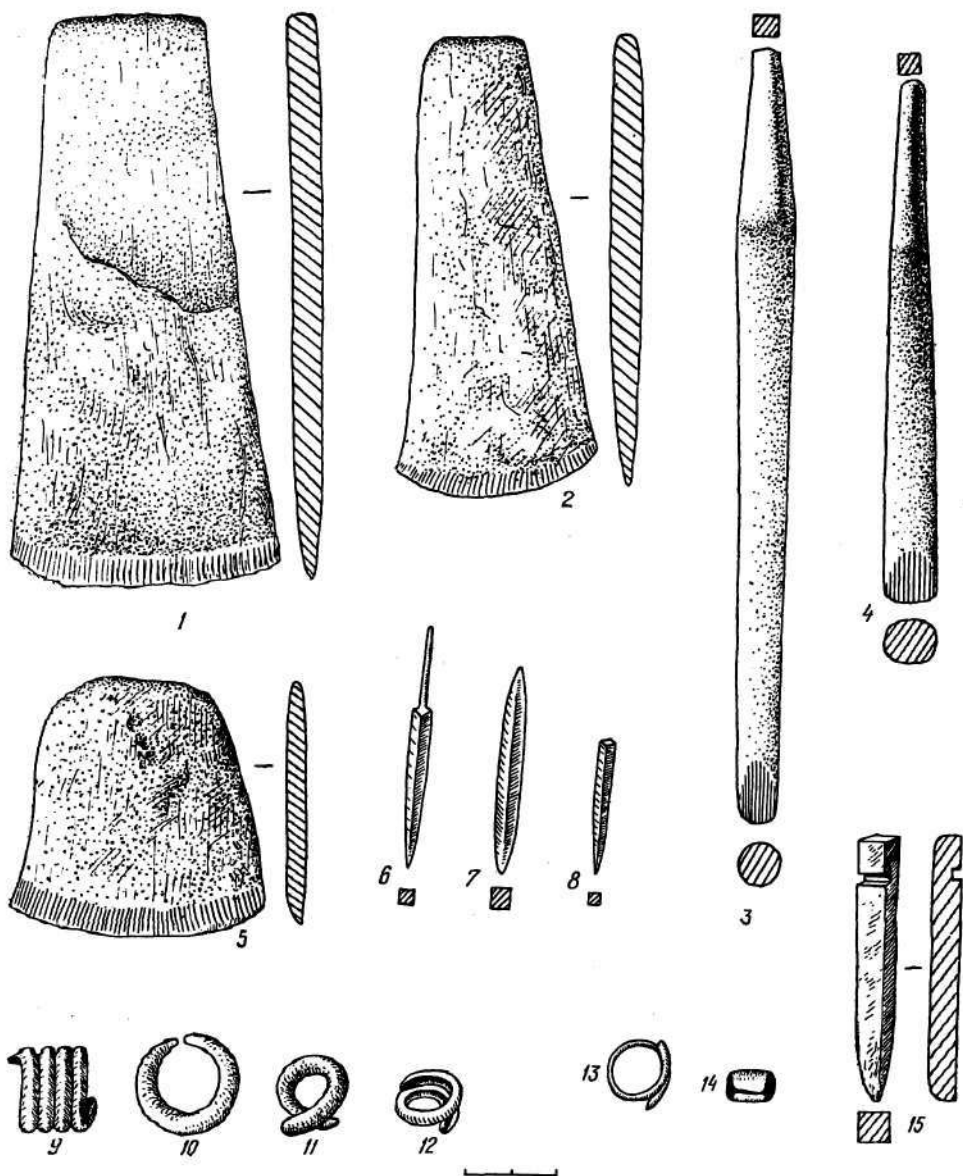

Рис. 26. Металлические изделия.

1, 3, 9-11 — Усатово, курган I — 13; 2, 4, 7, 13 — Усатово, курган I — 12; 5 — Усатово, курган II — 3;
6 — Усатово, курган I — 3; 8 — Усатово, курган I — 7; 12 — Сукля, курган № 3; 14 — Усатово,
курган I — 15; 15 — Тудорово, курган.

Рис. 27. Металлические изделия памятников усатовского (1—5, 9—12) и софиевского (6—8) типов.

1 — Усатово, курган I — 1; 2, 12 — Усатово, курган I — 3; 3 — Усатово, курган I — 4; 4, 9, 11 — Усатово, курган I — 9; 5 — Усатово, курган I — 9; 5 — Усатово, курган I — 14; 6—8 — Краснохуторской могильник; 10 — Усатово, курган II — 3.

сечении квадратным. Лезвие его симметрично заточено с двух сторон и слегка закруглено (рис. 26, 4).

Длина долота из кургана I—13—17 см (рис. 26, 3). От первого оно отличается тем, что имеет хорошо выраженный, прямоугольный в сечении, черешок для насада. Третий экземпляр найден в центральной погребальной яме кургана у с. Тудорова³⁶. Это короткий (5,8 см) массивный клин, квадратный в сечении, с симметрично заостренным и чуть скошенным лезвием. На одной из граней долота ниже среза на 1 см находится узкая выемка глубиной около 0,2 см (рис. 26, 15).

Шилья. Всего найдено 12 шильев, совершенно аналогичных по типу, изготовленных из кусочков толстой (0,3—0,4 см), четырехгранной в сечении медной проволоки (рис. 26, 7, 8; 29, 9). Оба конца шила сужены и заострены; рабочий конец иногда бывает немного согнут.

Несколько отличается по форме от остальных шило из кургана I—3 (центральное погребение). Оно имеет тонкий черешок для насада длиной 2 см (при общей длине 6,8 см). Конец шила слегка уплощен (рис. 26, 6).

Оружие представлено медными кинжалами, обнаруженными при центральных погребениях курганов в селах Усатово (курганы I—1, 3, 4, 6, 9, 12, 14)³⁷, Суклея (курган № 3)³⁸, Нерушай (курган № 9)³⁹ и Огородное (курган № 1)⁴⁰.

Всего известно 11 кинжалов⁴¹, которые в типологическом отношении можно разделить на две группы⁴².

К первой (тип А) относятся большие кинжалы с хорошо выраженной нервюрой (всего три экземпляра):

а) кинжал из центрального погребения кургана I—1 (рис. 27, 1). Клинок треугольных очертаний, заметно сужающийся к острию. Основание кинжала сильно повреждено коррозией, поэтому создается впечатление, что от него отходит короткий выступ — черешок. Однако, скорее всего, клинок в нижней части имел несколько отверстий для штифтов, закрепляющих его в рукояти. Вдоль клинка, с обеих сторон идет хорошо выделяющаяся нервюра. Длина клинка — 20 см, ширина основы не менее 3,5 см;

б) кинжал из центрального погребения кургана I—3 (найден в левой руке покойника)⁴³. Клинок пламевидной формы, постепенно сужа-

³⁶ А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у с. Тудорова, стр. 76, рис. 21, 1.

³⁷ В. Г. Збенович. Про кинжалы усатівського типу.— Археологія, т. XX, К., 1966, стр. 38—46.

³⁸ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., стр. 125, табл. XX, 154.

³⁹ Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра.— МАСП, вып. 6, ч. 1. Одесса, 1970, стр. 25, рис. 17; стр. 30.

⁴⁰ Л. В. Субботни, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглей. Курганы у с. Огородное, стр. 135—136, 138, рис. 6, 1.

⁴¹ Обломки двух кинжалов или ножей найдены также при погребениях кургана в с. Тудорова, см. А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у с. Тудорова, стр. 75—76, рис. 21, 2, 4.

⁴² В. Г. Збенович. Про кинжалы усатівського типу, стр. 40—42.

⁴³ Е. Ф. Лагодовская. Курган № I—3. Отчет о раскопках.— Научный архив ИА АН УССР, Лаг. 2, стр. 12.

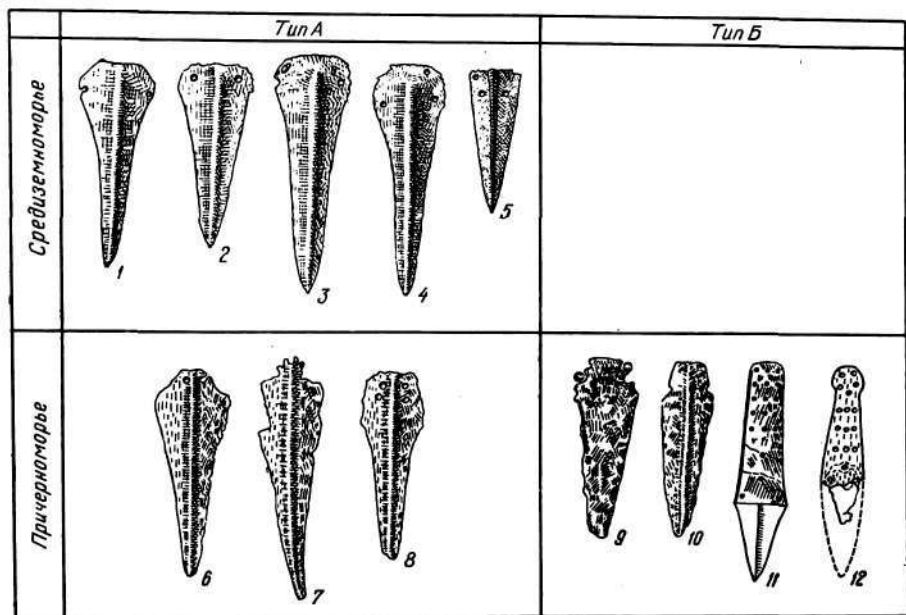

Рис. 28. Медные кинжалы из Причерноморья и Средиземноморья.

1 — Платанос; 2 — Монтерачелло; 3 — Зигурис; 4 — Аморгос; 5 — Кумаса; 6, 7, 9, 10 — Усатово; 8 — Суклея; 11 — Огородное; 12 — Нерушай.

ющийся (рис. 27, 2). Конец его слегка закруглен. В нижней части — широкий выступ с двумя отверстиями для штифтов. Вдоль клинка с двух сторон проходит нервюра. Края кинжала хорошо заточены. Длина клинка — 19,5 см, максимальная ширина основания — 6,5 см. К последнему кинжалу близок формой кинжал из кургана № 3 у с. Суклея, имеющий четыре отверстия для штифтов (рис. 28, 8). Длина его 12,6 см.

Во вторую группу (тип Б) входят все остальные кинжалы (рис. 27, 3—5; 28, 9—12), как правило, имеющие небольшие размеры и линзовидное сечение (то есть без нервюры). Примерами могут служить:

а) кинжал из центрального погребения кургана I—4 (рис. 27, 3) имеет вид треугольника с широким закругленным основанием, по бокам которого сделаны парные противоположащие отверстия для штифтов, закрепляющих клинок в рукоятке. Здесь же найдены два костяных штифта в виде невысоких тонких цилиндров. Кончик кинжала чуть обломан. Длина его — 8,8 см, ширина основания — 3,2 см;

б) кинжал из основного погребения кургана № 1 в с. Огородное (найден у пояса покойника) (рис. 28, 11). Клинок подтреугольной формы с ромбическим сечением. Ширина его у основания — 3,5 см, длина выступающей из рукоятки части — 6 см. Плоская прямоугольная костяная рукоять длиной 12 см состоит из двух пластин, соединенных девятнадцатью медными штифтами, два из которых закрепляли клинок (размещение штифтов, безусловно, предусматривало и декоративный эффект).

В пределах двух рассмотренных типов кинжалов можно выделить несколько подтипов: клинки пламевидной и подтреугольной формы, клинки с двумя и четырьмя отверстиями для штифтов.

Конечно, не все упомянутые выше кинжалы были боевым оружием. Так, небольшой кинжальчик из кургана I—14 в с. Усатово (рис. 27, 5) мог использоваться в быту, даже иметь votивное значение. Но в основном хорошо заточенные кинжалы, достигавшие в ряде случаев не менее 30 см длины, служили грозным оружием в руках воина.

Украшения. Основную группу украшений составляют височные спиральные кольца, найденные при погребениях в большинстве курганов усатовского типа (всего известно 20 изделий). Изготовлены они обычно из круглой в диаметре медной или серебряной проволоки толщиной 0,2—0,3 см. Преобладают кольца в полтора оборота спирали, диаметром 1—1,5 см (рис. 26, 12, 13). Обычно при погребенном встречается одно-два кольца. Богато металлическими украшениями центрального погребения кургана I—13 с. Усатово, где найдено 11 серебряных височных колец из толстой (0,3—0,4 см), круглой в сечении проволоки. Здесь имеются кольца в полтора (4), три (2) и четыре (2) оборота спирали; три кольца представлены обломками в виде несомкнутого круга. В диаметре эти кольца достигают двух сантиметров⁴⁴ (рис. 26, 9—11).

Лишь в одном кургане (курган I—15, яма № 2) встречены небольшие пронизки (три целых и несколько обломков), свернутые из тонких листочков меди⁴⁵ (рис. 26, 14).

* * *

Комплекс усатовских металлических изделий сложен и неоднороден по своему составу; создавался он разными путями. С этой точки зрения проанализируем отдельные категории изделий.

Среди орудий труда менее всего поддаются типологическому разбору медные шилья — наиболее примитивная форма металлических орудий, весьма характерная для ранних земледельческих культур, в том числе для трипольской. Они известны в таких раннетрипольских памятниках, как Лука-Врублевская, Извоар, а в более позднее время — в Сабатиновке I, Поливановом Яре, Хабашести, Незвиске, Залещиках и многих других пунктах.

В эпоху позднего Триполья шилья также встречаются на поселениях (Кошиловцы)⁴⁶ и могильниках (Софиевка⁴⁷, Выхватинцы⁴⁸ и другие). Известны они и в памятниках степных скотоводческих культур, в частности, на поселениях и могильниках ямной культуры⁴⁹.

⁴⁴ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана № 13 в 1961 г., стр. 13, рис. 1, 4—7.

⁴⁵ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана I—15 в 1962 г., стр. 45—47, рис. 1, 6.

⁴⁶ S. Nadaszek. La colonie industrielle..., табл. VI, 34.

⁴⁷ Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник, табл. II, 8, 9.

⁴⁸ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья, стр. 148.

⁴⁹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, стр. 148—150.

Примерно так же обстоит дело и с плоскими топориками-теслами. Появившись в конце V — начале IV тысячелетия до н. э., эти изделия в IV—III тысячелетии распространяются на огромной территории от Инда до Дуная и от Средиземного моря до Прибалтики, доживая до начала II тысячелетия до н. э.⁵⁰

Для Юго-Восточной Европы характерны в основном уплощенные топорики с округлым рабочим краем, постепенно сужающимся к прямо-му или чуть закругленному обушку.

В Триполье наиболее ранние плоские топоры-тесла появляются на этапе В/II. Семь таких орудий обнаружил В. В. Хвойко на трипольских памятниках Среднего Поднепровья (три — из Щербаневки, три — из Веремья, одно из Триполья)⁵¹. В Поднестровье к этому же времени относится плоский медный топорик из клада в с. Городница.

На позднем этапе эти орудия продолжают существовать, встречаясь в разных частях трипольского ареала как на поселениях (Колодяжин⁵², Городище⁵³), так и в могильниках (Софиевка⁵⁴, Ольшанка⁵⁵).

В значительном количестве выявлены плоские топоры-тесла и в памятниках майкопской культуры⁵⁶. Гораздо реже встречаются они в памятниках ямной культуры⁵⁷.

Что касается трех долот, описанных выше, то одно из них (курган у с. Тудорова) имеет достаточно прототипов в памятниках трипольской культуры. Близкой аналогией ему является небольшое клиновидное долотце из раннетрипольского поселения Кельменцы⁵⁸. В Софиевском поднетрипольском могильнике также найдено небольшое клиновидное долото со следами ударов на обушковой части⁵⁹. Близкие по форме орудия встречены также в синхронных Триполью энеолитических культурах Балкан и Подунавья (Гумельница и др.).

Два других долота (курганы I—12, I—13) не имеют даже отдаленных аналогий в памятниках трипольской и близких ей культур. Происхождение их следует связать с более восточными районами, с кругом памятников майкопской культуры. Уже на раннем этапе развития этой культуры известны удлиненные округлые в сечении долота с четырех-

⁵⁰ J. Deshayes. Les outils de bronze de l'Indus au Danube (IV au II millenaire). v. I. Paris, 1960, стр. 51—84, табл. III—VIII.

⁵¹ В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья.—Труды XI Археологического съезда, т. I. М., 1901, табл. XXI, 5, 7—10.

⁵² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 89, 12.

⁵³ H. Dumitrescu. La station préhistorique de Horodiştea sur le Pruth.—Dacia, IX—X. Bucureşti, 1940—44, стр. 160, рис. 21.

⁵⁴ Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник, стр. 116, табл. II, 1.

⁵⁵ Д. М. Щербаковский. Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губ. — АЛЮР, 1-2, 1905, табл. I, 3.

⁵⁶ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной.—Труды ГИМ, вып. XXXIV, М., 1963, табл. IX.

⁵⁷ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, табл. XXIV, 26.

⁵⁸ Н. В. Рындина. К вопросу о технике обработки трипольского металла.—МИА, № 84, М., 1961, стр. 205, рис. 1, 7.

⁵⁹ I. M. Samoilovskiy. Тілопальний могильник коло с. Софіївки.—АП, т. IV. К., 1952, стр. 122, рис. 3, 11.

гранным насадом. Рабочий край их имеет небольшую выемку, иногда довольно глубокую и продолговатую (так называемые желобчатые долота). Существуют эти долота и на более поздних фазах развития майкопской культуры⁶⁰. Усатовские долота отличаются от майкопских, пожалуй, лишь тем, что не имеют на рабочей части желобчатого углубления; в остальном их сходство не вызывает сомнения. Если учесть к тому же, что долота из курганов I—12, 13 в с. Усатово изготовлены из меди с повышенным содержанием мышьяка, то кавказское происхождение двух рассматриваемых орудий становится весьма вероятным⁶¹.

Очень важен вопрос о происхождении второй категории металлических изделий памятников усатовского типа — предметов вооружения. На раннем и среднем этапах развития трипольской культуры медные кинжалы неизвестны, за исключением кинжала, найденного на поселении Фрумушика в Румынии и, судя по обстоятельствам находки, относящегося к слою фазы Кукутени А (Триполье В/І по схеме Т. С. Пассек). Кинжал длиной 10 см имеет треугольный плоский выступ — черешок и два отверстия для штифтов, закрепляющих черешок в рукояти⁶². По своему типу он заметно отличается от вышеописанных усатовских кинжалов.

На территории Румынии в самом начале позднего Триполья (этап Кукутени В) появляются кинжалы, близкие формой усатовским кинжалам типа А (поселения Кукутени⁶³, Тыргу Окна-Подей⁶⁴ и некоторые другие памятники). Примерно к этому же времени относится кинжал из Бильче-Злоте (пещера Вертеба) в Верхнем Поднестровье⁶⁵, формой напоминающий усатовские кинжалы типа Б.

Наконец, на позднейшей фазе развития трипольской культуры (этап С/II—γ/II) количество кинжалов резко возрастает. Кроме оружия, найденного в курганах усатовского типа, к этому этапу относятся три кинжала из могильника софиевского типа близ Красного Хутора (окрестности Киева)⁶⁶. По целому ряду признаков их можно поставить рядом с усатовскими кинжалами типа Б (рис. 27, 6—8).

После первых находок кинжалов усатовского типа многие исследователи (М. Ф. Болтенко, Е. Ф. Лагодовская, Т. С. Пассек) справедливо отметили их сходство с оружием, происходящим из северо-восточного Средиземноморья, которое присуще крито-минойской культуре на ранне-минойском II — среднеминойском I этапах ее развития (рис. 28, 1—5).

Кинжалы крито-минойского типа — явление специфическое, возникшее в определенное время на довольно ограниченной территории. Они широко известны на Крите (толосы Кумасы и Платаноса, Агиа—Триа-

⁶⁰ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новособорной, табл. VIII.

⁶¹ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 71; его же. О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР. — КСИИ АН СССР, вып. 123. М., 1970, стр. 26.

⁶² C. M a t a s ă. Frumușica, București, 1946, стр. 88, табл. XVIII, 464.

⁶³ H. S c h m i d t. Cucuteni, стр. 60, табл. 30, 1.

⁶⁴ C. M a t a s ă. Așezarea eneolitică Cucuteni B de la Țirgu. Ocna — Podei, стр. 24, рис. 9.

⁶⁵ C. N a d a s z e k. La colonie industrielle..., tb., VI, 32c.

⁶⁶ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Червонохутірський могильник мідного віку із групопаленням. — АП, т. VI. К., 1956, стр. 95, табл. I, 20, 23; В. Г. Збенович. Про кинжалі усатівського типу, стр. 40, табл. I, 2—3.

да)⁶⁷, Кикладах (Аморгос и другие острова)⁶⁸, появляются в материковой Греции в памятниках элладской культуры. Так, к раннеэлладскому периоду относится великолепный, хорошо заточенный клинок, найденный при раскопках поселения в Зигурисе (между Коринфом и Микенами)⁶⁹. Постепенно кинжалы этого типа проникают все дальше на северо-запад. Критский кинжал известен в Сицилии (Монтерачелло)⁷⁰ и на Апеннинском п-ове, в Чуузе Эрмини (здесь он найден в неолитическом погребении вместе с плоским медным топором-теслом)⁷¹. По-видимому, в результате межплеменного обмена эти кинжалы попадают и в более отдаленные северные районы, в том числе в Причерноморье, где обитали усатовские племена⁷². Известными нам вехами на этом пути являются упоминавшиеся выше кинжалы из Кукутени, Тыргу Окна-Подей и других пунктов.

На соседних с Критом территориях Большого Средиземноморья (Египте, Анатолии, Месопотамии) в это время употреблялся другой тип кинжала — узкий клинок с более или менее выраженным черешком⁷³; подобные кинжалы известны также в синхронных неолитических культурах Кавказа⁷⁴, в ямной⁷⁵, а затем и катакомбной культуре⁷⁶.

И, наконец, о последней категории усатовских металлических изделий — об украшениях. Медные височные кольца в полтора оборота спирали — один из наиболее распространенных видов украшений трипольской культуры, встречающийся на всех этапах развития⁷⁷. Есть они

⁶⁷ A. Evans. The Palace of Minos, v. 1. London, 1921, стр. 100, рис. 17; Ch. Zervos. L'art de la Crète néolithique et Minoenne.— Paris, 1956, табл. 192—193; A. Evans. Указ. соч., стр. 195, рис. 142.

⁶⁸ C. Renfrew. Cycladic metallurgy and the Aegean Early Bronze Age.— AJA, v. 71, № 1, 1967, стр. 1—20, табл. VIII.

⁶⁹ Carl W. Blegen. Zygouries. Cambridge, Massachusetts, 1928, стр. 182, табл. XX, 25.

⁷⁰ A. Mosso. Excursioni nel Mediterraneo e gli scavi di Creta. Milano, 1910, рис. 155, стр. 240.

⁷¹ E. Rittatore. Scoperte di eta eneolitica e del bronzo nell Maremma Tosco — Laziale.— Atti del I Congresso internazionale di preistoria e protoistoria Mediterranea. Firenze, 1950, стр. 340, рис. 4.

⁷² Недавно Н. М. Шмаглий высказал мысль о семиградском происхождении позднетрипольских, в частности, усатовских кинжалов (см. Н. М. Шмаглий. К вопросу о типологии медных кинжалов позднетрипольской культуры.— ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1967, стр. 241—248). В качестве аналогии с территории Венгрии указанный автор приводит кинжалы, найденные вне комплексов, а иногда заведомо относящиеся к эпохе средней бронзы. Энеолитическая Венгрия не знает кинжалов, описанных выше, о чем пишут и венгерские исследователи (И. Богиар-Куциан, И. Бона). Здесь в это время известны плоские листовидные ножи без нервюры и отверстий, имеющие большой территориальный и хронологический диапазон.

⁷³ См., например, D. B. Stronach. The development and diffusion of metal types in early bronze age Anatolia.— Anatolian Studies, v. VII. London, 1957, стр. 89—125.

⁷⁴ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной, табл. X.

⁷⁵ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, табл. XXVI, 22.

⁷⁶ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры.— Труды ГИМ, вып. 24. М., 1955, табл. VIII.

⁷⁷ С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская, стр. 120, рис. 51, К; Н. Schmidt. Cucuteni, табл. 30, 13; Ю. М. Захарук. Софійський тілопальний могильник, стр. 116, табл. II, 6.

в памятниках ранних земледельческих культур более западных территорий (лендельская ⁷⁶, Гумельница ⁷⁹ и др.). Известны эти украшения и у племен ямной культуры, в курганах которой встречены подвески из толстой серебряной проволоки в полтора (Аккермень) ⁸⁰, три и четыре (Никополь ⁸¹, Царева Могила ⁸²) оборота, являющиеся ближайшими аналогами серебряным подвескам из кургана I—13 в с. Усатово.

Весьма обычны для Триполья медные пронизки, подобные найденным в Усатовском кургане I—15; особенно часто встречаются они на позднем этапе культуры.

Таким образом, металлические изделия в целом характерны для памятников трипольской культуры. Исключение составляют лишь медные кинжалы и удлиненные долота с черешком-насадом. Происхождение первых связано, по-видимому, с северо-восточным Средиземноморьем, вторых — с Кавказом.

⁷⁶ J. Dombaу. Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengővarkony.— Acta Archaeologica Hungarica, v. XXXVII. Budapest, 1960, табл. XXXIV, 18; 19.

⁷⁹ Д. Галбену. Неолитическая мастерская для обработки украшений в Хыршове.— Dacia, VII, 1963, стр. 502—4, стр. 506, рис. 4, 8, 9.

⁸⁰ М. І. Вязьмітіна, В. А. Ілліньська, Є. В. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень».— АП, т. VIII. К., 1960, стр. 96, рис. 74, 12, стр. 115.

⁸¹ О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115. М., 1962, стр. 13, 27, 45, рис. 8, 5.

⁸² J. Fabritius. Tzarewa Mohila.— ESA, t. IV. Helsinki, 1929, стр. 126, 131, рис. 9.

КЕРАМИКА

Керамика усатовских племен изучена неравномерно, что в первую очередь объясняется состоянием самого источника, далеко не равноценного по своему составу. Абсолютное большинство целых сосудов (больше сотни) происходит из могильников; сохранность массового материала из поселений хуже.

Заметны определенные различия между керамикой могильников и поселений. Так, в курганах гораздо чаще чем на поселениях встречается расписная столовая посуда. И наоборот — столовая посуда с хорошо залощенной, заполированной поверхностью найдена почти исключительно на поселениях. Некоторые типы сосудов, распространенные на поселениях, отсутствуют в могильниках (цедилки, большие сосуды-хранилища).

Имеет свои особенности также керамика из Усатовского грунтового могильника: здесь почти нет расписных сосудов из отмученной глины, преимущественно встречаются маленькие сосудики (их высота часто составляет всего 4—5 см), очевидно, специально изготовленные для использования в погребальном ритуале (рис. 29).

В целом же, несмотря на некоторые различия, керамика поселений и могильников весьма сходна и составляет единый комплекс, присущий только памятникам усатовского типа.

При описании и классификации этого комплекса мы придерживались общепринятого в литературе, посвященной трипольской керамике (М. Ф. Болтенко, Т. С. Пассек и др.¹), технологического принципа: обращено внимание на примеси в глине посуды, характер обжига и способы обработки ее поверхности.

Четко выделяются две группы керамики: кухонная (с примесью толченой ракушки в тесте) и столовая. Последняя в свою очередь делится на две подгруппы: обычная расписная трипольская посуда из розоватой отмученной глины; керамика с примесью мелкого песка с хорошо залощенной, заполированной поверхностью². Конечно, деление это во многом условно. Далеко не все сосуды, изготовленные с примесью ракушки в глине, употреблялись для приготовления пищи, то есть как кухонная посуда. Автор хотел лишь подчеркнуть терминами «кухонная» и «столовая» наличие двух больших групп посуды, различных в технологическом отношении.

В пределах каждой группы выделяются определенные типы (формы) сосудов. Следует отметить, что единой классификации трипольской кера-

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 191—193; М. М. Шмаглей. Керамика поселень городского типу.— Археологія, т. XIII. К., 1961, стр. 20—37.

² В. Г. Збеневич. Керамика усатівського типу.— Археологія, т. XXI. К., 1968, стр. 50—78.

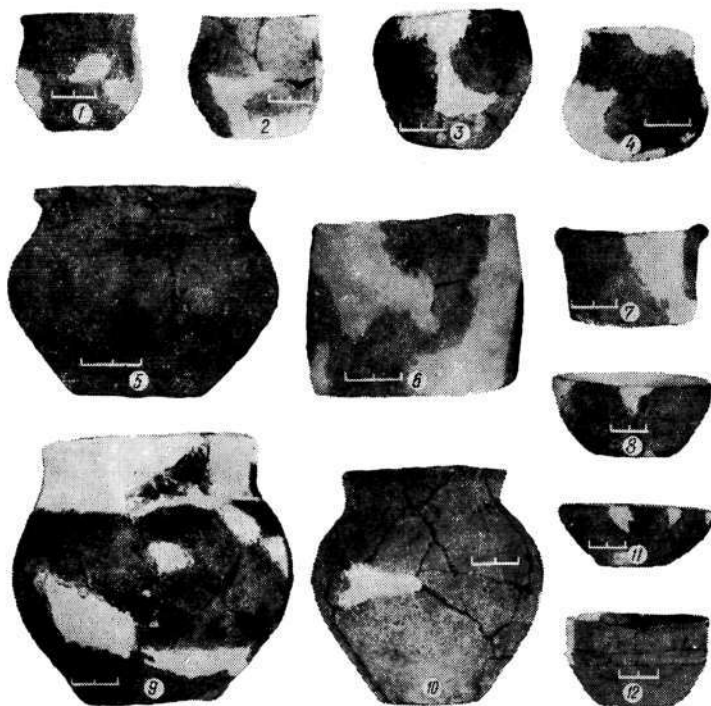

Рис. 29. Керамика II грунтового могильника в с. Усатово.

мики по типам сосудов пока не существует, и каждый исследователь подходит к выделению этих типов субъективно. Часто под одним и тем же термином «амфора», «кувшин» и т. д. понимают совершенно разные сосуды. Кроме того, нет четкой границы между сосудами разных типов; существуют переходные их формы. Поэтому автор стремился выделить наиболее характерные, часто встречающиеся при исследовании памятников усатовского типа группы сосудов.

І ГРУППА. КУХОННАЯ ПОСУДА

Эта группа преобладает в количественном отношении, особенно на поселениях, где она составляет более 80% всех сосудов (83,2% — в Маяках, 80,6% — в Усатово)³.

В качестве примеси к глиняному тесту древние гончары применяли измельченные створки раковин, кусочки которых хорошо видны на поверхности сосуда и в изломе черепка. Мелко истолченная ракушка по сравнению с зернами песка или другими отошителями, добавляемыми в

³ На поселении Фолтешти керамика с примесью ракушки встречается очень редко. Здесь в качестве примеси обычно применялся толченый известняк, см. М. Petrescu-Dâmbovița, J. Casan, C. Mateescu. Указ. соч., стр. 257.

глину, имеет лучшее сцепление с глинистой массой и препятствует усадке сосуда при сушке и обжиге.

Сосуды изготовляли ленточным способом либо посредством соединения нескольких отдельно изготовленных частей — венчика, тулова и т. д. Это удается проследить на многих фрагментах сосудов. Миниатюрные сосудики лепили целиком, из одного кусочка глины.

Обжиг посуды этой группы производился при температуре около 700°⁴, поэтому сосуды должны были получаться пористыми, с большим водопоглощением. Но древние гончары, имеющие большой практический опыт, умело регулировали подачу воздуха, создавая режим обжига, при котором поддерживался восстановительный процесс. При этом топливо из-за недостатка кислорода сгорает неполностью, и сосуд пронизывается восстановительным углеродом. Последний заполняет образующиеся при обжиге поры, и керамика становится более плотной. Она имеет сравнительно небольшое водопоглощение (от 7 до 18%), что позволяет успешно использовать ее в качестве кухонной посуды⁵.

В зависимости от температуры обжига внешняя поверхность черепка бывает черного, серовато-черного, серого, гораздо реже — розоватого цвета. Она всегда заглажена, слегка подлощена. Изредка на черепке заметны следы весьма небрежного лощения в виде тонких полос или штрихов, оставленные костяным или деревянным лощилом. Очень редко встречаются фрагменты сосудов, внешняя и внутренняя поверхность которых покрыта толстым слоем розовой обмазки — ангоба, так что они почти не отличаются от керамики из отмученной глины.

В зависимости от количества примеси и обжига черепок бывает пористым, рыхлым или плотным и крепким. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,4 до 1 см, толщина дна у больших сосудов достигает 1,5 см. Часто на внешней стороне дна сосудов этой группы видны отпечатки циновки грубого плетения. Такие отпечатки встречены на 63% всех днищ кухонных сосудов Усатовского поселения и на 27% днищ, найденных в Маяках; они позволяют говорить о циновках, сплетенных тремя-четырьмя способами (рис. 30, 1—3). По мнению некоторых исследователей, куски ткани (или циновки) во время изготовления сосуда подкладывали под его дно, чтобы взявшись рукой за конец этой ткани, можно было легко поворачивать формуемый сосуд в разные стороны⁶.

В группе кухонной керамики можно выделить несколько типов сосудов.

Горшки. Эта наиболее распространенная форма сосудов, (прежде всего на поселениях); высота их колеблется в пределах 10—30 см. Можно выделить несколько подтипов горшков:

⁴ О том, что посуда обжигалась в специальных горнах, говорят обломки массивных (до 10 см толщиной) глиняных плит со сквозными отверстиями — «продухами», найденные на поселении Маяки. Плиты эти в древних обжигательных горнах отделяли топочное помещение от обжигательной камеры.

⁵ Керамика поселений Маяки и Усатово—Большой Куяльник была исследована в технологической лаборатории главной конторы геологоразведочных работ Министерства сельского хозяйства УССР.

⁶ Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 19.

Рис. 30. Кухонная керамика.

1, 4, 8, 9 — 11, 15 — Маяки; 2, 3, 5 — 7, 12 — 14 — Усатово — Большой Куяльник.

а) горшок с широким горлом, диаметр которого немного меньше максимального диаметра сосуда. Шейка у таких горшков сравнительно высокая, край венчика отогнут. Тулово обычно вытянутое пропорций, плечики выражены слабо (рис. 31, 1—3, 32, 1);

б) горшки с округлым туловом, невысокой шейкой и довольно широким горлом (рис. 31, 4—5);

в) приземистые горшки с довольно высокой шейкой. Край венчика слегка отогнут и соединен с туловом при помощи петельчатой ручки, уплощенной или овальной в сечении (рис. 31, 6, 7; 32, 4);

г) невысокие приземистые горшки с округлым приплюснутым туловом. Обычно они имеют сравнительно высокую шейку с широким горлом-раструбом (рис. 31, 8, 9; 32, 2, 3);

д) довольно высокие (до 30 см) горшки с выпуклыми округлыми плечиками и конически сужающимся ко дну туловом. Шейка у таких горшков высокая, прямая, горло неширокое (рис. 31, 10, 11; 32, 5);

е) большие сосуды (высота до 1 м, ширина горла до 70—80 см), используемые для хранения припасов. Судя по обломкам, они имели невысокую шейку и слабо профилированное тулово, постепенно сужающееся к сравнительно неширокому дну. Часто такие сосуды имели две округлые в сечении или уплощенные ручки, расположенные на тулове чуть выше его максимального диаметра (рис. 30, 4—5).

Амфоры. Значительную часть керамики составляют амфоры — округлотелые сосуды, имеющие обычно две небольших ручки. Особенно часто встречаются они при раскопках курганов. Можно выделить следующие подтипы:

а) небольшие (высота 10—11 см) амфорки с округлым туловом, постепенно сужающимся к маленькому дну. Шейка невысокая, край венчика слегка отогнут. Чуть ниже основания шейки расположены ручки-бугорки, проткнутые в толще стенки сосуда (рис. 31, 12—14; 32, 6—8);

б) амфоры с округлым, слегка приплюснутым туловом, ширина которого больше высоты сосуда. Шейка невысокая. На максимальном диаметре тулова расположены две (реже четыре) небольшие ручки с горизонтальными отверстиями (рис. 31, 15).

в) очень редко встречаются так называемые шаровидные амфоры — большие сосуды (высотой до 27 см) с круглым туловом и прямой цилиндрической шейкой (рис. 31, 16).

Чашы. На поселениях усатовского типа найдено значительное количество фрагментов чаш; гораздо реже чаши из глины с примесью ракушки встречаются в могильниках. Преобладают полусферические чаши с плавно закругленными боками (край венчика слегка загнут внутрь); переход тулова ко дну обычно также плавный. Иногда придонная часть сосуда несколько вытянута. Встречены отдельные экземпляры чаш с закругленным дном. Размеры чаш разные: высота их колеблется от 4—5 до 10—11 см, диаметр горла от 8 до 22—23 см (рис. 33, 1, 2, 5; 32, 15).

Изредка встречаются небольшие чаши, высота которых равна их ширине, то есть сосуд напоминает чашку (рис. 32, 9; 33, 3).

Миски в большом количестве встречаются на поселениях и реже — в могильниках. Обычно они имеют высокую прямую шейку (край вен-

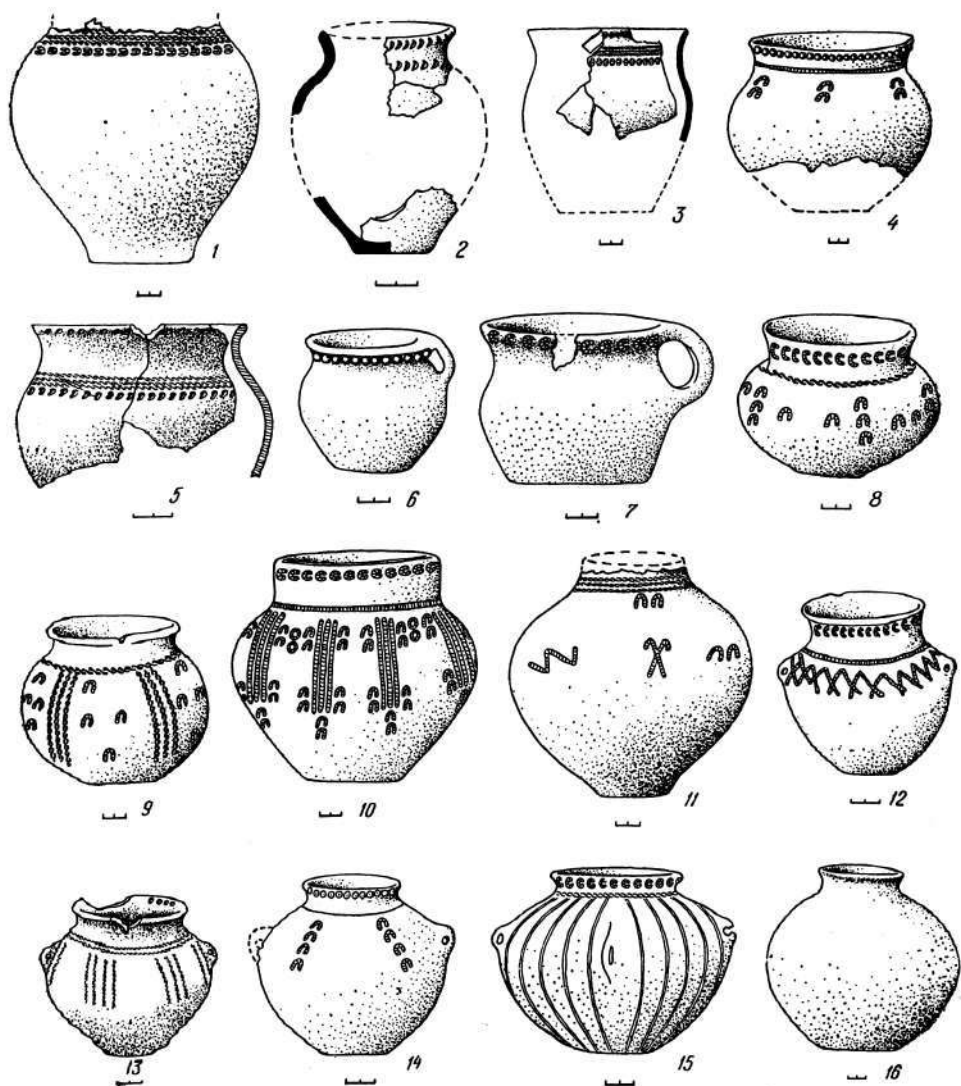

Рис. 31. Кухонная керамика.

1, 3, 5 — Маяки; 2 — Усатово — Большой Куяльник; 4, 6, 16 — Тудорово, курган; 7 — Усатово, курган II-2; 8 — Усатово, курган I-1; 9 — Усатово, курган I-7; 10, 11, 15 — Усатово, курган I-12; 12 — Усатово, курган II-2; 13 — Терновка, курган № 179; 14 — Усатово, курган I-8.

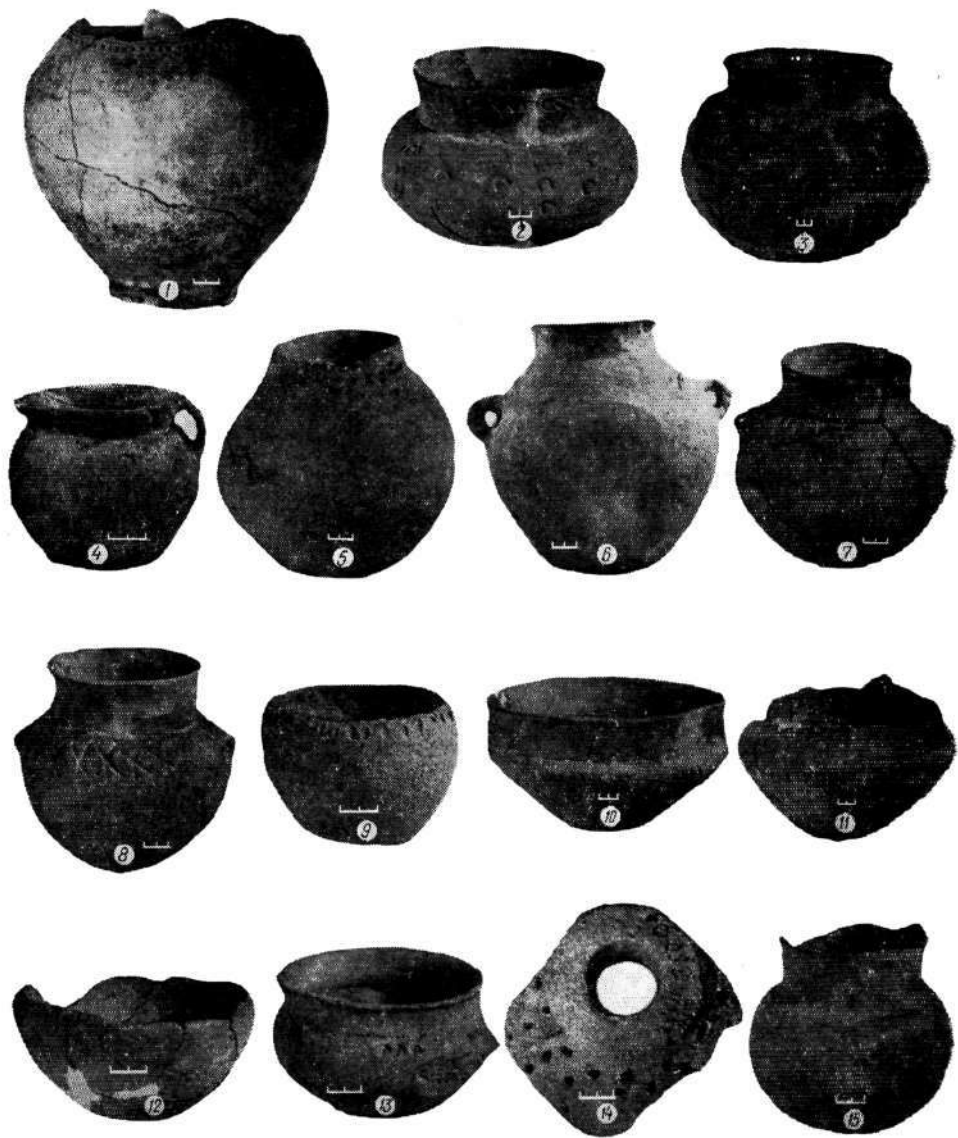

Рис. 32. Кухонная керамика.

1 — Маяки; 2 — Усатово, курган I — 1; 3 — Усатово, курган I — 7; 4, 6 — Тудорово, курган; 5, 9, 11 — Усатово, курган II — 1; 7 — Усатово, курган I — 2; 8 — Усатово, курган II — 2; 10 — Усатово, курган II — 3; 12 — Усатово, курган I — 4; 13, 15 — Усатово, курган I — 11; 14 — Усатово — Большой Куяльник.

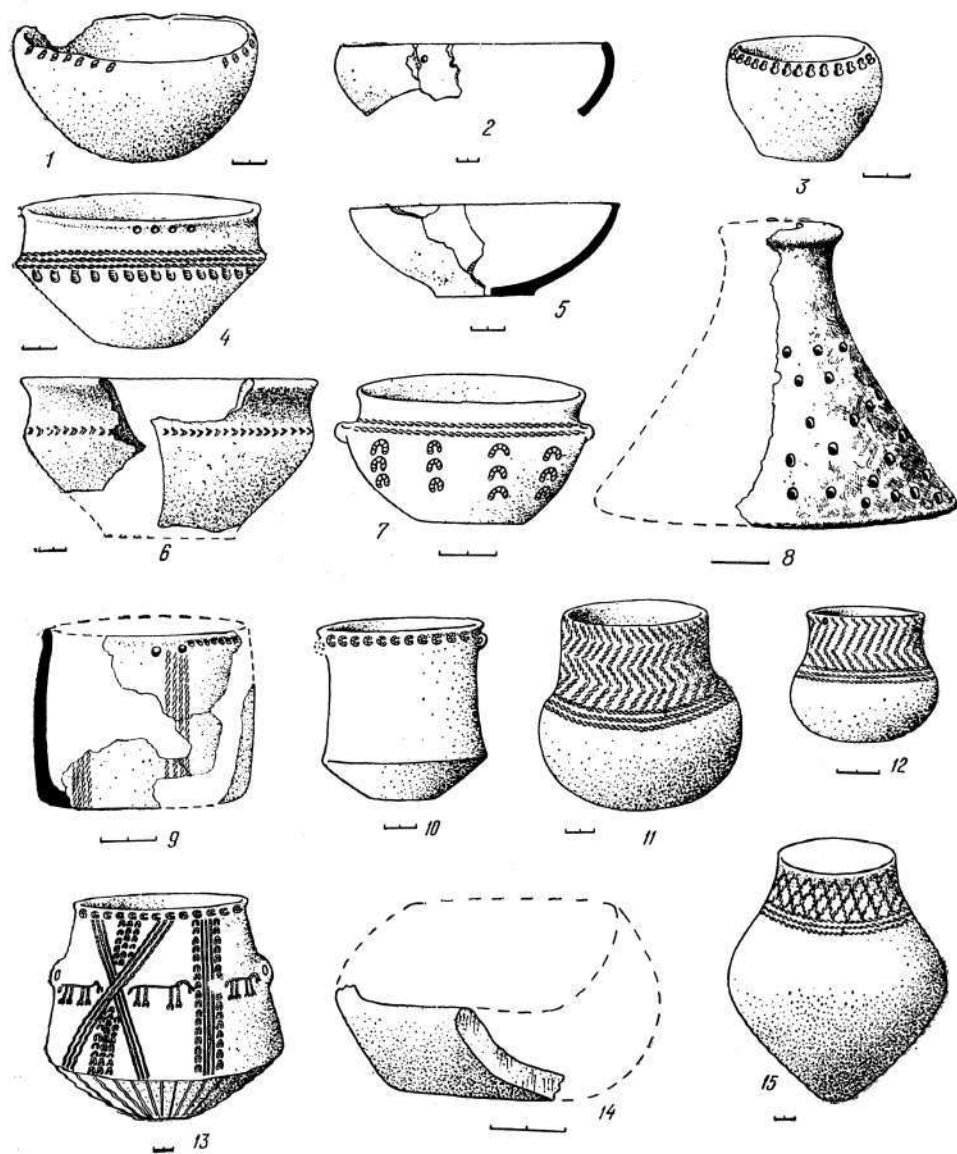

Рис. 33. Кухонная керамика.

1 — Усатово, курган I — 4; 2, 5, 6, 8, 14 — Маяки; 3, 11 — Усатово, курган II — 1; 4, 7 — Усатово, курган II — 3; 9, 12, 15 — Усатово, II грунтовой могильник; 10 — Усатово, курган I — 12; 13 — Тудорово, курган.

чика слегка отогнут), причем диаметр горла равен по величине максимальному диаметру тулова. У основания шейки профиль сосуда резко перегнут, образуя ребро; тулово конически сужается к небольшому дну. Высота мисок — 10—12 см, диаметр горла некоторых наиболее крупных экземпляров — 20—25 см (рис. 33, 4; 32 10—11). Довольно часто миски напоминают широкогорлые приземистые горшки (рис. 33, 6). Выделяется небольшая группа мисок, у которых перегиб профиля выражен не столь резко; тулово их имеет более плавные, округлые очертания; чуть ниже основания шейки расположены две маленькие ручки с вертикальными отверстиями (рис. 33, 7; 32, 13). Миски эти небольших размеров (диаметр горла не более 10 см).

Цедилки — посуда, покрытая сквозными отверстиями (подобие нынешних дуршлагов), встречающаяся лишь на поселениях. По форме это бутылки с высокой шейкой, массивным, отогнутым наружу и уплощенным краем венчика. Стенки — с небольшими сквозными отверстиями, проткнутыми снаружи. Доннышек у таких «бутылок» нет (рис. 33, 8; 32, 14). Высота их 12—15 см, диаметр основания — 7—8 см. Гораздо реже встречаются цедилки в виде небольших полусферических чаш (рис. 12, 5).

Существуют различные предположения о способах использования этих сосудов, в частности, некоторые авторы считают их приспособлением для переработки молока, производства сыра и т. д.

Сосуды в виде кубков. Эта группа посуды незначительна в количественном отношении и встречается обычно лишь при раскопках могильников. Выделяются следующие формы:

а) цилиндрические тонкостенные сосудики высотой 5—7 см. Иногда у края венчика таких кубков есть два небольших ушка с горизонтальными отверстиями (рис. 29, 6, 7; 33, 9);

б) сосуды небольших размеров с округлым, чуть приплюснутым туловом и закругленным дном. Шейка таких сосудов сравнительно высокая, край венчика отогнут (рис. 33, 11, 12; 32, 15).

К группе кубков следует также отнести тонкостенный сосуд высотой 11,5 см, найденный в культовой яме кургана № 12 в с. Усатово. Поверхность его подлощена, тулово цилиндрическое, слегка расширяющееся кверху. Чуть ниже края венчика расположены две маленькие ручки с горизонтальными отверстиями. Книзу тулово сосуда также слегка расширяется, а затем резко сужается к небольшому дну, образуя ребро⁷ (рис. 33, 10).

К редким формам сосудов относятся две невысоких прямоугольных плошки с четко выраженными гранями — в одном случае (Усатово — грунтовой могильник)⁸ и закругленными — в другом (Маяки) (рис. 33, 14).

Примечателен большой (высота 25 см) биконический сосуд из кургана в с. Тудорово. Его сужающееся кверху тулово, в средней части

⁷ Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12, стр. 121, рис. 6, 9.

⁸ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского бескурганного могильника в 1964 г., стр. 206, рис. 4, 24.

которого имеются два маленьких наlepных ушка, отделено от невысокой придонной части острым ребром. Сосуд богато орнаментирован⁹ (рис. 33, 13).

Наконец, необходимо отметить уникальный сосуд с высокой, прямой, чуть суженной кверху шейкой, выпуклыми боками и яйцевидным дном (грунтовой могильник в с. Усатово)¹⁰. Это единственный пока яйцевидный сосуд во всем усатовском керамическом комплексе (рис. 33, 15).

Кухонная керамика, как правило, орнаментирована (70—80% сосудов из поселений, 90% — могильников). Преобладают два вида орнамента — шнуровой и штамповый, часто сочетающиеся. Шнуром украшены почти все кухонные сосуды, обнаруженные в курганах усатовского типа; на Усатовском поселении они составляют 87%; в Маяках — около 42% всей орнаментированной кухонной керамики. В Фолтештах шнуровой орнамент распространен гораздо реже, чем в Усатово¹¹ и, по-видимому, реже, чем в Маяках.

Древние гончары применяли простой, реже перевитый шнур различной толщины. Орнаментировали, как правило, только верхнюю часть сосуда (шейку, плечики); известны лишь несколько сосудов, вся поверхность которых покрыта узором. Орнаментальные мотивы не зависят от формы сосуда.

Обычно основание шейки опоясано одним — тремя отпечатками шнура. Значительно реже на плечики сосуда свисают треугольники, заштрихованные короткими отпечатками шнура (рис. 30, 6). Распространен орнамент в виде вертикальных отрезков шнура, чаще всего тройных, спускающихся на плечики и тулово сосуда (рис. 31, 9, 10, 13). Довольно обычен орнаментальный мотив в виде косо́го креста (рис. 31, 12). Оттиски шнура иногда встречаются и внутри сосуда под краем венчика. Срез венчика довольно часто расчленен отпечатками шнура. Высокая шейка некоторых сосудов нередко украшена зигзагами или косой сеткой, оттиснутыми короткими отрезками шнура (рис. 30, 7; 33, 11, 12, 15). Но излюбленным орнаментальным мотивом усатовских гончаров был серпик — отпечаток небольшого отрезка шнура, изогнутого в виде подковы. Среди всех мотивов шнурового орнамента на керамике Усатовского поселения серповидные оттиски составляют 75%. Очень распространен также орнамент в виде коротких прямых или чуть изогнутых отрезков шнура — так называемых гусеничек, или личинок. Серпики, или гусенички, оттиснуты под краем венчика сосуда, у основания шейки и на переходе от шейки к плечикам, часто в сочетании с горизонтальными рядами отпечатков шнура, опоясывающих тулово сосуда (рис. 31, 4, 8—12). Серпики составлены в вертикальные колонки, горизонтальные ряды; их несомкнутые концы обращены в разные стороны. Иногда на поверхности сосуда шнуром оттиснуты различные знаки — косой крест, зигзаг и т. д. (рис. 31, 11).

Выделяется своей орнаментацией упомянутый выше большой бико-

⁹ А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 81, рис. 24.

¹⁰ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского бескурганного могильника в 1964 г., стр. 203, рис. 2, 3.

¹¹ M. Petrescu-Dâmbovița, J. Casan, C. Mateescu. Указ. соч., стр. 257.

нический сосуд из кургана в с. Тудорово. Орнаментирована вся его поверхность, причем интересно сочетание разных мотивов: косой крест и вертикальные линии, оттиснутые перевитым шнуром и окаймленные рядами серпиков; углубленные линии, расходящиеся радиально, и, наконец, — восемь изображений лошадей, выполненных перевитым и простым шнуром ¹² (рис. 33, 13).

Орнамент, нанесенный различными штампами, на посуде из курганов усатовского типа встречается крайне редко. Лишь 3% всей орнаментированной кухонной керамики поселения Усатово—Большой Куяльник украшено штамповым орнаментом. И только на поселении Маяки этим видом орнамента украшена большая часть всей кухонной посуды — 53,8%. Широко применяли штамп при украшении керамики также и жители поселения в с. Фолтешти.

Штамповой орнамент наносился, очевидно, при помощи деревянной (отчетливо видны отпечатки древесных волокон) палочки, поставленной прямо или под углом. В зависимости от того, каким был конец палочки-штампа, оттиски его имеют разный вид. Это треугольные, овальные, прямоугольные углубления, часто с рваными краями, дуговидные оттиски и т. д. (рис. 30, 8—11, 15). Особенно часто в качестве штампа применялась палочка с широким плоским концом. Поставленная под углом, она оставляла специфические прямоугольные отпечатки. Иногда на плоский конец такой палочки наносились зубцы, в результате чего оттиск ее как бы пересечен глубокими бороздками (рис. 30, 10). Изредка орнамент нанесен концом узкой трубочки.

Особым видом штампового орнамента являются так называемые жемчужины — округлые рельефные выступы на внешней поверхности сосуда, оттиснутые изнутри палочкой с закругленным концом. Углубления, оставшиеся внутри сосуда, замазывали глиной. Как правило, жемчужины расположены сплошным рядом, опоясывая горло сосуда под краем венчика (рис. 30, 14; 31, 6). На керамике из курганов этот орнамент встречается очень редко; в Маяках — отсутствует вовсе; на Усатовском поселении жемчужинами украшено около 2% всей орнаментированной кухонной посуды.

Некоторое количество посуды с поселения Усатово—Большой Куяльник, в первую очередь большие горшки-хранилища (рис. 30, 13), украшено пальцевыми защипами. В Маяках защипами украшено лишь около 2% кухонной керамики.

На поселениях Усатово—Большой Куяльник и Маяки найдено несколько обломков сосудов, украшенных коническими налепами, среди которых следует упомянуть фрагмент верхней части большого горшка с двумя свисающими налепными изображениями — стилизованными головками животных, по предположению М. Ф. Болтенко (рис. 30, 12).

Также чрезвычайно редок орнамент в виде врезных углубленных линий, делящих тулово сосуда на вертикальные зоны (31, 15).

Иногда сосуды украшены небольшими сквозными проколами, расположенными под самым краем венчика (рис. 31, 13; 32, 10).

¹² А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 81.

II ГРУППА. СТОЛОВАЯ ПОСУДА

Как уже говорилось выше, столовую посуду можно разделить на две подгруппы.

Подгруппа А. К этой подгруппе относится типичная трипольская керамика из отмученной глины с примесью очень мелкого песка. Обжиг ее проходил при температуре около 900°, водопоглощение колеблется в пределах 12—15%. Черепок плотный, крепкий, звонкий. Цвет поверхности красноватый, розовый, розовато-желтый, светло-коричневый. Внешняя поверхность часто ангобирована и подлощена; реже она бывает шероховатой, мажущейся.

В количественном отношении подгруппа А невелика. На поселении Усатово—Большой Куяльник она составляет 18% всех сосудов, в Маяках — около 6; в Фолтештах найдено несколько фрагментов керамики этой подгруппы. В курганах с. Усатово посуда из отмученной глины составляет около 30%, а в некоторых курганах Поднестровья (Парканы. Красногорка, Шабалат) даже преобладает.

В подгруппе А можно выделить несколько типов сосудов.

Горшки. По форме они менее разнообразны, чем горшки кухонной группы керамики. Различается несколько подтипов:

а) округлотелые сосуды небольших размеров (лишь отдельные экземпляры достигают высоты 20—25 см) с прямой, сравнительно высокой шейкой и слегка уплощенным, отогнутым краем венчика. Дно сосуда неширокое (рис. 34, 1, 2; 35, 1—3);

б) небольшие сосуды с широким горлом, невысокой шейкой и хорошо выраженными плечиками (рис. 34, 3—5);

в) округлотелые приземистые сосуды с широким горлом, высота которых меньше максимального диаметра их тулова. Сосудов этой формы немного (рис. 34, 6);

г) горшки округлотелые или слегка вытянутых пропорций, с хорошо выраженными плечиками. Шейка невысокая. Под краем венчика — пара небольших налепных ручек. В количественном отношении этот подтип незначителен (рис. 34, 7; 35, 5).

Особняком стоит горшок из отмученной глины, найденный в культовой яме № 1 кургана в с. Тудорово. Это биконический сосуд с широким горлом, высокой прямой шейкой и узким дном. Нижнюю часть сосуда от верхней отделяет ребро. На тулове, ниже края венчика помещена овальная в сечении ручка (рис. 35, 4). Автор раскопок относит этот горшок к «обычным» позднетрипольским расписным сосудам из розовато-оранжевой глины¹³. Действительно, эта посуда широко представлена на поселениях начального этапа позднего Триполья (этап С/1), однако вовсе отсутствует в памятниках заключительной фазы трипольской культуры.

Амфоры из отмученной глины в целом несколько отличаются формой от амфор группы кухонной керамики. Выделяются два подтипа этих сосудов:

а) высокие (22—27 см) амфоры с округлым туловом и узким горлом. Шейка сравнительно высокая, край венчика уплощен и отогнут. На

¹³ А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 80, рис. 23, 1.

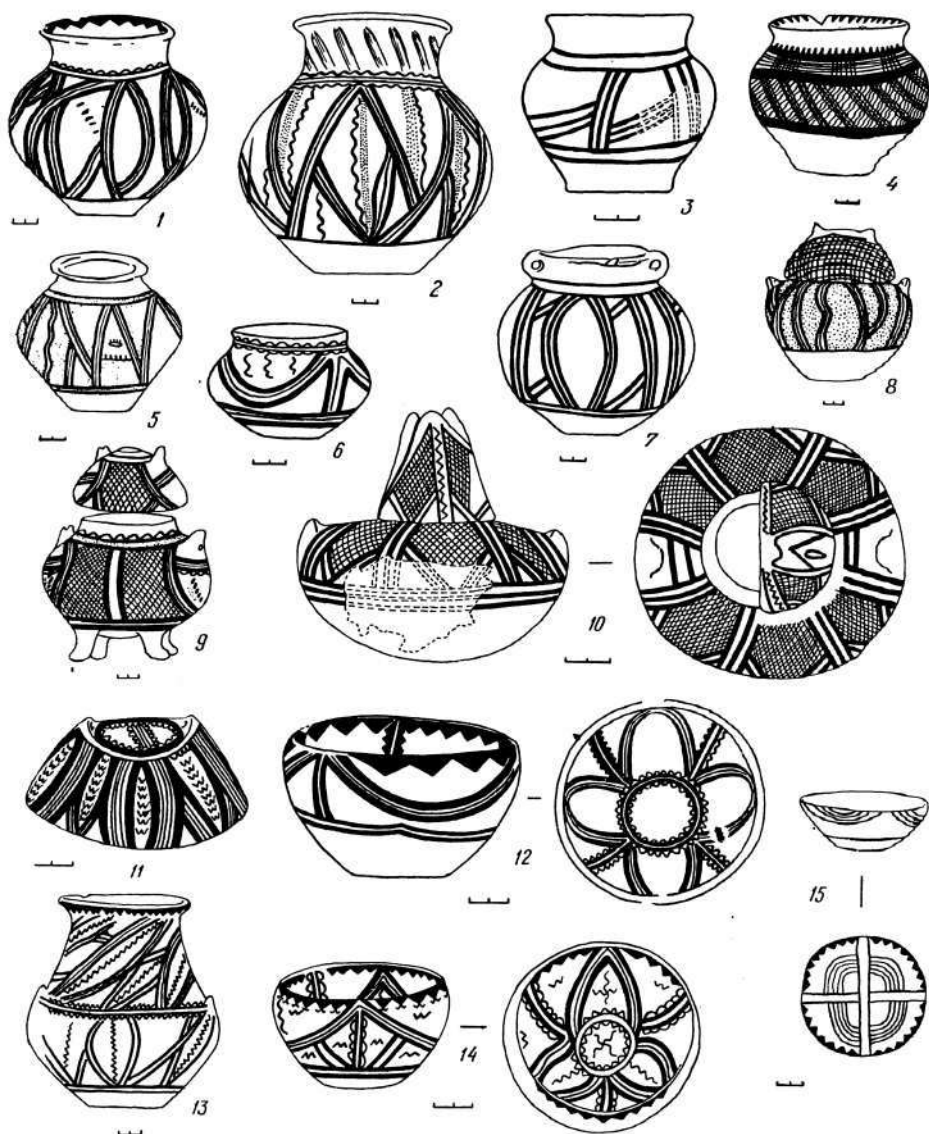

Рис. 34. Столовая расписная керамика (подгруппа А).

1 — Усатово, курган I — 1; 2 — Тудорово, грунтовое погребение; 3 — Сарата, курган; 4 — Шабалат, курган; 5 — Усатово, курган I — 7; 6 — Парканы, курган 182; 7 — Усатово, курган II — 2; 8 — Раскайцы, грунтовой могильник; 9 — Парканы, курган 91; 10 — Брэилица, курган; 11 — Усатово, курган II — 3; 12 — Усатово, курган I — 3; 13 — Усатово, курган I — 11; 14 — Усатово, курган II — 1; 15 — Красногорка, курган 204.

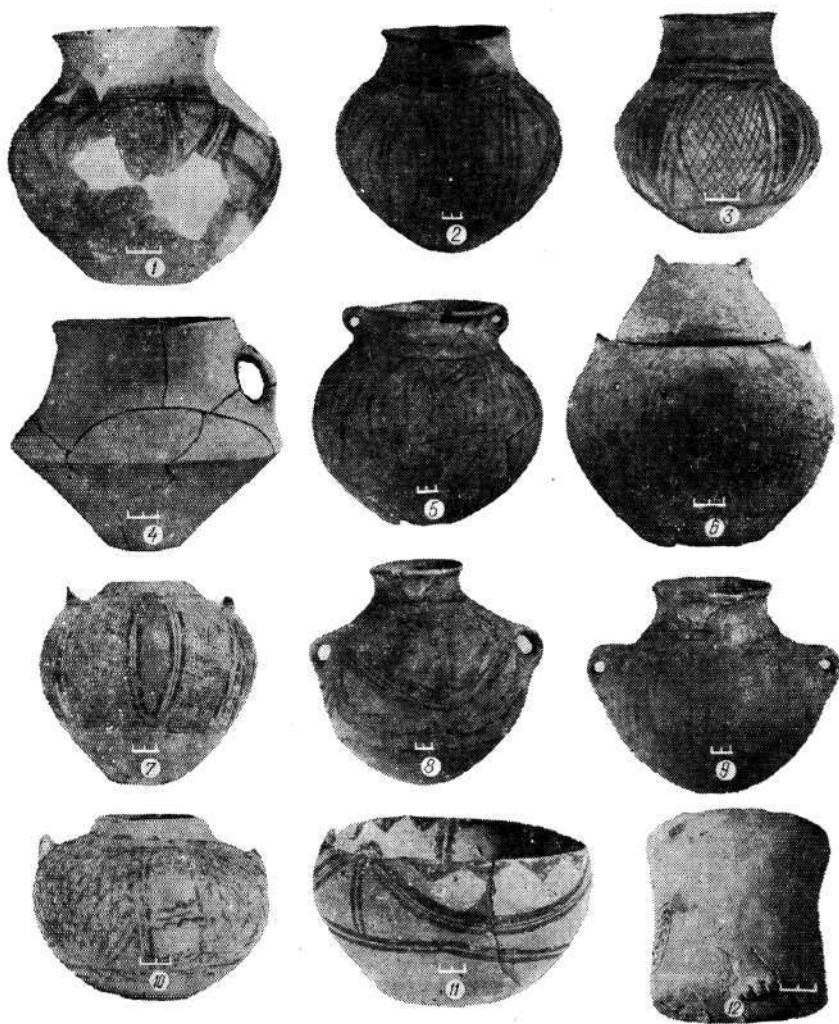

Рис. 35. Столовая расписная керамика.

1 — Усатово, курган I — 14; 2, 5 — Усатово, курган II — 2; 3, 7, 10 — Тудорово, случайная находка; 4, 6 — Тудорово, курган; 8 — Усатово, курган I — 7; 9 — Усатово, разрушенный курган; 11 — Усатово, курган I — 3; 12 — Усатово — Большой Куяльник.

тулове расположены две наклепные ручки, овальные в сечении; донышко небольшое (рис. 35, 8, 9);

б) округлотелые и слегка приплюснутые амфоры с невысокой (часть чуть намеченной) и обычно скошенной к середине шейкой. У основания их расположена пара конических бугорков («ушек») с вертикально проткнутыми отверстиями (рис. 34, 8; 35, 6). Очень часто эти амфоры находят вместе с крышками в виде усеченного конуса, также снабженными ушками (рис. 34, 11). Подобные амфоры, найденные при раскопках курганов и поселений на территории Румынии, несколько отличаются формой: они приземистые и довольно широкие. Крышки их, наоборот, имеют удлиненные пропорции¹⁴ (рис. 34, 10). Несколько выделяются формой два сосуда: высокая амфора с плоскими «рогатыми» ушками у основания шейки¹⁵ и амфора на четырех ножках, найденная вместе с крышкой в кургане № 91 с. Парканы¹⁶ (рис. 34, 9; 35, 7).

Чаши. Расписные полусферические чаши из отмученной глины являются неотъемлемой принадлежностью погребального инвентаря почти каждого кургана усатовского типа. В большом количестве встречаются они и на поселениях. Формой полусферические чаши не отличаются от аналогичных сосудов группы кухонной керамики (рис. 34, 12, 14, 15; 35, 11).

Кувшины. Это небольшая в количественном отношении группа сосудов с округлым приземистым туловом, небольшим дном и высокой, конически сужающейся кверху шейкой. Край венчика сильно отогнут. У основания шейки обычно расположены четыре бугорка-налепа (рис. 34, 13).

Из отмученной глины изготовлен кубок, найденный на поселении Усатово—Большой Куяльник (сохранилась половина сосуда). Формой он очень напоминает кухонный кубок из кургана № 12, но не имеет ручек. На дне кубка видны остатки двух подставок в виде лап животного (рис. 35, 12).

Древние гончары расписывали свою посуду красками минерального происхождения — чаще всего темно-коричневой (черной) и красной. Орнамент почти всегда наносился в зоне, ограниченной параллельными двойными полосками, проведенными у основания шейки сосуда и чуть выше его дна. Пространство между этими полосками, нанесенными темно-коричневой краской, обычно заполняли красной краской. Часто полоски окаймлены сверху и снизу волнистыми линиями. На отогнутый край венчика иногда наносили орнамент в виде треугольников, залитых темно-коричневой краской. Основной мотив росписи горшков, амфор, кувшинов — это сходящиеся под углом отрезки лент, состоящих из трех полосок, причем центральная полоска тоньше крайних. Обычны также овалы, изогнутые иногда в виде языков пламени и заполненные красной краской (рис. 34, 7; 35, 1).

Довольно часто свободные пространства в орнаментальной зоне

¹⁴ N. Nagŭuchi, J. T. Dragomir. Săpăturile de la Brăilița, стр. 141, рис. 12.

¹⁵ Найдена во время случайных раскопок в с. Тудорово. Хранится в музее г. Измаила.

¹⁶ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., стр. 114, табл. XV, рис. 112.

(углы между отрезками лент, овалы и т. д.) заполнены линиями в виде волн, зигзага или черточками с отходящими от них короткими отростками — «усиками» (рис. 34, 1, 2, 5, 6).

Обычным мотивом росписи усатовских сосудов является косая сетка, заполняющая пространство между овалами или отрезками лент (рис. 34, 9, 10; 35, 10). Очень часто орнаментом в виде косой сетки украшали шлемовидные крышечки амфор. Весьма устойчива орнаментация упомянутых выше полусферических чаш. Снаружи они украшены свисающими полуовальными фестонами, отделенными один от другого вертикальными отрезками лент, которые, как и сами фестоны, состоят из трех полосок. Вдоль края чаши (внутри и снаружи) размещены треугольники, залитые темно-коричневой краской. Внутри чаши, на ее дне, нанесен круг, часто окаймленный зигзагообразной линией. От него отходят в разные стороны три или четыре полуовала, так что в целом рисунок напоминает цветок с лепестками. Обычно этот рисунок пересечен узором в виде креста. На свободных полях снаружи и внутри чаш встречаются дополнительные детали орнамента — изображения в виде волны, зигзага или перевернутой буквы М (рис. 34, 12, 14, 15).

Другие виды орнамента на керамике из отмученной глины встречаются как исключение. Так, сосуд из с. Тудорова¹⁷ украшен по шейке глубокими косыми каннелюрами (рис. 34, 2); большие сосуды типа кувшинов, как уже говорилось, украшены у основания шейки четырьмя коническими выступами-бугорками.

Подгруппа Б включает столовую посуду из глины с примесью мелкого песка или (гораздо реже) ракушки, измельченной почти до состояния порошка (в этом случае черепок при обжиге не становился рыхлым и пористым). Керамика хорошо обожжена, поверхность сосудов великолепно обработана — залощена внутри и снаружи, часто заполирована до блеска. Цвет черепков черный, коричневый; иногда на поверхности видны следы ангоба (темно-красная краска).

Посуда этой подгруппы в курганах усатовского типа почти не встречается; на поселении Усатово—Большой Куяльник она составляет 1,4% всех сосудов, в Маяках — 10,9%.

Обычно сосуды представлены небольшими фрагментами; реконструируют лишь отдельные формы — широко открытые миски с резким перегибом профиля (рис. 36, 4, 5, 8), полусферические чаши (рис. 36, 9); небольшие горшки со слабо профилированным туловом (рис. 36, 2, 3), приземистые горшки с выпуклыми плечиками и сравнительно высокой прямой шейкой (рис. 36, 1, 7), округлотелые амфорки (рис. 36, 6; 37, 5). На поселении Маяки обнаружено несколько крупных обломков цилиндрических сосудов с вертикальными или чуть наклоненными внутрь стенками (рис. 36, 11, 12, 14; 47, 7) — форма, неизвестная в керамических комплексах остальных усатовских поселений. Очевидно, это большие сосуды типа банок или кубков. Представляет интерес небольшой сосуд (сохранилась его нижняя часть) — квадратный или подпрямоугольный в плане, с резко выделенными гранями (рис. 36, 10; 37, 11).

¹⁷ Случайная находка. Хранится в Гос. Эрмитаже, № 2287/1.

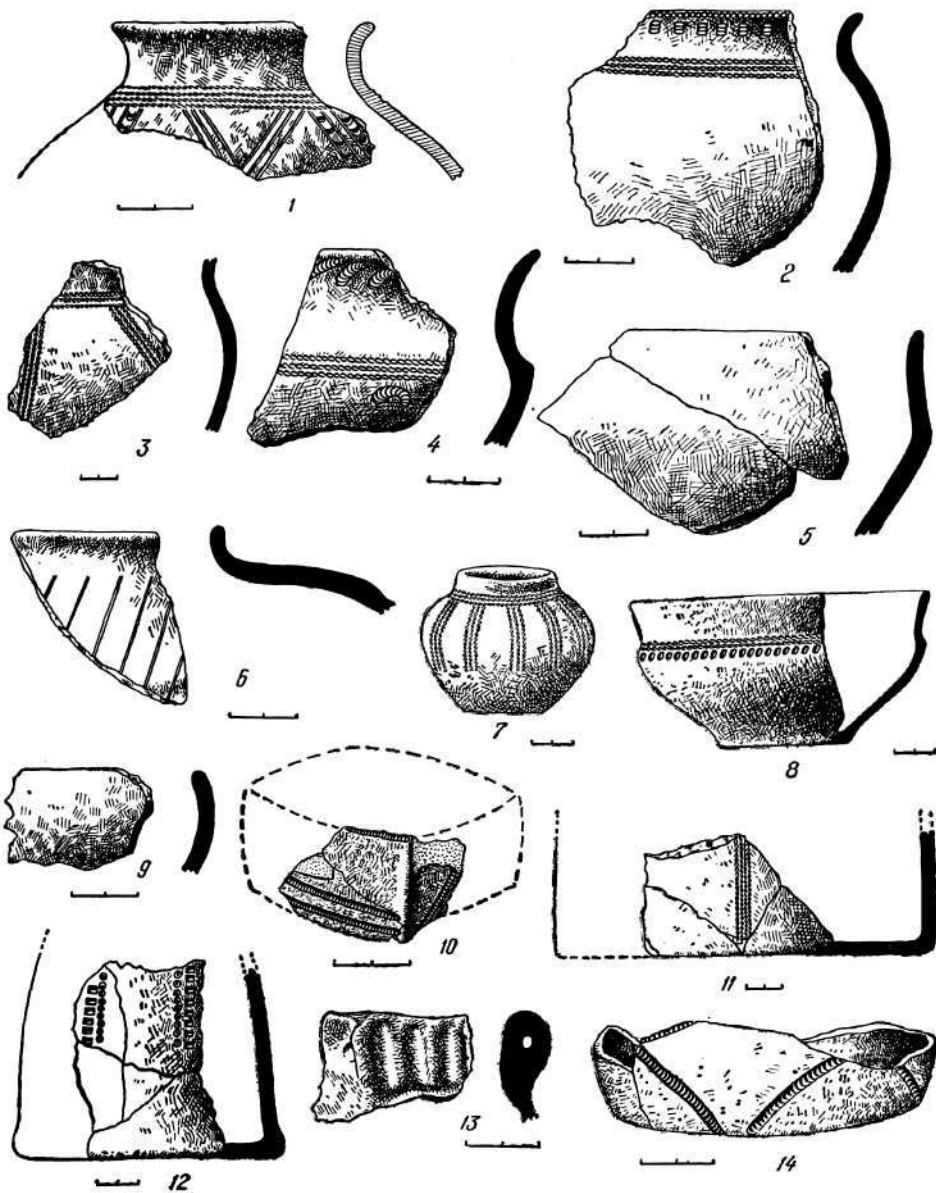

Рис. 36. Столовая керамика (подгруппа Б).

1, 8, 10—14 — Маяки; 2—6, 9 — Усатово — Большой Куяльник; 7 — Сукля, курган 2.

Рис. 37. Столовая керамика (подгруппа Б) с поселения Маяки.

На стенках сосудов рассматриваемой подгруппы изредка встречаются небольшие уплощенные или округлые в сечении ручки; в Маяках найден фрагмент венчика сосуда, под краем которого помещена округлая удлиненная ручка с узким горизонтальным отверстием, расчлененная вертикальными каннелюрами (рис. 36, 13; 37, 3). По размерам описываемые сосуды меньше кухонных. Они в основном тонкостенные; толщина дна также невелика. Очень редко на дне встречаются отпечатки циновки.

Орнаментация сосудов аналогична орнаментации кухонной керамики: более 80% составляют сосуды, украшенные оттисками шнура — простого и перевитого. Размещение и мотивы его полностью отвечают шнуровому орнаменту кухонной керамики. Особенно часто встречается узор в виде вертикальных (двойных и тройных) оттисков тонкого шнура (рис. 37, 2, 5, 6, 8, 10—16). Штамповый и врезной орнаменты для этой группы керамики не характерны (рис. 37, 1, 4, 9). Примечательно, что оттиски шнура и врезные линии на сосудах часто затерты белой пастой. Отдельно следует отметить встреченный на поселении Усатово—Большой Куяльник обломок венчика сосуда, хорошо залощенного внутри и снаружи. На внешней поверхности его отчетливо заметен орнамент в виде четырех параллельных темных полосок, пролощенных на красноватой облицовке черепка. С таким видом орнамента мы сталкиваемся впервые при изучении керамики трипольского времени.

* * *

В керамическом комплексе памятников усатовского типа выделим, прежде всего, ту сумму признаков, которая составляет его специфику:

1) преобладание кухонной посуды с подлощенной темной поверхностью и примесью толченой ракушки в тесте; 2) наличие отпечатков циновки на донышках многих кухонных сосудов; 3) широкое применение шнура при орнаментации сосудов и наличие устойчивых орнаментальных мотивов («серпики», «гусенички»); 4) большое количество сосудов типа амфор и широко открытых мисок с резким перегибом профиля; 5) наличие на поселениях группы столовой посуды с хорошо залощенной, заполированной поверхностью и примесью мелкого песка в глине.

При несомненном своеобразии усатовской керамики она, как мы считаем, тесно связана с керамическим комплексом трипольской культуры вообще и ее позднего этапа в частности. В первую очередь, это относится к расписной столовой посуде из отмученной глины, являющейся неотъемлемым признаком Триполья. Правда, в керамическом комплексе памятников усатовского типа ее гораздо меньше сравнительно с посудой кухонной, однако это относится ко всем локальным вариантам позднего Триполья. Орнаментальные мотивы усатовской расписной посуды имеют много общего с орнаментом расписной керамики всех позднетрипольских поселений (в особенности памятников Среднего Поднепровья). Как отмечала Т. С. Пассек¹⁸, некоторые сюжеты позднетрипольской росписи

¹⁸ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 164.

появились в результате распада спирали — орнаментального мотива, присущего расписной керамике развитого этапа трипольской культуры.

Некоторые виды орнамента связывают также и кухонную усатовскую керамику с аналогичной посудой предшествующих этапов Триполья. На последней часто встречается штамповый узор (наколы и оттиски палочки), пальцевые защипы, зооморфные наlepные изображения. Достаточно был распространен в трипольской культуре этапов В/І—В/ІІ «жемчужный» орнамент¹⁹. Кухонные сосуды украшали им под краем венчика; изнутри негативы «жемчужин» замазывали глиной.

Показателен и тот факт, что на дне сосудов кухонной группы часто встречаются отпечатки ткани или циновки — черта, свойственная керамике трипольской культуры разных этапов развития и особенно — позднего этапа²⁰. Отпечатки циновки обычны и для посуды многих энеолитических земледельческих культур Подунавья и Балканского п-ова (Гумельница и др.); восточные соседи усатовских племен ткань или циновку при формовке сосудов не применяли.

Анализируя усатовскую столовую и кухонную посуду с точки зрения ее форм (типов), мы и здесь наблюдаем определенное сходство с керамикой синхронных и более ранних памятников Триполья.

С основной формой кухонного горшка трипольских этапов В/ІІ—С/І (широкое горло, высокая шейка с чуть отогнутым краем, хорошо выраженные плечики, конически сужающееся ко дну тулово²¹), очевидно, можно связать усатовские кухонные горшки подтипа А; заметно также сходство горшков подтипа В с трипольскими сосудами предшествующих этапов²². Характерны для всех этапов Триполья и большие сосуды-хранилища (формы их разнообразны). Усатовские «зерновики», по-видимому, весьма схожи с корчагами позднетрипольских памятников Волыни²³. В целом усатовские кухонные горшки отличаются от аналогичной посуды синхронных позднетрипольских памятников Лесостепи, представленной по сути единственной формой (горшок с широким горлом, слабо выраженной шейкой, покатыми плечиками и округлым туловом, плавно сужающимся ко дну²⁴). Горшки же из отмученной глины, описанные выше, обычны для позднего Триполья всех территорий.

В изобилии встречаются на всех позднетрипольских памятниках полусферические чаши, аналогичные вышеописанным. Доказательством их генетической связи с посудой предшествующих периодов развития Триполья служит следующий типологический ряд: чаши с коническими стен-

¹⁹ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века.— СА, № 2, 1961, стр. 198—199; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., рис. 31, 1—5.

²⁰ М. Новицкая. До питання про текстиль трипольської культури.— Археологія, т. II, К., 1948, стр. 44—60; М. А. Новицкая. Узорные ткани трипольской культуры.— КСИА, вып. 10, К., 1960, стр. 33—35; Т. Г. Мовша. Новое позднетрипольское поселение Цивковцы в Среднем Поднестровье.— СА, 1, 1964, стр. 131—145.

²¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 143, рис. 76, 4, 5.

²² Т. Разсек. La céramique tripolienne..., табл. XIV, 7, XV, 11.

²³ М. М. Шмаглей. Указ. соч., стр. 24, рис. 1.

²⁴ Там же, стр. 24—26, табл. I, 10—15; Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 20, рис. 2, 8, 11, 15; В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Червонохутірський могильник..., стр. 96, табл. I, 1, 3, 4.

ками (развитое Триполье, начало позднего); чаши со слегка загнутым внутрь краем (появляются в начале позднего этапа²⁵); чаши с плавно закругленными боками и сильно загнутым внутрь краем.

Уже в раннетрипольское время появляются цедилки в виде глубоких мисочек или воронок²⁶; реже встречаются они на более поздних поселениях²⁷. На этапе С/II—γ/II они известны лишь в памятниках усатовского типа, приобретая здесь, как уже говорилось, форму бутылок. Вообще цедилки весьма характерны для земледельческих культур эпохи энеолита (Гумельница, Селкуца и др.)²⁸ и почти неизвестны к востоку от трипольского ареала.

На развитом этапе появляются в трипольской культуре амфоры, и на поселениях этапа С/І мы уже видим некоторые формы, весьма близкие описанным выше (все они относятся к группе столовой расписной посуды)²⁹. На этапе С/II—γ/II «столовые» и «кухонные» амфоры разных типов получают широкое распространение в трипольских памятниках Волыни, Поднестровья, Киевщины и других районов³⁰.

В могильниках и на поселениях этого этапа в разных районах довольно часто встречаются кувшины из отмученной глины, аналогичные усатовским³¹; в более ранних трипольских памятниках они неизвестны.

Описанные выше кубки чужды памятникам позднего Триполья иных территорий. Некоторые из них (рис. 33, 10) в какой-то степени можно сопоставить с тонкостенными расписными кубками этапов В/II—С/І³².

Усатовские миски с резким перегибом профиля не известны ни в синхронных, ни в более ранних трипольских памятниках. Происхождение их связано с Подунавьем, о чем будет сказано ниже.

В целом усатовский керамический комплекс имеет наибольшее сходство с посудой Выхватинского могильника. Всего в Выхватинцах обнаружено 230 сосудов, преимущественно столовых расписных. Это полусферические чаши, амфорки с крышками, высокогорлые кувшины, округлотелые горшки,— то есть все формы, характерные для усатовской посуды³³. Роспись, выполненная темно-коричневой (черной) и красной красками, по своим мотивам также весьма сходна с орнаментом усатов-

²⁵ С. Nadaszek. La colonie industrielle..., табл. XXXIII, 314.

²⁶ Е. К. Черныш. Раньотрипольське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. К., 1959, стр. 78, табл. XII, 16, 17; В. И. Маркевич. Многослойное поселение Новые Русьты I.—КСИА, вып. 123. М., 1961, стр. 60, рис. 13, 14.

²⁷ М. Л. Макаревич. Археологічні досліді в с. Білий Камінь.—Трипольська культура. К., 1940, стр. 458, рис. 6.

²⁸ D. Berciu. Contributii..., рис. 91, 1; 212, 4.

²⁹ С. Nadaszek. Указ. соч., табл. XVII, 145—151; Н. Schmidt. Cucuteni, табл. 12.

³⁰ М. М. Шмаглей. Указ. соч., табл. I, 6; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., рис. 45, 5; 47, 5; Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник, табл. III, 2, 5.

³¹ М. М. Шмаглей. Указ. соч., табл. III, 5; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., рис. 40, 7.

³² Е. К. Черныш. Вновь открытое трипольское погребение у Незвиско на Днестре.—МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 79, рис. 3, 1, 2.

³³ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 146—182, рис. 39—41; там же, рис. 40, 41.

ской столовой посуды; разница заключается в более широком применении красной краски, более пышном, изысканном стиле росписи (особенно это касается узора на чашах, найденных в могильнике).

Среди кухонной посуды (более 100 экз.) довольно часто встречаются сосуды с подлощенной поверхностью, на доньшках некоторых из них есть отпечатки циновки; в значительном количестве представлены амфоры. Еще преобладают типичные для Среднего Днестра и Волыни горшки с широким горлом и слабо выраженными плечиками, украшенные у основания шейки тремя-четырьмя коническими выступами-бугорками, но здесь эти выступы уже невелики и напоминают маленькие округлые выпуклины. На одном из сосудов имеется орнамент в виде «жемчужин». Наконец, более 20% кухонной керамики украшено шнуром, причем мотивы шнуровой орнаментации достаточно разнообразны. Это группы вертикальных оттисков шнура, «серпикки», характерные для усатовского орнамента и размещенные в тех же композициях, горизонтальные отпечатки шнура, опоясывающие сосуд у основания шейки³⁴. Часто шнуровой орнамент сочетается с оттисками штампа.

Таким образом, в керамике Выхватинского могильника, расположенного на коренной трипольской территории и, несомненно, связанного генетически с трипольскими памятниками предшествующих этапов, хорошо заметны многие черты, присущие посуде памятников усатовского типа.

Некоторые черты усатовского керамического комплекса могут быть объяснены лишь как результат внешних влияний. Прежде всего это относится к кухонной посуде. Кухонная керамика с примесью ракушки, привнесенная в трипольскую среду на этапе В/1 племенами среднестоговской культуры³⁵, до конца этапа С/1 была, как уже отмечалось, повсеместно представлена широкогорлым горшком с высокой шейкой и хорошо выраженными плечиками. Поверхность сосуда (как правило, желтоватая, светло-коричневая, розоватая) покрыта небрежной штриховкой; шейка украшена вертикальным полосчатым сглаживанием.

На этапе С/II—γ/II меняются и становятся более разнообразными формы кухонных сосудов, исчезает полосчатое сглаживание, но по-прежнему остается небрежно обработанной поверхность; цвет ее преимущественно коричневатый, серый. И лишь для памятников усатовского типа (и в какой-то степени для Выхватинцев) обычна посуда с темной подлощенной поверхностью. Керамику, близкую ей по технологическим признакам, находим в разновременных энеолитических поселениях и могильниках к востоку от территории, занятой памятниками усатовского типа.

Уже на самых ранних памятниках майкопской культуры обнаружена тонкостенная посуда с подлощенной поверхностью, но без примеси ракушки³⁶ (в более поздних дольменах станицы Новосвободной уже пре-

³⁴ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 146—182, рис. 46, 5; 47, 1, 2, 5.

³⁵ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века, стр. 186—189.

³⁶ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. — Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, стр. 88.

обладают плоскодонные горшки с обильной примесью толченой ракушки и хорошо заглаженной поверхностью) ³⁷.

Округлотелые сосуды с примесью ракушки в тесте и залощенной темноватой поверхностью выявлены в энеолитическом (доямном) слое поселения Ливенцовка в низовьях Дона ³⁸.

Весьма близка усатовской керамика нижнего слоя известного Михайловского поселения. Это сосуды из глины с примесью крупнотолченой ракушки (реже встречаются иные примеси); темно-коричневая их поверхность в большинстве случаев заглажена, подлощена. Вся посуда плоскодонная. Орнамент (зубчатый штамп, наколы, реже — оттиски шнура и незамазанные изнутри «жемчужины») размещен в верхней части — под краем венчика и у шейки ³⁹. Часто шейка и тулово украшены вертикальными и горизонтальными расчесами, столь характерными для кухонной трипольской посуды этапов V/II—C/I; большая часть керамики не орнаментирована. Выделяются сосуды следующих форм: горшки с прямой высокой (иногда до 10 см) шейкой и расширяющимся в средней части туловом, миски со слегка наклонным внутрь краем, округлотелые амфоры. Последние ⁴⁰ весьма напоминают, с одной стороны, округлотелые сосуды с высокой шейкой, найденные во многих памятниках майкопской культуры ⁴¹, с другой — шаровидные амфоры памятников усатовского типа. На некоторое сходство керамики нижнего слоя Михайловки с посудой кавказских культур и памятников усатовского типа уже указывали исследователи Михайловского поселения ⁴².

Плоскодонный, хорошо подлощенный сосуд с примесью ракушки в тесте обнаружен в грунтовом могильнике у с. Осокоровка на Нижнем Днепре ⁴³. К описываемой группе керамики исследователи справедливо относят сосуды из курганов у сел Михайловка и Грушевка в степном Приднепровье ⁴⁴.

Определенное сходство с керамикой упоминавшихся выше памятников имеет посуда энеолитической кемпи-обинской культуры в Крыму, представленная плоскодонными, реже округлодонными горшками с выпуклым туловом и высокой шейкой; глубокими чашами с чуть закругленными боками; амфорами (приземистыми и вытянутых пропорций) с двумя раздвоенными ручками и т. д. Керамика эта обычно тонкостенная, с хорошо залощенной поверхностью. В тесто часто добавлялась толченая

³⁷ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной, стр. 18—24.

³⁸ С. Н. Братченко. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону.— Археологія, т. XXII, К., 1969, стр. 212, рис. 2, 1—6; рис. 3, 1—10.

³⁹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 22—38.

⁴⁰ Там же, стр. 28, рис. 10.

⁴¹ Р. М. Мунчаев, В. И. Сараниди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1965 году.— КСИА, вып. 106. М., 1966, стр. 80, рис. 32, 4.

⁴² О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 7, 36, 202.

⁴³ В. Д. Рыбалова. Могильник эпохи бронзы в Осокорівці.— АП, т. IX, К., 1960, стр. 7, рис. 6, 3.

⁴⁴ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 34—36.

ракушка или известняк. Орнамент на сосудах, как правило, отсутствует⁴⁵. Подобная посуда найдена и в верхнем слое Михайловки⁴⁶.

Керамические комплексы упоминавшихся выше энеолитических культур при несомненной своей индивидуальности и выразительности имеют общую черту (наличие плоскодонной посуды с хорошо заглаженной поверхностью и примесью ракушки в тесте), сближающую их между собой и с керамикой усатовского типа. В этом отношении достаточно показателен, например, тот факт, что упоминавшийся сосуд из кургана у с. Михайловки отнесен Е. Ф. Лагодовской к усатовской керамике⁴⁷, Т. Б. Попова сравнивает его с керамикой майкопской культуры⁴⁸, а исследователи Михайловского поселения — с посудой нижнего слоя Михайловки⁴⁹.

Специфической чертой усатовской керамики является широкое применение шнура в орнаментации сосудов, что также должно быть объяснено внешними влияниями.

Шнуровой орнамент в виде «гусеничек» появляется на кухонных трипольских сосудах еще на этапе В/І под влиянием среднестоговской культуры⁵⁰. На этапах В/ІІ—С/І наряду с «гусеничкой» встречаются оттиски простого шнура. Количество керамики, украшенной шнуровым орнаментом, по-прежнему крайне незначительно. Именно поэтому нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что расцвет шнуровой орнаментации на этапе С/ІІ—γ/ІІ — это продолжение традиций предшествующего периода, а не результат внешнего импульса⁵¹.

Важный и очень сложный вопрос о причинах и источниках распространения шнурового орнамента в период позднего Триполья нельзя решить на материале одних только памятников усатовского типа, хотя керамика их и выглядит наиболее «шнуровой»⁵². Необходим тщательный анализ керамики каждого поздне трипольского локального варианта. Пока представляется вероятным, что трипольцы Нижнего Поднестровья заимствовали обычай орнаментировать посуду при помощи шнура у своих восточных соседей — племен ямной культуры или их предшественников, оставивших поздние памятники среднестоговской культуры.

⁴⁵ А. А. Щепнякский. Культуры энеолита и бронзы в Крыму.—СА, № 2, 1966, стр. 14—19, рис. 7, 9—10, 18—20; его же. О неолите и энеолите Крыма.—СА, 1968, № 1, стр. 121—133; А. М. Лесков. Работы Керченской экспедиции ИА АН УССР.—АИУ, вып. 1. К., 1967, стр. 32.

⁴⁶ О. Г. Шапошникова. Об одной группе керамики из верхнего слоя Михайловского поселения.—СА, 1970, № 4, стр. 180—183.

⁴⁷ О. Ф. Лагодовська. Памятки усатовського типу, стр. 107.

⁴⁸ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры.—Труды ГИМ, вып. XXIV. М., 1955, стр. 116.

⁴⁹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 36.

⁵⁰ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры..., стр. 193—196.

⁵¹ М. М. Шамагій. Указ. соч., стр. 34—35.

⁵² В свое время Г. Розенберг даже высказал мысль о том, что Усатовское поселение является исходным пунктом, откуда шнуровая керамика распространялась по всей Европе, см. G. Rosenberg. Kulturströmungen in Europa zur Steinzeit, Kopenhagen, 1931, стр. 41—42.

Влияние керамики ямной культуры⁵³ отражается в мотивах шнурового орнамента многих усатовских кухонных сосудов (заштрихованные треугольники, косая сетка, покрывающая высокую шейку сосуда). В целом же шнуровой орнамент усатовской посуды самобытен по стилю.

И, наконец, следует указать на те черты усатовского керамического комплекса, появление которых можно объяснить лишь влиянием со стороны синхронных культур более западных территорий. Имеется в виду наличие на поселениях усатовского типа группы столовой керамики с заполированной поверхностью. Подобная посуда широко распространена в нео-энеолитических культурах Балканского п-ова и Нижнего Подунавья (культуры Боян, Гумельница, Караново)⁵⁴, доживая до эпохи бронзы. Древние гончары, жившие в эпоху энеолита на территории Подунавья, часто украшали свою посуду врезным и штамповым орнаментом, затертым белой пастой. На ряде фрагментов сосудов с поселений Маяки и Усатово также прослеживается пастовое заполнение орнамента; белой пастой инкрустированы большой биконический сосуд из Тудоровского кургана и некоторые антропоморфные статуэтки из Маяков. Несомненно, западным импортом на Усатовском поселении является венчик сосуда с пролощенным орнаментом, характерным для культуры Гумельница.

Влияние племен Подунавья проявляется также и в появлении на территории Северо-Западного Причерноморья некоторых новых форм сосудов, и в первую очередь широко открытой миски с резким перегибом профиля, типичной для культур Гумельница, Селкуца, Чернавода⁵⁵. С этими же территориями связаны небольшие, прямоугольные в плане сосудики, обнаруженные в Усатовском грунтовом могильнике и в Маяках. Для посуды таких культур, как Чернавода⁵⁶, Езеро-Михалич⁵⁷ и другие, характерны узкие удлиненные ручки с горизонтальным отверстием, иногда расчлененные каннелюрами и расположенные под венчиком сосудов. Совершенно аналогичная ручка найдена на Маяцком поселении. Очевидно, в Северное Причерноморье попадала керамика, изготовленная непосредственно в Подунавье, но было налажено и местное производство подобной посуды, уже в какой-то степени отличающейся от привозных образцов. Этим объясняется наличие значительной группы мисок западной формы, но изготовленных из глины с примесью ракушки и украшенных типичным местным орнаментом.

⁵³ О. В. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 84—85, табл. VI, 1, 5; табл. X, 8; XIV, 4, 5, 10; О. Г. Шапошникова. Поселение раннебронзового времени у с. Волошского.—КСИИМК, вып. 67. М., 1957, стр. 95, рис. 40, 1, 2, 7.

⁵⁴ D. Berciu. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1961, стр. 249—328, 384—407, 429—472; G. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein- und Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien).—L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961, стр. 45—95, табл. I—XXXII.

⁵⁵ D. Berciu. Указ. соч., рис. 135, 1; 205; S. Morintz, P. Roman. Aspekte des Ausgangs des Neolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau.—Dacia, XII. Bucarest, 1968, стр. 95, рис. 38, 1, 3.

⁵⁶ S. Morintz, P. Roman. Указ. соч., стр. 94, рис. 37, 8, 11.

⁵⁷ Г. И. Георгиев, Н. Я. Мерперт. Раскопки многослойного поселения у с. Езеро близ г. Новая Загора в 1963 г.—ИБАИ, т. XXVIII. София, 1965, стр. 147, рис. 18; G. Georgiev. Указ. соч., табл. XXIX, 5, 6.

Антропоморфные глиняные статуэтки присущи всем категориям памятников усатовского типа. Сейчас коллекция их включает около 70 экземпляров (16 найдены в могильниках, остальные — на поселениях), из которых полностью сохранилось около 20.

Почти все статуэтки изготовлены из хорошо промытой глины с примесью ракушки, истолченной в порошок, или мелкого песка. Поверхность их (светло-коричневого, коричневатого, серого, черного цветов) хорошо заглажена, часто тщательно залощена. Лишь несколько статуэток сделаны из необожженной глины. На поселении Усатово—Большой Куяльник обнаружена часть антропоморфной «реалистической» статуэтки из отмученной глины розоватого цвета.

В типологическом отношении усатовские статуэтки делятся на несколько групп:

а) абсолютное большинство всех статуэток (более 50) составляют крайне стилизованные фигурки, нижняя часть которых представляет собой кубический постамент (иногда несколько вытянутых пропорций, реже — чуть приземистый). Из него как бы вырастает наклоненная вперед длинная шея статуэтки, заканчивающаяся плоской или чуть выпуклой (в виде шляпки гриба) головкой. Высота статуэток колеблется в пределах 3,5—6,5 см. Верхняя часть статуэтки обычно овальная в сечении, и лишь в нескольких случаях она уплощена, образуя тонкие и широкие плечи фигурки. Кубический постамент, передающий туловище статуэтки, обычно не моделирован; лишь на нескольких экземплярах при помощи защипов со стороны спины подчеркнуты бедра (рис. 38, 1—5; 39). В одном случае налепные округлые бугорки передают женскую грудь, что позволяет рассматривать эти схематические статуэтки как изображение именно женских фигур (рис. 38, 2). Грудь обозначена также на всех статуэтках этого типа, найденных на поселениях Фолтешти (рис. 6, 14) и Стойкани (рис. 38, 5) и слегка отличающихся от статуэток поселений Большой Куяльник и Маяки (первые имеют уплощенное и более вытянутое туловище).

На нескольких статуэтках описываемого типа подчеркнуты детали лица: сразу же под плоским срезом головки находятся два неглубоких накола (глаза) и небольшие дуговидные углубления (уши).

Почти все статуэтки богато орнаментированы. Верхняя часть их (шея) украшена опоясывающими параллельными врезными линиями (от трех до восьми); спереди концы их разомкнуты, сзади от нижней линии иногда идут вниз две—четыре короткие полоски. Нижняя часть (постамент) с лицевой стороны обычно украшена врезными параллельными линиями, идущими вертикально вдоль ее граней. Иногда эти линии образованы наколами, дуговидными оттисками, отпечатками прямого штампа, выполненными в скорописной манере. Изредка этот узор заполняет всю лицевую часть постамента. Свободное пространство между вертикальными линиями часто заполнено изображениями в виде буквы М, одиночными или составленными в вертикальные колонки (узор — обычный для статуэток из с. Усатово и реже встречающийся на осталь-

Рис. 38. Глиняная антропоморфная пластика

1, 2, 6—10, 15 — Усатово — Большой Куяльник; 3, 11, 14 — Маяки; 4 — Усатово, II — грунтовой могильник; 5 — поселение Стойкани; 12, 13 — Красногорка, курган 204.

Рис. 39. Глиняная антропоморфная пластика и другие культовые предметы. 1 — Усатово, II грунтовой могильник; 2—6, 8, 9 — Маяки; 7 — Усатово — Большой Куяльник.

ных). Сзади постамент статуэток украшен так же, как и его лицевая часть; боковые грани вовсе не орнаментированы или украшены одной-двумя вертикальными полосками. Статуэтка из Стойкан (рис. 38, 5) украшена спереди и сзади шнуровым орнаментом.

В отличие от статуэток из комплексов с. Усатово, украшенных однообразно и симметрично, статуэтки, найденные на Маяцком поселении, орнаментированы более разнообразно и не так строго. Передняя часть постамента здесь, как правило, украшена иным узором, нежели тыльная. Характерны разнообразные знаки на статуэтках Маяков: крест с загнутыми книзу верхними концами, цепочка ромбов, соприкасающихся вершинами (от углов ромбов вниз отходят небольшие крючки), и др. (рис. 39, 2—6, 8).

В Маяках найдена небольшая (высота 3,5 см) целая статуэтка с хорошо различимыми чертами лица (глаза, нос, уши, обозначенные точечными вдавлениями) и профилированной фигурой (шипком обозначены бедра), украшенная точечным орнаментом; шею ее опоясывает линия со свисающими на грудь концами, на спине, бедрах и по периметру постамента идут зигзаги (рис. 38, 3). Фигурка изображает женщину в нарядном, возможно, расшитом платье, с ожерельем на шее. По-видимому, узор многих других статуэток также изображает детали одежды и ее украшение.

Со статуэтками описываемого типа несомненно связаны глиняные поделки, называемые в литературе кубиками (хотя часто их стороны имеют разные размеры). О связи этой говорят сама форма кубиков, весьма напоминающих постаменты статуэток, их технологические признаки, размеры⁵⁸ (рис. 39, 7, 9; 40, 1—5). Орнаментированы всегда лишь две смежные грани кубика, причем орнамент нанесен штампом (острый или плоский конец палочки, поставленной под углом) в скорописной манере. Это чаще всего три-четыре параллельных полоски (вертикальные на одной грани, горизонтальные — на другой), крест. Редко встречаются врезные изображения в виде буквы М. Несколько кубиков не орнаментированы вовсе. Пока кубики найдены только на поселениях; их положение зафиксировать не удалось. Можно лишь предположить, что изделия эти служили подставками для статуэток и стояли вместе с ними в жилищах или специальных культовых местах;

б) наименьшей по количеству является группа «реалистических» статуэток, найденных на поселении Усатово—Большой Куяльник. Сохранились лишь обломки трех таких статуэток, передающие верхнюю часть женской фигуры (рис. 38, 7, 8, 10). Плечи и руки показаны выступами, окаймленными сквозными круглыми отверстиями. Спина и торс уплощены, грудь обозначена двумя округлыми бугорками. Шея высокая, прямая, овальная в сечении. Подобные статуэтки в большом количестве встречаются на многих памятниках позднего Триполья всех районов и это обстоятельство помогает реконструировать недостающие части фигу-

⁵⁸ Среди этих предметов, как правило небольших (длина грани 2—3 см), выделяется своими размерами кубик, найденный в Маяках: его высота 7 см (рис. 39, 9; 40, 5).

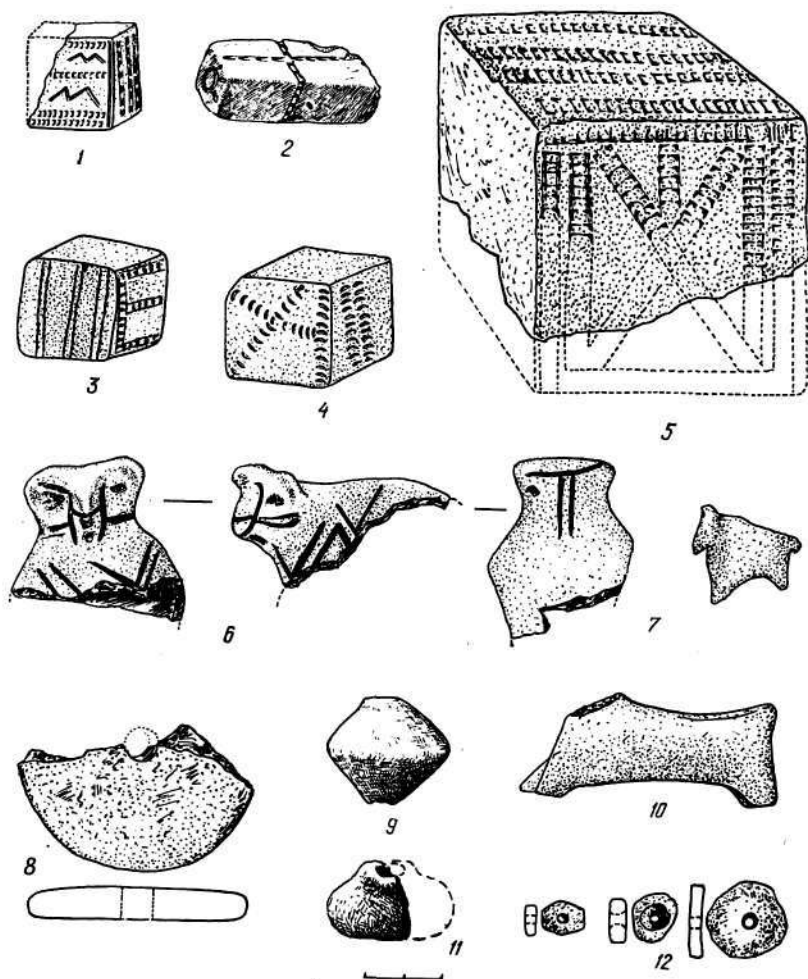

Рис. 40. Культовые и бытовые изделия из глины.
1—4, 6—12—Усатово—Большой Куяльник; 5—Маяки.

рок. Голова их, по-видимому, была круглой, уплощенной, причем детали лица переданы довольно схематично (нос вылеплен щипком, глаза — сквозные отверстия). Ноги обычно сомкнуты и разделены неглубокой врезной линией, носки оттянуты (обломок сомкнутых ног статуэтки найден на поселении Усатово—Большой Куяльник) (рис. 38, 9). Высота статуэтки могла достигать 12—15 см;

в) к третьей группе относятся статуэтки, занимающие промежуточное положение между изделиями двух первых типов, сочетая в себе их признаки. Так, на поселении Маяки найден обломок статуэтки с плоским, слегка изогнутым торсом, хорошо выраженными округлыми плечами и уплощенной, овальной в сечении шей, вытянутой вперед (рис. 38, 14).

Также плохо сохранилась еще одна статуэтка, найденная в Маяках. Судя по небольшому изгибу сохранившейся части тулова, верхняя ее половина (овальная в сечении) была наклонена вперед, бедра плавно округлены, ноги, по-видимому, вытянуты и переданы слитно. Фигурка ornamentирована двойными углубленными линиями, опоясывающими ее торс крест-накрест. Ноги и верхняя часть тулова были украшены замкнутыми параллельными линиями (рис. 38, 11). Углубленный орнамент заполнен белой пастой. Несколько обломков близких по форме статуэток найдено и на поселении Усатово—Большой Куяльник (рис. 38, 6, 15).

Уникальны две статуэтки, найденные при детском погребении в кургане № 204 у с. Красногорка. Верхняя часть тулова этих статуэток уплощена, спина слегка согнута, шея наклонена вперед (голова у обеих статуэток обломана). Плечи переданы закругленными выступами, грудь обозначена бугорками. Ноги переданы слитно в виде узкого выступа; можно полагать, что статуэтки изображают сидящую женщину с согнутыми в коленях и подтянутыми к животу ногами. На груди и ногах одной из статуэток заметен орнамент в виде мелких наколов. Длина одной статуэтки 15,5 см, второй — 8 см (рис. 38, 12, 13). По мнению М. Ф. Болтенко, фигурки из Красногорки являются прототипом статуэток с кубическим постаментом⁵⁹.

Усатовская антропоморфная пластика (имеются в виду статуэтки группы А) оригинальна и не имеет аналогий в неолитических культурах Юго-Восточной Европы. Для лесостепных позднетрипольских памятников, как уже отмечалось, характерны статуэтки группы Б, более или менее реалистические передающие женскую фигуру. Правда, и в этих памятниках изредка встречаются крайне схематичные фигурки⁶⁰, но характер их совершенно иной.

Своеобразна пластика западных соседей усатовских племен (культура Чернавода), имеющая заметные средиземноморские черты. Это безголовые статуэтки с отверстием в верхней части, изображающие сидящую женщину⁶¹.

Заметно отличаются от усатовских немногочисленные статуэтки среднестоговской культуры⁶². Это же относится и к хорошо представленной пластике майкопской культуры⁶³. Многие восточные соседи усатовцев вообще не знали антропоморфной пластики (ямная и кеми-обинская культуры, памятники типа нижнего слоя Михайловки).

Таким образом, мы не можем считать, что на усатовской пластике отразились внешние влияния. По-видимому, специфический тип крайне стилизованной статуэтки, преобладающий в усатовских памятниках,

⁵⁹ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника, стр. 28.

⁶⁰ Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печоры, стр. 196, рис. 23, б, ба; В. О. Круц. Новый могильник софіївського типу біля с. Завалівка на Дніпрі.— Археологія, т. XXI. К., 1968, стр. 129, рис. 17.

⁶¹ D. Verciu. Quelques données préliminaires concernant la civilisation de Cernavoda.— Slovenská archeológia, XII—1, 1964, стр. 269; 276, рис. 7.

⁶² Д. Я. Телегін. Основні риси та хронологія середньостоговської культури.— Археологія, т. XXIII. К., 1970, стр. 8, рис. 6.

⁶³ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 128—132; А. П. Руніч. Энеолитическое поселение близ Кисловодска.— СА, 1967, № 1, стр. 231, рис. 4, 1—3.

сложился именно в Нижнем Поднестровье и Причерноморье⁶⁴. Отдельные экземпляры этих статуэток встречаются и на других памятниках. Так, на позднетрипольском поселении Мигулены (р. Черная) найдена верхняя часть стилизованной усатовской статуэтки⁶⁵. При раскопках Выхватинского могильника наряду с 11 реалистическими статуэтками обнаружены три статуэтки усатовского типа, причем в детском погребении № 42 найдены вместе две реалистические и одна стилизованная статуэтки⁶⁶.

Наличие на поселениях Усатово—Большой Куяльник, Маяки, Фолтешти, а также в курганах (№ 204 у с. Красногорка) статуэток, в которых сочетаются реалистические и схематические черты, позволяет предположить, что специфический тип усатовской статуэтки с кубическим постаментом складывался постепенно на основе обычных более или менее реалистических позднетрипольских женских глиняных изображений.

Весьма немногочисленны, но вполне обычны для трипольской культуры глиняные изображения животных.

На поселении Усатово—Большой Куяльник найдено несколько глиняных зооморфных статуэток, по-видимому, изображающих бычков (рис. 40, 7, 10). На одной из них, полностью сохранившейся, но очень схематичной, угадываются рога, мощная грудь и холка⁶⁷. Весьма интересна сохранившаяся часть тонкостенного сосуда из отмученной глины, смоделированного в виде туловища и головы бычка (последняя сохранилась полностью)⁶⁸. Морда бычка покрыта росписью в виде узких полосок, нанесенных коричневой краской. Расположение полосок говорит о том, что рисунок, очевидно, изображает упряжь (рис. 40, 6).

Глиняные бытовые изделия представлены в основном пряслицами и бусами.

Пряслица найдены при раскопках поселений и могильников усатовского типа. Встречены биконические и конические пряслица из глины с примесью ракушки, а также плоские, сделанные из обломков стенок кухонных сосудов. В диаметре последние достигают 6 см (рис. 40, 8, 9, 11).

На поселении Усатово—Большой Куяльник найдены глиняные бусы, изготовленные из обломков кухонной, а также столовой расписной посуды. Изредка бусы находят и в курганах. Это плоские кружочки диаметром от 1 до 2 см или многогранники (рис. 40, 12). В центре бусины — небольшое сквозное отверстие для подвешивания. Подобные бусы широко известны на многих энеолитических поселениях, в первую очередь поселениях трипольской культуры⁶⁹.

⁶⁴ Очевидно, под влиянием усатовской пластики возникли и специфические статуэтки побужских памятников, о чем будет сказано ниже.

⁶⁵ Разведки В. И. Маркевича. Материал хранится в археологическом музее Института истории АН МССР.

⁶⁶ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 171.

⁶⁷ Э. Ф. Патокова. Изображения животных на памятниках Большого Куяльника — Усатова. — МАСП, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 34, табл. I, 2.

⁶⁸ Хранится в фондах ОГАМ, № 11445.

⁶⁹ С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская, стр. 200.

ХОЗЯЙСТВО. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ИДЕОЛОГИИ

Поскольку хозяйство усатовских племен находилось в тесной связи с природными условиями, остановимся кратко на характеристике занимаемой ими территории.

В физико-географическом отношении Северо-Западное Причерноморье является частью Причерноморской низменности, простирающейся широкой полосой вдоль побережья Азовского и Черного морей¹. Это волнистая степная равнина, пересеченная балками, оврагами, речными долинами. Руслу большинства рек наполняются водою лишь весной и во время больших ливней; летом они пересыхают. Часто речные долины вблизи моря заканчиваются лиманами — солеными или гораздо реже пресными. Описываемый район характеризуется умеренно-теплым и засушливым климатом, для которого типичны непродолжительная мягкая зима и жаркое лето с малым количеством осадков, частыми суховеями и засухами. Большое влияние на климат оказывает море, особенно зимой, когда воздух на его побережье значительно теплее, чем в глубинных районах.

Почвенный покров Причерноморской низменности неоднороден: для северных ее окраин характерны черноземы, для районов, примыкающих к морю, — темно-каштановые и солонцевые почвы. В связи с этим меняется растительность: для северных районов характерна разнотравная типчаково-ковыльная степь, для южных — типчаково-полынная и полынно-злаковая (типчак является хорошим подножным кормом для лошадей и овец). В наши дни в связи с интенсивной распашкой степей их естественная растительность сохранилась лишь на отдельных небольших участках. В поймах и дельтах больших рек распространены густые заросли — плавни; по склонам речных долин и в поймах сохранились небольшие леса (вяз, тополь, верба, ясень, берест). В древности лесной покров здесь был более густым.

По мнению многих специалистов, климатические условия Северного Причерноморья в течение тысячелетий оставались неизменными², поэтому сейчас нетрудно представить ту природную среду, в которой находились энеолитические обитатели причерноморских степей. Несомненно, среда эта была наиболее благоприятна для развития скотоводческого хозяйства.

Объективным свидетельством, указывающим на важную роль скотоводства в хозяйстве усатовских племен, является большой остеологи-

¹ Г. П. Федорченко. Причерноморская низменность. Одесса, 1965.

² И. Г. Пидопличко, П. С. Макеев. О климатах и ландшафтах прошлого. К., 1959, стр. 62; И. С. Бучинский. О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957, стр. 18.

Таблица 1. Фауна поселения Маяки (домашние животные)

Виды животных	Маяки				Усатово			
	по количеству костей		по числу особей		по количеству костей		по числу особей	
		%		%		%		%
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	1501	12,7	91	18,2	2218	27,4	228	32,2
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis aries</i> , <i>Capra hircus</i>)	8985	76,2	340	68	4731	58,4	334	47,2
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	1304	11,1	69	13,8	1112	13,7	127	17,9
Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>)	—	—	—	—	38	0,5	19	2,7
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	159	—	40	—	11	—	7	—
Всего	11949		540		8110		715	

ческий материал, обнаруженный на поселениях Маяки и Усатово (всего около 20 000 костей от 1250 особей). О соотношениях различных видов домашних животных говорит приводимая ниже табл. № 1³.

Первое место занимал мелкий рогатый скот, причем овца явно преобладала. Овцы хорошо приспособлены к условиям засушливых степей, способны переходить на значительное расстояние и неприхотливы. Этим объясняется их роль в стаде усатовских племен. Кости овец, находимые на поселениях, обычно разбиты на мелкие куски, расколоты, следовательно, мясо овец шло в пищу, но живой вес их невелик, поэтому овцы главным образом разводились для получения шерсти. Не меньшее значение имел крупный рогатый скот, дающий основное количество мяса и молока и применявшийся в качестве тягловой силы. По количеству костей и особей он занимает второе место после овцы. С мнением Е. Ю. Кричевского, считавшего древних обитателей Усатовского поселения «конными овцеводами»⁴, вряд ли можно согласиться. Очевидно, правы те исследователи, которые рассматривают усатовское скотоводство как многоотраслевое, «комбинированное», основанное не только на одном лишь разведении овец⁵. Как считают специалисты, усатовский бык напоминает современную серую степную породу крупного рогатого скота, по своим морфологическим признакам и размерам немногим отличаясь от тура⁶.

³ Таблица составлена кандидатом биологических наук В. И. Бибиковой, определившей фауну Маяцкого поселения.

⁴ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры, стр. 250.

⁵ І. Г. Підоплічко. До питання про свійські тварини трипільських поселень.— Наукові записки Інституту історії матеріальної культури, кн. 2. К., 1937, стр. 113.

⁶ Там же.

Третье место в стаде усатовских племен занимал конь. По морфологическим признакам кости дикого коня очень трудно отличить от костей домашнего, однако, по мнению палеозоологов, в усатовское время конь уже был одомашнен⁷. Важным доводом в пользу этой точки зрения Е. Ф. Лагодовская считает находки костей коня в центральных погребениях курганов I—3 и I—9 с. Усатово⁸. Об этом же свидетельствуют изображения коней на каменных плитах из Усатовских курганов и на сосуде из Тудорова. Хотя кости коня часто встречаются в раздробленном состоянии, разводили его главным образом для верховой езды.

И, наконец, обращает на себя внимание почти полное отсутствие свиньи в составе усатовского стада. В Маяках кости домашней свиньи не найдены вообще, а на поселении Усатово—Большой Куяльник свинья составляет лишь 2,7% всего стада (по количеству особей).

Итак, остеологические остатки в большом количестве найденные на поселениях Маяки и Большой Куяльник, говорят о преобладающей роли скотоводства в хозяйстве усатовских племен и указывают на состав стада, в котором основное значение имели мелкий и крупный рогатый скот, а также конь. Разведение свиней хозяйственного значения не имело⁹.

Весьма важен вопрос о формах ведения скотоводческого хозяйства усатовских племен, так как с ними связаны многие аспекты быта и истории этих племен. Значительные размеры стада, которое невозможно было прокормить в непосредственной близости от поселений, позволяют предположить наличие отгонного или пастушеского скотоводства, при котором стада угоняли далеко в степь и пасли здесь определенное время. Такое скотоводство возможно лишь при постоянной оседлости и подсобных занятиях земледелием¹⁰.

Весьма вероятной формой хозяйства усатовских племен представляется также полукочевое скотоводство, когда часть племени остается на постоянном поселении; остальная часть со своими стадами в течение долгого времени находится вдали от поселения, перегоняя скот с места на место для его прокорма. Возможно также полукочевое скотоводство, при котором все племя (или род) от ранней весны до поздней осени кочуют со стадами, возвращаясь к постоянным жилищам лишь на зимний период¹¹.

И в том и в другом случае целью скотоводов является сохранение пастбищ, находящихся в непосредственной близости от мест постоянной оседлости и используемых в зимнее время. Как показывают этнографические источники, именно такая форма хозяйства типична для большинства

⁷ В. І. Бібікова. До історії domestікації коня на південному сході Європи.— Археологія, т. XXII. К., 1969, стр. 55—67.

⁸ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура..., стр. 54.

⁹ Такую же картину, судя по сообщению авторов раскопок, дает фауна поселения Фолтешти, см. М. Petrescu-Dâmbovita, J. Casan, С. Mateescu. Указ. соч., стр. 254, 256.

¹⁰ С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках.— Материалы по этнографии, вып. 1. Л., 1961, стр. 3.

¹¹ Там же.

скотоводческих племен зоны евразийских степей, полупустынь и предгорий¹².

Наличие больших поселений с каменными постройками, культовыми объектами и многочисленными некрополями (Усатово—Большой Куяльник) говорит о несомненной оседлости их обитателей. Об этом же свидетельствуют поселения, обнесенные глубокими оборонительными рвами. Крупный рогатый скот, составляющий значительную часть стада усатовских племен, плохо приспособлен к длительным и постоянным передвижениям. Летом все стадо находилось на дальних выпасах; зимой кони и овцы, по-видимому, также были на подножном корму, а крупный рогатый скот, менее приспособленный к добыванию корма из-под снега, находился в стойлах. Мы считаем неверным мнение о том, что скотоводство усатовских племен становилось кочевым, то есть связанным с круглогодичными перекочевками без постоянной оседлости¹³. Кочевое экстенсивное скотоводство в степях Евразии становится ведущей формой хозяйства некоторых племен лишь в эпоху поздней бронзы — предкифское время¹⁴, хотя не исключено наличие его еще у племен ямной культуры в засушливых районах Нижнего Поволжья и Калмыкии¹⁵.

Доминирование скотоводства в экономике усатовских племен не исключало и развития земледелия; при постоянной оседлости обе эти отрасли хозяйства тесно связаны друг с другом. Кроме продуктов, необходимых человеку, земледелие давало часть кормов, потреблявшихся скотом во время стойлового периода. Косвенными доказательствами наличия земледелия у усатовских племен служат роговые мотыги, зернотерки, вкладыши для серпов, жатвенные пластины-ножи и другие сельскохозяйственные орудия¹⁶.

Не приходится сомневаться в том, что земледелие носило полевой, пашенный характер с использованием быка в качестве тягловой силы¹⁷. Однако тяжелые черноземные и каштановые почвы целинной степи вряд ли можно было поднять при помощи примитивных деревянных (роговых) сохи и рала. По-видимому, под пашню использовали участки земли, более или менее легко поддающиеся обработке — речные террасы, поймы и т. д. Вряд ли можно говорить в данном случае о высокой производительности земледельческого хозяйства, играющего второстепенную роль по отношению к скотоводству.

Охота в общественной экономике имела подсобное значение, так как основную часть употреблявшегося в пищу мяса давало стадо. Тем не менее на Маяцком поселении в значительном количестве встречены кости

¹² С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках.— Материалы по этнографии, вып. 1. Л., 1961, стр. 4—10.

¹³ П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА, № 53. М., 1960, стр. 152.

¹⁴ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 10.

¹⁵ В. П. Шилов. Походження кочового скотарства у Східній Європі.— «Український історичний журнал», 1970, № 7, стр. 18—25.

¹⁶ Г. Ф. Коробкова. Работы экспериментальной группы Молдавской археологической экспедиции.— АО за 1969. М., 1970, стр. 351.

¹⁷ С. Н. Бибииков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, № 1. М., 1965, стр. 52.

крупных диких животных, принадлежавших довольно большому числу особей (см. табл. 2, 3). Охотились в основном на тура и благородного оленя, причем охота велась, по-видимому, в долинах рек, вдоль которых тянулись леса, заходившие и в степь.

Большой научный интерес имеет открытие на Маяцком поселении значительного количества костей плейстоценового ослы — типичного обитателя сухих открытых пространств, который, как недавно считалось, вымер еще в эпоху мезолита. В последние годы его остеологические остатки найдены в некоторых неолитических памятниках Венгрии и Румынии. Сейчас можно предположить, что он дожил до эпохи энеолита и служил объектом охоты в степях Северо-Западного Причерноморья.

Несмотря на то, что в плавнях больших рек, по берегам пресных озер и лиманов в древности водилось много диких кабанов, жители уса-товских поселений на них почти совершенно не охотились, о чем говорят единичные находки костей этих животных.

Таблица 2. Фауна поселения Маяки (дикие животные)

Вид животных	Количество костей	Количество особей
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	36	6
Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i>)	198	31
Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i>)	14	7
Дикий осел (<i>Equus hydruntinus</i>)	117	20
Лев (<i>Felis leo</i>)	9	3
Рысь (<i>Lynx lynx</i>)	3	1
Степная кошка (<i>Felis oncatina</i>)	1	1
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	31	15
Корсак (<i>Vulpes corsak</i>)	2	1
Хорек (<i>Putorius Sp.</i>)	1	1
Мелкие куны (ласка или горноста́й) (<i>Mustella Sp.</i>)	1	1
Заяц (<i>Lepus Sp.</i>)	17	10
Птицы (дрофа, стрепет, серый журавль, орел-могильник, ястреб-стервятник, сарыч, гуси, утки, лысуха, грач)	33	18
Черепашка болотная	85	23
Всего:	548	138

Таблица 3. Соотношение домашних и диких животных на поселениях усаатовского типа

Животные	Маяки				Усаатово			
	по количеству костей		по числу особей		по количеству костей		по числу особей	
		%		%		%		%
Домашние	11949	96,5	540	84,8	8124	98,2	720	91,1
Дикие	430	3,5	97	15,2	151	1,8	70	8,9

Хищники представлены в основном волком и лисой. Охотились на них, по-видимому, при помощи собак. На Маяцком поселении встречены кости рыси (три особи) и степной кошки (одна особь).

Совершенно уникальной является находка на поселении Маяки костей льва (девять костей от трех особей), судя по которым жителями поселения были убиты самец, самка и молодой львенок. Из кости льва сделано орудие, употреблявшееся, возможно, для плетения сетей¹⁸. Кости льва не встречены пока ни на одном из нео-энеолитических поселений Юго-Восточной Европы, хотя имеются сообщения древних авторов (Геродот, Ксенофонт) о том, что еще в начале IV в. до н. э. львы водились в северных районах нынешней Греции. Находка в Маяках существенно дополняет список дикой фауны Северного Причерноморья в эпоху энеолита.

Таблица 4. Видовой состав и биологические показатели рыб в уловах жителей поселения Маяки

Вид рыб	Соотношение видов (в %)	Размеры (в см)	
		от—до	в среднем
Стерлядь	4,4	55—70	60,8
Осетр	6	50—95	71,3
Севрюга	0,4	—	—
Щука	0,2	—	—
Плотва	1,3	20—45	34,9
Вырезуб	4,6	—	—
Жерех	0,4	—	—
Сазан	3,1	50—80	61,8
Сом	65,7	40—270	108,1
Судак	13,9	40—85	57,1

Определенную роль в хозяйстве усатовских племен играло рыболовство. В Маяках, в частности, встречено огромное количество костей мелких и больших рыб, о видовом составе которых говорит приводимая ниже табл. № 4¹⁹.

Из табл. № 4 видно, что жители поселения главным образом вели промысел сома, судака, осетра. Лов проходил, очевидно, не только на Днестре, но и в близком лимане. Рыбу ловили как при помощи сетей (каменные грузила обнаружены на поселении Усатово), так и на удочку (найлены костяные рыболовные крючки). Несомненно, в распоряжении древних рыболовов были и лодки. Подсобный характер рыболовства не вызывает сомнения. Также подсобный и сезонный характер имел сбор моллюсков, раковины которых в большом количестве встречены на поселениях. В пищу шли моллюски пресноводные (*Unio*, *Drissena polymorpha*), лиманные (*Monodaspa colorata*), морские (*Cardium edule*, *Mytilus galloprovincialis*).

В целом экономическая база энеолитического населения Северо-Западного Причерноморья представляется нам основанной на скотоводстве и земледелии (с преобладанием скотоводства в его отгонных или полукочевых формах). Вспомогательными отраслями хозяйства являлись охота (в основном на крупных копытных), рыбная ловля и собирательство. Удастся проследить и некоторые различия в хозяйстве жителей отдельных поселений. Так, процент овец более высок в стаде Маяцкого поселения сравнительно со стадом поселения Усатово — Большой Куяльник; на последнем было больше крупного рогатого скота.

¹⁸ В. И. Б и б и к о в а. Костные остатки льва из энеолитических поселений Северо-Западного Причерноморья. — «Вестник зоологии», 1973, № 1. К., стр. 57—63.

¹⁹ Определение кандидата биологических наук Л. Д. Житневой.

Охота и рыбная ловля, по-видимому, играли большую роль в хозяйстве жителей Маяцкого поселения. Различия эти вызваны характером поселений, их географическим положением, а возможно, и хронологическим фактором.

Хозяйственный уклад усатовских племен Северного Причерноморья формировался постепенно, в течение многих лет, однако процесс формирования пока невозможно проследить в деталях из-за слабой изученности поселений усатовского типа и позднетрипольских (этап γ/I — γ/II) поселений Среднего Днестра.

В целом для поселений раннего и развитого Триполья, расположенных в лесной и лесостепной зонах Побужья, Поднестровья и Поднепровья, характерно гармоничное развитие земледелия и скотоводства. Устанавливается постоянный состав стада. Так, на этапе развитого Триполья бык составляет 44,6% стада, свинья — 34, мелкий рогатый скот — 18,2, лошадь — 3,2%²⁰.

На позднем этапе, судя по фаунистическим остаткам некоторых поселений (Троянов, Паволочь, Стена, Подгорцы II)²¹, возрастает роль овцы и коня. Вероятно, в еще большей степени это было бы заметно по фауне поселений южной трипольской периферии. Не вызывает сомнения, что попав в условия степных районов, земледельческие племена вынуждены были более быстрыми темпами развивать животноводство, в частности разведение коней и овец. Примером могут служить племена культуры Гумельница, чьи памятники, синхронные трипольским поселениям этапа А—В/I, обнаружены недавно на крайнем юго-западе СССР²². В хозяйстве жителей гумельницких поселений, расположенных на берегах пресных придунайских озер, земледелие играет важную роль, но и значение скотоводства трудно переоценить. По определению В. И. Цалкина²³, основное место в стаде принадлежит овцам и крупному рогатому скоту. Лошадь также представлена относительно высоким процентом особей. Многочисленность овец и сравнительно небольшое количество свиней придает, как считает В. И. Цалкин, животноводству племен культуры Гумельница на территории СССР степной облик. В то же время фауна эпонимного поселения вполне обычна для земледельческо-скотоводческих лесостепных культур²⁴.

Весьма близки по своему составу стада жителей поселений усатовского типа и населения, оставившего нижний (доямный) слой Михайловского поселения. В Михайловке I первое место в стаде принадлежит овце (65,5% всех особей), далее идет крупный рогатый скот и конь²⁵.

²⁰ С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, № 1, 1965, стр. 53.

²¹ В. И. Бибилова. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе.— Природная обстановка и фауны прошлого, вып. 1. К., 1963, стр. 138—140.

²² Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельница в СССР.— КСИА, вып. 100. М., 1965, стр. 6—18.

²³ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы.— МИА, № 161. М., 1970, стр. 240—242.

²⁴ Там же.

²⁵ В. И. Бибилова, А. И. Шевченко. Фауна Михайловского поселения.— В кн.: О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. К., 1962, стр. 207.

В хозяйстве племен ямной культуры скотоводство также является основным занятием. В стаде Михайловского поселения (Михайловка II и III) первое место занимает крупный рогатый скот (44,2% всех особей), потом идет овца (32,7%) и конь (17,8%)²⁶. Земледелие, охота и рыбная ловля здесь играли вспомогательную роль²⁷.

Формы ведения скотоводческого хозяйства у племен ямной культуры и усатовских племен, по-видимому, также были сходными.

В. И. Бибилова выделяет в нео-энеолитической Юго-Восточной Европе два ареала, граница между которыми проходила по Днепру²⁸. Для восточного (днепро-донецкая, среднестоговская, ямная культуры) основным видом хозяйства было табунное коневодство (до 80% коня в стаде) при вспомогательной роли остального домашнего скота. В западном ареале обитали оседлые земледельцы-скотоводы (Триполье и другие культуры), основой стада которых был бык, а конь составлял менее 10%.

В экономике усатовских племен, очевидно, сочетались черты двух указанных ареалов.

Хозяйство синхронных энеолитических культур, занимающих территории с иными естественногеографическими условиями, заметно отличалось от хозяйства обитателей степи. Так, племена майкопской культуры, для экономики которых характерно равное развитие земледелия и скотоводства, разводили в основном свиней, что вполне естественно для Северо-Западного Кавказа с его дубовыми лесами и дикорастущими фруктовыми деревьями²⁹. На Восточном Кавказе (горный Дагестан), где много открытых склонов, в это же время разводили крупный рогатый скот и овец³⁰.

Итак, в эпоху энеолита формы ведения хозяйства зависели прежде всего от природных условий. Традиционные хозяйственные занятия менялись, когда люди попадали в иную естественногеографическую обстановку. Именно этим объясняются различия в хозяйственном укладе племен трипольской культуры, обитавших в лесостепных районах, и родственных им племен, покинувших в силу определенных условий привычную территорию и переместившихся в степные районы Северо-Западного Причерноморья.

Немалый интерес представляют и другие стороны хозяйственной деятельности усатовских племен, среди которых прежде всего следует назвать металлообработку.

К позднему этапу своего развития трипольцы подошли, уже обладая многовековым опытом обработки меди. Сохраняя и совершенствуя кузнечные традиции, они освоили технику литья в двусторонних формах, научились упрочнять рабочие концы орудий с помощью дополнительной

²⁶ В. И. Бибилова, А. И. Шевченко. Фауна Михайлівського поселення, стр. 207.

²⁷ О. Ф. Лагодівська. До питання про розвиток скотарства у степовій смузі Східної Європи в епоху раннього металу.— Археологія, т. XII. К., 1961, стр. 16—26.

²⁸ В. И. Бибилова. До історії домашньої коня..., стр. 65—66.

²⁹ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 85—93.

³⁰ В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности.— СА, № 3. М., 1965, стр. 5—13.

их проковки³¹. Резко увеличилось количество и ассортимент местных и привозных изделий из меди.

Спектральный анализ поздне трипольских металлических изделий, выполненный в последние годы, позволил Е. Н. Черных установить существование в эпоху позднего Триполья двух очагов металлообработки — софиевского и усатовского, — сложившихся на базе предшествовавшего им раннетрипольского очага³². Основные признаки последнего (наличие изделий из металлургически чистой меди Балкано-Карпатского рудного района) в значительной степени характерны и для софиевского очага. Иные черты характеризуют усатовский очаг: лишь десять предметов изготовлено здесь из балканского металла; основную же роль играют мышьяковистые кавказские бронзы (37 предметов)³³. Кавказские (майкопские) воздействия проявляются, как уже говорилось, и в форме некоторых предметов (длинные долота с черешком). В целом типологическое сравнение усатовских и кавказских металлических изделий не подтверждает высказанную Е. Н. Черных мысль о том, что с Кавказа в трипольский ареал экспортировались уже готовые предметы³⁴; можно говорить о вывозе металла в виде слитков или руды и дальнейшей его переработке на месте³⁵. Несомненно, местный характер имеют традиционно трипольские изделия — плоские топоры-тесла, шилья, украшения. Что же касается кинжалов, то мы уже говорили о сходстве некоторых из них с эгейским оружием. В частности, почти идентичны кинжалы из курганов I—1, I—3 в с. Усатово (рис. 27, 2) и кикладские клинки типа IVa—IVb (по схеме К. Ренфрю)³⁶. Результаты спектрального анализа, приведенные в табл. 5³⁷, убеждают, что их металл также сходен: по необычно высокому проценту мышьяка (в изделиях из кавказского металла мышьяка гораздо меньше) кинжал из кургана I—3 вполне отвечает кинжалам типа IVa—IVb из Аморгоса (рис. 28, 4). Если к тому же принять во внимание заключение Н. В. Рындиной о том, что технология изготовления двух упомянутых усатовских кинжалов известна в это время лишь в Эгееде³⁸, их неместное происхождение становится очевидным. Как подражание привозным кинжалам типа А (рис. 28, 6—8), в Северном Причерноморье появляются изделия типа Б, по размерам и форме уже довольно далекие от эгейских стандартов³⁹.

³¹ Н. В. Рынди́на. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971, стр. 136—137.

³² Е. Н. Черных. О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР.— КСИА, вып. 123. М., 1970, стр. 23—31.

³³ Там же, стр. 25—26.

³⁴ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы.— МИА, № 132. М., 1966, стр. 70—71.

³⁵ Имеются сведения о находке на Усатовском поселении фрагмента глиняного тигля со следами шлака. См. СА, V. М., 1940, стр. 261.

³⁶ С. Renfrew. Cycladic metallurgy and the Aegean Early Bronze age.— AJA, v. 71, № 1, 1967, стр. 1—20, табл. VII—VIII.

³⁷ Таблица составлена по данным, приведенным в указанных статьях Е. Н. Черных и К. Ренфрю.

³⁸ Н. В. Рынди́на. Указ. соч., стр. 139.

³⁹ О местной «...неуклюжей имитации эгейских типов при помощи примитивного литейного процесса на открытых очагах» пишет Г. Чайлд; см. G. Child. The prehistory of European society. London, 1958, стр. 143

Таблица 5. Химический состав некоторых медных изделий Средиземноморья и Северного

№	Наименование предмета	Место находки	Cu %	Sn	Pb	As
47	Кинжал, тип IIa	Аморгос	94,0	—	0,5	—
48	»	»	99,8	—	0,45	—
52	Кинжал, тип IIc	»	97,0	0,24	0,13	1,5
53	Кинжал, тип IVd	»	95,0	—	0,1	3,5
54	Кинжал, тип IVa	»	95,0	—	—	4,9
55	»	»	99,1	—	0,54	—
56	»	»	99,2	—	0,38	—
57	»	»	99,9	—	—	—
58	»	»	90,0	—	0,054	9,5
59	»	»	90,2	—	0,19	9,5
62	»	»	96,5	0,27	2,6	—
63	Кинжал, тип IVb	»	90,7	—	0,19	8,7
66	Кинжал, тип VI	»	99,2	0,18	0,17	—
2288	Кинжал	Усатово, кург. 1—3	OCH	—	0,001	<10
5600	»	Усатово, кург. 1—1	OCH	—	0,001	5
2287	»	Усатово, кург. 1—6	OCH	?	0,002	3
5598	»	Усатово, кург. 1—9	OCH	—	0,002	3
4513	»	Усатово, кург. 1—14	OCH	—	0,03	3
4527	»	Нерушай, кург. 9	OCH	0,002	0,002	2
4514	Плоский топор	Усатово, кург. 1—14	OCH	—	0,05	4
4515	»	Усатово, кург. 1—14	OCH	—	0,05	1
5601	»	Усатово, кург. II—3	OCH	0,001	0,002	0,02
4602	»	Усатово, кург. 1—3	OCH	0,001	0,03	0,5
5608	Долото	Усатово, кург. 1—13	OCH	—	0,004	0,9
5604	Шило	Усатово, кург. 1—7	OCH	—	—	—
5605	»	Усатово, кург. II—2	OCH	0,0005	0,005	?
5606	»	Усатово, кург. 1—3	OCH	—	0,001	0,4
5607	»	Усатово, кург. 1—13	OCH	—	0,001	—

Металлографический анализ позволяет сделать заключение о технологии изготовления некоторых усатовских изделий. Так, два медных шила и два ножа из Тудоровского кургана были отлиты, а затем их рабочая часть подвергалась дополнительной проковке⁴⁰; в двусторонних формах отлиты некоторые кинжалы из курганов в с. Усатово⁴¹.

По-видимому, в родоплеменных коллективах энеолитических обитателей Северо-Западного Причерноморья металлообработка была сосредоточена в руках мастеров, обладавших определенными производственно-технологическими традициями, навыками и опытом. Можно полагать, что в усатовской среде металлургическое ремесло, носившее (также как гончарное и кремнеобработывающее ремесла) общинный характер⁴², уже начало постепенно обособляться в самостоятельную отрасль⁴³.

⁴⁰ Н. В. Рындина. К вопросу о технике обработки трипольского металла.— МИА, № 84. М., 1961, стр. 207.

⁴¹ О. Ф. Драко. Анализ усатовских металлических изделий.— Научный архив ИА АН УССР. Лаг., 6, стр. 6—7.

⁴² С. Н. Бибииков. О ранних формах ремесленного производства.— Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970, стр. 3—6.

⁴³ Г. Чайлд считает даже, что усатовские племена благодаря своим высоким производственным возможностям создали рынок для металла и поддерживали профессиональных кузнецов — оседлых и бродячих. См. G. Childe. The down..., стр. 142—143.

Причерноморья (по К. Ренфрю и Е. Н. Черных)

Sb	Ni	Bi	Fe	Zn	Ag	Au	Co	Mn
—	0,072	0,01	—	5,1	0,037	—	—	—
—	0,18	0,01	—	—	0,029	—	—	—
—	0,30	0,01	0,56	—	0,051	—	—	—
—	0,012	0,01	0,38	—	0,022	—	—	—
—	0,029	0,01	0,11	—	0,064	—	—	—
—	0,15	0,01	0,023	0,14	0,022	—	—	—
0,12	0,13	0,01	0,018	—	0,18	—	—	—
—	0,032	0,01	0,070	—	0,0054	—	—	—
0,18	0,23	0,04	—	—	0,03	—	—	—
—	0,045	0,011	—	—	0,032	—	—	—
—	0,063	0,01	0,50	—	0,057	—	—	—
—	0,024	0,01	—	—	0,04	—	—	—
—	0,058	0,01	0,30	—	0,023	—	—	—
0,015	0,015	0,001	0,003	—	0,15	<0,001	—	—
—	0,005	?	0,001	—	0,01	?	—	—
0,003	0,08	0,001	0,003	—	0,006	—	—	—
0,01	0,12	—	—	—	0,02	?	?	—
0,016	0,007	0,01	0,001	?	0,09	~0,001	—	—
0,014	0,06	0,002	0,04	—	0,4	>0,003	—	0,003
0,05	0,02	0,009	0,001	—	0,001	>0,001	—	—
0,008	0,004	0,002	0,003	—	0,002	—	—	—
—	?	—	0,001	—	0,01	>0,001	—	—
0,003	0,01	0,002	0,002	0,12	0,001	—	—	—
0,04	0,007	0,003	0,016	0,5	0,007	—	—	—
—	—	—	0,002	—	0,005	—	—	—
?	0,005	—	0,15	0,006	0,015	—	—	—
?	0,012	0,001	0,025	?	0,02	0,003	—	0,005
—	0,0007	—	0,4	0,3	0,01	—	—	0,013

Довольно высокого уровня достигла также обработка камня. Из местного известняка сложены многочисленные кромлехи и каменные закладки курганов, жилища древнего поселения Усатово—Большой Куяльник; вытеснены плиты, часто встречающиеся при раскопках могильников. Поверхность этих плит тщательно обработана. Следы такой обработки хорошо видны, например, на плите, стоявшей в юго-западном секторе кургана 1—14. Поверхность ее обработана плоским широким орудием, скорее всего медным теслом; на узких гранях хорошо заметны продольные желобчатые сколы, оставленные, очевидно, медным долотом с узким закругленным рабочим краем. Некоторые плиты имеют сквозные отверстия, также выдолбленные узкими долотами. Из мягкого ракушечника изготовляли грузила для сетей, культовые изображения и т. д.

На основе хорошо развитого овцеводства значительную роль в хозяйственных занятиях усатовских племен играли ткачество и плетение, хотя прямых доказательств этого (прясла, грузила ткацкого станка) в нашем распоряжении немного.

Большой материал, полученный при раскопках памятников усатовского типа, дает возможность осветить некоторые стороны духовной культуры древних обитателей Северо-Западного Причерноморья — прежде всего их идеологические воззрения, верования, нашедшие наиболее полное выражение в погребальном обряде. Представления, связанные с идеями о жизни и смерти, загробном мире, были весьма сложны, как и сам погребальный ритуал. Судя по данным раскопок, погребение покойника сопровождалось тризной, во время которой разводили костры и приносили в жертву животных⁴⁴. Очевидно, и после захоронения сородичи навещали покойника, совершая на его могиле определенные культовые церемонии. Об этом говорят плиты с чашевидными углублениями, перекрывающие погребальные ямы. На многих плитах, а также на камнях закладок видны следы огня. Возможно, во время этих церемоний выкапывали культовые ямы, куда помещался определенный инвентарь.

Видимо, заботой о покойнике продиктовано сооружение мощных каменных конструкций, о которых шла речь выше. Некоторые из этих конструкций имели свою культовую специфику. Так, кромлехи, как полагают исследователи, были связаны с культом солнца⁴⁵.

Как уже отмечалось, особенностью курганов с. Усатово являются большие плиты, вертикально стоящие в юго-западном секторе кургана (то есть, как правило, в ногах покойного, погребенного в центральной могиле). Плитам этим, несомненно, отводилась важная роль в погребальном ритуале; не случайно они очень хорошо обработаны. О культовом назначении этих плит свидетельствуют изображения, выполненные на некоторых из них, в первую очередь на плитах из курганов I—3 и I—11⁴⁶.

Плита из кургана I—3 сейчас достигает в высоту 1,1 м, а в ширину— 0,6—0,7 м (рис. 41). Верхняя ее часть, а также правый край обломаны в древности, так что изображения на ней слегка повреждены. В правой нижней части плиты контурной углубленной линией передана человеческая фигура в виде двух треугольников, соединенных вершинами. Сохранилась изогнутая правая рука с тремя растопыренными пальцами и правая нога. Голова человека имеет подтреугольные очертания, лицо передано весьма схематично: видны лишь глаза в виде косых черточек и небольшой рот-дуга. Справа, на уровне головы человека врезными линиями передана фигура оленя, окруженная тремя фигурками лошадей, выполненными в рельефе (поверхность плиты вокруг них слегка подтесана). Создается впечатление, что эти изображения нанесены на

⁴⁴ Следы такой тризны обнаружены в курганах у сел Тудорово, Плоское и др.

⁴⁵ В качестве подтверждения этой мысли И. И. Мещанинов приводил кромлехи с. Усатово с их разрывами, ориентированными в сторону рождающегося (воскресающего) и умирающего солнца. См. И. И. Мещанинов. Кромлехи.— ИГАИМК. т. VI, вып. III. Л., 1930, стр. 20.

⁴⁶ О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатівської культури, стр. 60; е е же. Розкопки Усатівського кургану I—11, 1940 р., стр. 44.

плиту позднее, чем изображения человека и оленя. Все фигуры, несомненно, связаны друг с другом, образуя композицию культового содержания. По сведениям Е. Ф. Лаговойской, рядом с этой плитой найдена вторая плита небольших размеров с рельефным изображением лошади⁴⁷.

На огромной (ее высота 2,7 м) плите № 1 кургана I—II было обнаружено рельефное изображение собаки, застывшей в настороженной позе. Роль собаки в хозяйственной деятельности и быту древнего человека нашла отражение и в его культовых воззрениях, где она выступает как защитник человека, страж его дома, стада, посевов⁴⁸. Не вызывает сомнения, что именно с апотропаическим культом связано изображение собаки на плите из кургана I—II, а также захоронение пса неподалеку от погребения № 1 кургана в с. Тудорово⁴⁹ (рис. 42). Поэтому можно некоторые вертикально стоящие плиты усатовских курганов считать оберегами, охраняющими покойников. Не случайно все изображения сделаны на внешних сторонах плит: откуда-то извне приходила опасность, которую должны были предотвратить плиты-обереги. В заботе о погребенных сородичах отчетливо проявляется культ предков, занимавший важное место в идеологии усатовских племен.

Раскопки поселений и могильников усатовского типа вскрыли ряд интереснейших объектов, связанных с культом быка — символом достатка и плодородия. Так, на поселении Усатово—Большой Куяльник обнаружено углубление в виде головы быка (длина его около 1 м), выбитое в дикарном известняке и заполненное пеплом. Над углублением стоял каменный ящик, сложенный из трех плит и перекрытый четвертой. Неподалеку найдены останки тура (череп и кости) и глиняные статуэт-

Рис. 41. Усатово, курган I—3. Каменная плита с изображениями.

⁴⁷ Е. Ф. Лаговойская. Курганы I—3.— Научный архив ИА АН УССР, Лг., 2, стр. 16.

⁴⁸ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевская, стр. 269—271. Из множества ритуальных захоронений животных в нео-энеолитических памятниках Европы, Малой Азии, Египта половину составляют погребения собак, см. Н. Вегенс. Die neolithisch-frühmetallzeitlichen Tierskelettfunde der alten Welt.— Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle, Heft 19. Berlin, 1964.

⁴⁹ А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 77.

Рис. 42. Культовое погребение собаки в Тудоровском кургане.

ки быков⁵⁰. По-видимому, здесь находилось небольшое капище, посвященное быку⁵¹.

В кургане I—9 с. Усатово был обнаружен кромлех с интервалами, ориентированными на запад и восток. В восточном интервале найдено небольшое скульптурное изображение головы быка, высеченное из плиты известняка-ракушечника (рис. 43, 1) и выполненное весьма схематично: морда передана трапецевидным выступом, сужающимся в нижней части; уши в виде подпрямоугольных выступов торчат в стороны; рога отсутствуют. Скульптура лежала горизонтально, мордой ориентирована на восток⁵².

Голова быка, вытесанная из ракушечника, найдена и в культовой яме № 6 кургана II—2. Яма расположена в юго-западном секторе под камнями кромлеха и была перекрыта плитой с чашевидным углублением. Голова быка была прислонена к стенке ямы. По форме она напоминает треугольник, от которого отходят под углом друг к другу узкие длинные выступы — рога (рис. 43, 2). Рядом с головой обнаружена кучка охры и четыре стилизованные антропоморфные статуэтки, стоящие парно в два ряда. В разных местах ямы найдено пять сосудов, а на дне ее, в центре, — пять коронок зубов человека и три известняковых бусины⁵³. Е. Ф. Лагодовская считает, что в центральной яме этого кургана был похоронен человек, имеющий отношение к культуре быка.

⁵⁰ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура..., стр. 48—49.

⁵¹ Е. Ф. Лагодовская считает (Усатівська культура..., стр. 49), что данное место связано с культом солнца. Это предположение не противоречит нашему, ибо культы быка и солнца в идеологии древних народов были неразрывно связаны.

⁵² Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках в с. Усатово за 1939 г., стр. 13; Э. Ф. Патокова. Изображение животных на памятниках Большого Куяльника — Усатова, стр. 36, табл. I, 3.

⁵³ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура..., стр. 50.

О культе быка говорят и глиняные фигурки бычков, обнаруженные на поселении Усатово—Большой Куяльник.

Определенное место в культе занимали и другие домашние животные — лошадь и овца. Изображения лошадей выявлены, как уже отмечалось, на плитах из кургана I—3 в с. Усатово и на сосуде из кургана у с. Тудорово. Овца выступает в роли жертвенного животного: большое количество ее костей найдено близ культового места на поселении Усатово—Большой Куяльник; отдельные кости и зубы овцы обнаружены в погребальных ямах курганов. В кургане у с. Сарата рядом с каменным культовым ящиком — оградкой был найден целый скелет овцы⁵⁴.

Древние скотоводы, изображая в камне или глине домашних животных, используя эти изображения во время магических обрядов и заклинаний, связывали с ними, в первую очередь, надежду на рост стада; благосостояние, обилие. Эти же идеи плодородия, но связанные прежде всего с земледелием, воплощены и в глиняных изображениях человека.

Антропоморфной пластике эпохи энеолита посвящена обширная литература, вскрыт круг сложных идей и воззрений земледельческо-скотоводческих племен, связанных с нею. В широком смысле женское изображение отражает идею плодородия в многочисленных ее аспектах, с чем связано разнообразное применение статуэток⁵⁵. Это относится и к усатовским статуэткам. Кроме того, как уже отмечалось, статуэтки встречены не только на поселениях усатовского типа, но и в могильниках. Как полагают исследователи, нахождение статуэток в могилах также связано с идеями плодородия, обратимости, единства жизни и смерти. Сопровождая мертвых, статуэтки должны были заботиться о живых, о продолжении потомства и его благополучии⁵⁶.

Итак, мировоззрение создателей памятников усатовского типа было пронизано идеей благополучия рода, достатка, плодородия, чрезвычайно усложненной из-за многозначности образов, призванных выразить тот или иной ее аспект. Кроме того, образы эти тесно связаны друг с другом, часто выходя вместе: культ солнца (кромлехи) связан с культом быка, культом предков, апотропаическим культом и т. д.

Эта черта весьма характерна для культовых представлений земледельческо-скотоводческих племен Юго-Восточной Европы, и в первую очередь для носителей трипольской культуры, в идеологии которых издавна огромную роль играли культ быка, астральные культы, культ предков, культ плодородия, связанный прежде всего с образом женщины. На тесную взаимосвязь и переплетение этих культов не раз обращали внимание исследователи⁵⁷. Пожалуй, ярче всего общность идеологии усатовских и других трипольских племен проявляется в широком использовании культовой антропоморфной пластики, неизвестной многим восточным соседям усатовцев (ямная, кеми-обинская культуры).

⁵⁴ И. Т. Черняков. Указ. соч., стр. 35.

⁵⁵ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевская, стр. 204—275.

⁵⁶ Там же, стр. 259—261.

⁵⁷ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевская, стр. 193—275; М. Л. Макаревич. Об идеологических представлениях у трипольских племен.— ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 290—302; Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА, 1965, № 1, стр. 24—25; № 2, стр. 13—32.

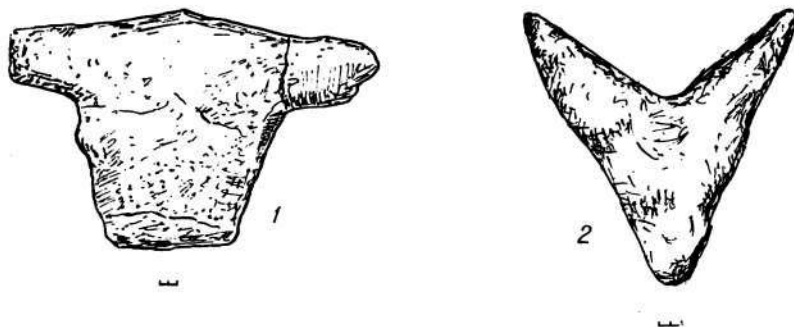

Рис. 43. Каменные изображения головы быка.
1 — Усатово, курган I — 9; 2 — Усатово, курган II — 2.

С земледельческо-скотоводческими культами связаны и определенные символы, встречающиеся на усатовской посуде и статуэтках. Обычен, например, для усатовской орнаментики косой крест — солярный знак, характерный для росписи трипольских сосудов⁵⁸. Весьма часто встречаются на усатовской расписной посуде и статуэтках знаки в виде зигзага и буквы М (прямой или перевернутой). Конкретное их значение пока не поддается расшифровке, однако не вызывает сомнения их связь с культом плодородия⁵⁹.

К древнейшим земледельческим культовым символам плодородия относится и так называемый ромб с крючками. Одна из вариаций этого знака — косой крест с загнутыми верхними концами — встречается на усатовских кухонных сосудах и статуэтках; на нескольких глиняных фигурках, как уже отмечалось, имеются изображения в виде цепочки ромбов с крючками. Подобные знаки известны на сосудах неолитических памятников Балканского п-ова (Цани-Магула⁶⁰, Винча⁶¹), керамике некоторых трипольских поселений (Дарабани⁶², Костешты IV⁶³). А. К. Амброс, анализируя семантику этого символа, пришел к выводу, что он означает одновременно землю, растение, женщину в зависимости от его места в разных композициях. Цепочка ромбов с крючками означает древо жизни⁶⁴.

⁵⁸ Б. А. Рыбаков. Указ. соч.— СА, 1965, № 1, стр. 30—32.

⁵⁹ На одном из сосудов бадарийской культуры (додинастический Египет) эти знаки находятся в сочетании с деревом жизни, фигурами людей и быков; см. E. O. James. *Religionen der Vorzeit*. Köln, 1960, стр. 205, 2. По мнению Т. Г. Мовши, знаки в виде перевернутой буквы М изображают птиц в состоянии полета, см. Т. Г. Мовша. *Зображення птахів на розписному посуді трипільської культури.*— *Археологія*, т. XIX. К., 1965, стр. 103.

⁶⁰ Ch. Zervos. *Naissance de la civilisation en Grèce*, vol. 1. Paris, 1962, табл. 231.

⁶¹ Ch. Zervos. Указ. соч., т. II, 1963, табл. 725.

⁶² T. P assek. *La ceramique tripolienne*, табл. XV, 4.

⁶³ Н. А. Кетрару. *Археологические разведки в долине р. Чугур.*— *Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР*. Кишинев, 1964, стр. 269, рис. 11, 12.

⁶⁴ А. К. Амброс. *Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючком»).*— СА, 1965, № 3, стр. 14—27.

Рис. 44. Сосуд тордошской культуры из Сельвень-Вадаш (Венгрия).

Заметна и определенная общность в искусстве трипольцев, обитавших в Лесостепи и Степи. Она проявляется, в частности, в сходстве человеческих изображений на описанной выше плите из кургана I—3 в с. Усатово и на некоторых трипольских сосудах. Так, на горшках из Траяна⁶⁵, Варваровки, Брынзень-Цыганки⁶⁶ в краске переданы фигуры людей, туловище которых изображено двумя треугольниками, руки и ноги — прямыми и дуговидными отрезками линий. Все эти изображения выполнены в различной технике и относятся к разному времени, но тем не менее схожи, ибо связаны одной традицией передачи человеческой фигуры.

Можно полагать, что эта традиция, связанная с какими-то чисто земледельческими мифами, уходит своими корнями вглубь тысячелетий. В этом отношении примечателен четырехгранный сосуд (случайная находка) из Сельвень-Вадаш в Венгрии⁶⁷, относящийся к тордошской культуре. На одной из стенок сосуда прочерченными линиями изображен человек, тело которого передано двумя треугольниками, голова — прямоугольником, ноги — вертикальными черточками; четырехпалые руки согнуты в локтях. Вокруг человека — пять стилизованных изображений быков (два из них — в супряге). Близкое сходство этой композиции (рис. 44) и сцены на плите из кургана I—3 в с. Усатово не вызывает сомнения. На противоположной стенке сосуда изображены две фигуры бычков и два древа жизни.

Автор, естественно, далек от культурно-хронологического сближения сосуда из Сельвень-Вадаш и плиты из Усатово. Речь идет лишь о культурной и художественной земледельческой традиции⁶⁸. Эта же традиция

⁶⁵ Г. Думитреску. Антропоморфные изображения на сосудах из Траяна.— *Dacia*, IV. Bucarest, 1960, стр. 32, рис. 1; стр. 34; рис. 2; стр. 36, рис. 3, 4.

⁶⁶ В. И. Маркевич. Итоги работы Молдавской неолитической экспедиции.— *АО* за 1970 г. М., 1971, стр. 357.

⁶⁷ N. Kalicz. *Dieux d'argile*. Budapest, 1970, стр. 85, табл. 28—29.

⁶⁸ В этой связи автор не может согласиться с мнением В. Н. Даниленко о том, что на Усатовской плите изображено женское скотоводческое божество — прообраз Артемиды. См. *Нариси стародавньої історії УРСР*. К., 1957, стр. 70.

прослеживается и в «монументальной» скульптуре. Так, в Усатово (курган I—13)⁶⁹ и на раннетрипольском поселении Александровка⁷⁰ встречены схематические изображения человеческой головы в натуральную величину, весьма близкие по моделировке, хотя первое выполнено в камне, а второе — в обожженной глине. В этой связи необходимо отметить совершенно иные приемы изображения человека в искусстве соседних племен. Мы имеем в виду антропоморфные стелы ямной культуры⁷¹ — каменные плиты с небольшим выступом, передающим человеческую голову. Иногда на таких плитах выделены рельефом черты лица и руки; очень редко на них нанесены, также рельефом, небольшие фигурки людей. Некоторые стелы, найденные в курганах Крыма, относятся, по мнению А. А. Щепинского, к кеми-обинской культуре⁷².

Независимо от того, как будет решен вопрос о назначении и происхождении этих стел⁷³, следует отметить, что между ними и плитами с изображениями из курганов с. Усатово очень мало общего⁷⁴.

Итак, хотя земледелие уже не играло столь значительной роли в хозяйственных занятиях усатовцев, в идеологии их ярче всего проявляются именно земледельческие культы, свойственные трипольской культуре всех этапов ее развития. В то же время имеются значительные различия в искусстве и верованиях усатовских племен и их степных соседей, в первую очередь — племен ямной культуры.

Таким образом, близость не только материальной, но и духовной культуры указывает на прочные узы, соединяющие усатовские племена с трипольским населением соседних территорий.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОИ

Производительным силам древнего населения Северного Причерноморья отвечал и довольно высокий уровень общественного развития. Патриархальный характер усатовской родоплеменной организации не вызывает сомнения у исследователей⁷⁵. Рост скотоводства и пашенного

⁶⁹ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана № 13 в 1961 г., стр. 14.

⁷⁰ Раскопки А. Л. Есипенко в 1949—1951 гг. Экспозиция ОГАМ.

⁷¹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству.— МИА, № 165. М., 1969, стр. 172—189.

⁷² А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму.— СА, 1963, № 3, стр. 43.

⁷³ В последнее время вопрос этот стал объектом оживленной дискуссии. См. А. А. Формозов. Очерки..., Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков. Курганы степной части..., стр. 100—102; А. М. Лесков. Керченская экспедиция в 1967 г.— АИУ, вып. II. К., 1968, стр. 4—6.

⁷⁴ Вызывает возражение мысль А. А. Формозова о том, что эти плиты — фрагменты наскальных гравировок, выполненные ямниками и впоследствии случайно попавшие в усатовские кромлехи (А. А. Формозов. Очерки..., стр. 151—155). Во-первых, бесспорен послеусатовский возраст позднейших памятников Северо-Западного Причерноморья; во-вторых, плиты эти по форме, размерам, деталям обработки, месту и положению в кромлехе ничем не отличаются от плит, лишенных изображений.

⁷⁵ С. Н. Бибиков не без основания считает, что патриархальные первобытно-общинные отношения господствовали уже в раннетрипольском обществе; см. С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская, стр. 282—287; его же. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, 1965, № 1, стр. 59—60.

земледелия предопределил решающую роль мужчины в хозяйственной жизни общества, и, следовательно, поставил его во главе семьи и рода.

Материалы могильников усатовского типа убедительно свидетельствуют о начавшемся процессе имущественной и социальной дифференциации. В этом отношении характерны курганы № 3, 9, 11, 12, 13, 14 I могильника с. Усатово, в центральных могилах которых, по-видимому, были погребены наиболее знатные люди, представители родоплеменной верхушки, вожди⁷⁶. В пользу этого утверждения свидетельствуют мощные каменные сооружения указанных курганов, создание которых требовало трудовых усилий многих людей, возможно, всего родового коллектива. Инвентарь этих погребений также отличается своим богатством: здесь выявлен набор металлических изделий, в том числе медные кинжалы. В кургане I—3 на древнем горизонте близ центральной могилы были обнаружены два очень скорченных мужских погребения без инвентаря. Исследователи считают их захоронениями рабов, зависимых от человека, похороненного в центральной могиле, и умерщвленных после его смерти⁷⁷. Под курганными насыпями в центральных могилах могли быть погребены не только представители социальной верхушки, но и главы больших патриархальных семей, воины или уважаемые члены родоплеменного коллектива:

В грунтовых могильниках, где отсутствуют грандиозные каменные сооружения, были похоронены, как полагала Е. Ф. Лагодовская, рядовые общинники. Раскопки II бескурганного могильника в с. Усатово подтвердили правильность этого предположения. Вся сумма признаков, характерных для грунтовых могил (небольшие и неглубокие ямы, бедный инвентарь), говорит о подчиненном положении похороненных здесь людей, в сравнении с их сородичами, погребенными под курганными насыпями.

К сожалению, пока нельзя с достаточным основанием судить о формах общественного уклада усатовских племен, ибо могильники являются менее надежным источником, нежели поселения.

Разведение скота, особенно овец и коней, обеспечивало избыток домашних животных и продуктов животноводства, что позволяло главам больших семей, родовым и племенным вождям, военачальникам сосредоточить в своих руках значительные богатства. Поэтому процесс социальной дифференциации в среде усатовских скотоводческо-земледельческих племен шел быстрее, чем у трипольцев, занимающихся земледелием и придомным скотоводством. Это видно при сравнении могильников усатовского типа и Выхватинского некрополя, в котором отсутствуют, например, мощные каменные конструкции, нет металла и предметов вооружения в погребальном инвентаре. Но и в Выхватинцах вскрыты погребения, набор инвентаря которых указывает на то, что они принадлежали наиболее знатным членам рода или племени (например, погребение № 9, где обнаружены шесть сосудов, каменный топор, кремневый серп и ко-

⁷⁶ К этому выводу на материалах курганов № I—3, 9, 11 пришли Е. Ф. Лагодовская и Т. С. Пассек.

⁷⁷ О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатівської культури, стр. 60.

стяная статуэтка)⁷⁸. На социальную дифференциацию трипольцев, обитающих в Среднем Поднепровье, указывают и могильники софиевского типа. Так, в Краснохуторском могильнике богатством инвентаря выделяются погребения № 130 и 135⁷⁹.

В среде племен, соседствующих с трипольцами, также проходил процесс имущественного и социального расслоения. О том, что им были затронуты племена ямной культуры, уже писали исследователи⁸⁰.

Таким образом, можно отметить, что энеолитические племена Северо-Западного Причерноморья находились на той стадии первобытнообщинных отношений, когда проходил процесс выделения родоплеменной знати и распада большой патриархальной семьи. Аналогичная картина, но выраженная не так ярко, характерна и для позднетрипольских племен, заселяющих соседние территории.

⁷⁸ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья, стр. 149.

⁷⁹ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Червонохутірський могильник..., стр. 95.

⁸⁰ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 181—182.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ

При раскопках поселений и могильников усатовского типа не получено надежных стратиграфических данных, поэтому их периодизация строится почти исключительно на типологических сопоставлениях. В первую очередь попытаемся установить хронологическое соотношение в пределах основной группы памятников на территории сел Усатово—Большой Куяльник.

М. Ф. Болтенко сообщает, что при раскопках Усатовского поселения в 1921 г. на участке В (и только на этом участке) он отметил залегание двух слоев, содержащих культурные остатки и разделенных прослойкой утрамбованного толченого известняка (пол жилища?). Верхний слой мощностью 50 см содержал большое количество кухонной керамики, украшенной шнуром; в нижнем слое (мощность его 20 см) найдены в основном фрагменты толстостенной керамики, украшенной пальцевыми заплатами и налепными бугорками¹.

Этих скудных данных, к тому же не подтвержденных соответствующей документацией, явно недостаточно для того, чтобы говорить о двух этапах развития поселения (возможно, автор зафиксировал два строительных этапа в жилище). Инвентарь, найденный на поселении, также не проявляет больших различий, которые можно было бы объяснить разновременностью бытования предметов материальной культуры и типов орнамента. Несомненно, поселение было долговременным, однако объективных свидетельств наличия нескольких определенных этапов в его истории мы пока не имеем.

Данных, полученных при раскопках курганных некрополей на территории с. Усатово, также недостаточно для хронологического расчленения последних. Это относится, в частности, к I курганному могильнику. Здесь лишь в двух случаях стратиграфические наблюдения позволяют установить хронологическое различие между погребениями (в кургане I—11 погребение № 2 было совершено уже через насыпь, то есть позже центрального²; в яме № 2 кургана I—12 из двух погребений более поздним являлось верхнее)³. В обряде и инвентаре погребений отдельных курганов II могильника иногда встречаются отклонения от привычных стандартов. Так, в кургане I—1 все четыре покойника похоронены скорченно на спине⁴, однако, обнаруженный здесь инвентарь, вполне обычен и не отличается от инвентаря погребений остальных курганов.

¹ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника, стр. 26—29.

² О. Ф. Лагодовська. Розкопки усатівського кургану I—11, стр. 53.

³ Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12, стр. 117.

⁴ Е. Ф. Лагодовская. Курган I—1.— Научный архив ИА АН УССР, Лав. 2, стр. 2—7.

В целом разница между погребальным обрядом и инвентарем курганов I Усатовского могильника незначительна, как невелики, по-видимому, были промежутки времени между их сооружением.

Это же касается и трех раскопанных курганов II могильника. Более того, наблюдения Е. Ф. Лагодовской позволили ей установить, что погребальная яма № 4 кургана II—1 и яма-кенотаф № 3 кургана II—2 практически выкопаны одновременно, так как в них найдены фрагменты одних и тех же сосудов.

При сравнении погребений I и II Усатовских курганных могильников мы видим некоторую разницу в их инвентаре, заключающуюся в том, что при погребениях II могильника обнаружено очень мало металлических изделий (один топор-тесло, четыре колечка, одно шило). Однако различие это нельзя объяснить разновременностью могильников, погребальный обряд и остальной инвентарь курганов весьма сходны: здесь обнаружены совершенно аналогичные кухонные мисочки с двумя ушками (курганы I—11 и II—3), небольшие амфорки (курганы I—1 и II—2), горшки с петельчатыми ручками (курганы I—12 и II—2), расписные чаши, стилизованные статуэтки. Это дает основание относить все 18 курганов, раскопанных на территории с. Усатово, к одному хронологическому периоду.

Весьма важно установить хронологическое соотношение между курганами и грунтовыми могильниками на территории с. Усатово. Инвентарь последних значительно беднее инвентаря курганов (рис. 29), но следует ли объяснять разницу в инвентаре различием во времени? Е. Ф. Лагодовская в свое время предположила, что I грунтовой могильник с. Усатово с его небольшими погребальными ямами и простой керамикой относится к более позднему времени, чем курганы⁵. Наоборот, описывая курган I—15, простая керамика которого весьма напоминает сосуды, найденные в грунтовых могильниках I и II, Э. Ф. Патокова считает его наиболее архаичным среди курганов с. Усатово⁶. Столь противоположные выводы сделаны на основании одного и того же критерия. В то же время погребальный обряд (положение покойника, его ориентировка), типы каменных сооружений и даже инвентарь курганов и грунтовых некрополей имеют много общего. Почти все сосуды из II грунтового могильника находят аналогию среди керамики курганных погребений. Так, совершенно аналогичны формой и орнаментом два круглодонных кубка, один из которых найден среди камней закладки № 7 этого могильника (рис. 33, 12), а второй — в яме № 3 кургана II—1 (рис. 33, 11). Абсолютно схожи по типу, размерам и деталям орнамента глиняные антропоморфные статуэтки, обнаруженные в грунтовом могильнике и курганах. Все это дает основания для вывода о том, что грунтовые и курганные некрополи с. Усатово существовали одновременно. Мы уже указывали, что разницу в инвентаре погребений курганов и грунтовых могильников можно объяснить различным социальным положением людей, здесь похороненных.

⁵ О. Ф. Лагодовська. Усатівська експедиція 1946 р.—АП, т. II. К., 1949, стр. 202.

⁶ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана I—12, стр. 47.

И, наконец, отмечая некоторые различия в инвентаре поселения Усатово—Большой Куяльник и его могильников, объясняющиеся спецификой этих памятников, мы можем говорить о том, что некрополи и поселение существовали параллельно, будучи тесно связанными во времени. Одновременное существование нескольких могильников при одном поселении объясняется самим характером этого поселения — большого племенного культового центра со значительным населением, уже не однородным по своему социальному составу. Во второй локальной группе памятников усатовского типа, объединяющей курганы Нижнего Поднепровья, следует выделить курган № 204 у с. Красногорка — вероятно, более ранний по сравнению с остальными здешними курганами и комплексом на территории с. Усатово. При центральном погребении этого кургана найдены две расписные чаши, одна из которых (рис. 34, 15) весьма напоминает орнаментом чашу из Кукутен⁷, а также глиняные статуэтки (рис. 38, 12, 13), совмещающие в себе реалистические и схематические черты.

При сравнении Усатовских и Днестровских курганов видны некоторые различия в их погребальном обряде и инвентаре. Так, на Днестре всего в трех курганах (Тудорово; Парканы, № 90; Терновка, № 79) встречены кромлехи. Покойники похоронены не только в грунтовых ямах, но и на древней поверхности, и в насыпях. Положение их более разнообразно, в ориентировке преобладает восточное и южное направление. При погребенных, как уже отмечалось, чаще встречается столовая посуда, украшенная росписью в виде косой сетки (для керамики с. Усатово этот мотив не столь характерен).

Е. Ф. Лагодовская объясняла указанные различия, с одной стороны, этнографическими особенностями памятников Нижнего Днестра, с другой — их разновременностью с памятниками с. Усатово⁸. С последним предположением трудно согласиться. Рассматривая расписную столовую посуду Усатовского комплекса и памятников Нижнего Днестра, мы видим почти полное совпадение форм: округлотелые горшки с широким горлом, приземистые и округлотелые амфоры с крышками, высокогорлые кувшины, полусферические чаши. Это же относится и к группе кухонной керамики. Совершенно сходны, например, формой и орнаментом амфоры, найденные в курганах у с. Тудорово, № 179 у с. Терновки и аналогичные сосуды из Усатовских курганов I—1, 2, 8 и др. Весьма близки украшенные врезными вертикальными линиями амфоры из кургана I—12 и разрушенного кургана в с. Оланешты. Определенное сходство наблюдается также между медными кинжалами из курганов I—1 и I—3 с. Усатово и кургана № 3 у с. Суклея.

В целом можно считать одновременными памятники на территории с. Усатово и Нижнеднестровские некрополи. Те различия в погребальном обряде и инвентаре, о которых шла речь, по-видимому, можно объяснить территориальным положением Нижнеднестровских памятников, соседствующих с позднетрипольскими поселениями и могильниками Среднего

⁷ Н. Schmidt. Cucuteni, табл. 19, 3.

⁸ О. Ф. Лагодовська. Памятки усатівського типу, стр. 99.

Поднестровья — исконной территории обитания трипольских племен. В своеобразии Нижнеднестровских памятников сравнительно с Усатовскими проявляются этнографические, племенные отличия различных групп обитателей причерноморских степей.

На различия между керамическими комплексами двух наиболее значительных поселений усатовского типа Усатово—Большого Куяльника и Маяков мы уже указывали. Напомним, что на поселении Маяки столовая расписная посуда составляет 6% всей керамики (против 18 в Усатово), а столовая посуда с залощенной, заполированной поверхностью — 10,9% (против 1,4 в Усатово). Большая часть кухонной посуды поселения Усатово—Большой Куяльник украшена шнуром (причем довольно часто встречаются оттиски намотанного шнура), в то время как на керамике из Маяков преобладают различные виды штампового орнамента (шнур здесь почти исключительно простой).

Столь значительные несоответствия в керамических комплексах этих двух поселений, расстояние между которыми составляет примерно 50 км, вряд ли можно объяснить локальными различиями. Маяки следует отнести к более позднему времени, чем Усатово—Большой Куяльник. В пользу этого говорит и антропоморфная пластика Маяцкого поселения, в которой совершенно отсутствуют реалистические черты, характерные для некоторых (правда, весьма немногочисленных) статуэток, найденных на поселении Усатово—Большой Куяльник.

Более поздними по отношению к основным группам памятников усатовского типа являются также поселения Фолтешти и Стойкаки на р. Прут. Здесь полностью преобладает кухонная керамика с примесью песка, толченого известняка, шамота, ракушки. Большая часть этой посуды украшена штамповым орнаментом. Исследователи поселения Фолтешти пишут, что шнуровой орнамент на посуде здесь встречается реже, чем на керамике Усатово—Большого Куяльника, однако он более развит, о чем свидетельствуют его мотивы (большая насыщенность узора веревочными оттисками)⁹. Шнуровой орнамент на сосудах поселения Стойкаки встречается еще реже; памятник этот, по мнению М. Петреску-Дымбовицы, является более поздним, чем Фолтешти¹⁰. Расписная столовая посуда на обоих поселениях встречается крайне редко; это фрагменты приземистых широких амфор и высоких конических крышек к ним. Подобные амфоры найдены при погребениях курганов у Брэилицы (Румыния), Огородного и Болграда (Одесская область), что позволяет считать эти памятники также более поздними сравнительно с курганами Нижнего Поднестровья и с. Усатово. Возможно, более поздним является и курган у с. Сарата, где обнаружен небольшой горшочек, украшенный весьма примитивным по стилю расписным орнаментом (рис. 34, 3).

Таким образом, среди известных сейчас памятников усатовского типа наиболее ранним является курган № 204 у с. Красногорка. Основная часть памятников (комплекс на территории с. Усатово и почти все

⁹ M. Petrescu-Dâmbovița, J. Casan, C. Mateescu. Указ. соч., стр. 257.

¹⁰ M. Petrescu-Dâmbovița. Cimitirul Hallstattian dela Stoicani.—Materiale arheologice privind istoria veche a RPR, v. I. București, 1953, стр. 165.

памятники Нижнего Днестра) относится, очевидно, к одному хронологическому периоду. Более поздними являются поселения Маяки, Фолтешти, Стойкани и курганы Днестро-Дунайского междуречья.

Следует подчеркнуть предварительный характер этих выводов. В будущем, когда увеличится количество изученных поселений и будет проведена их синхронизация с определенными курганами, памятники усатовского типа, по-видимому, удастся расчленить на ряд последовательных хронологических групп.

Определяя хронологическое соотношение памятников усатовского типа с иными позднетрипольскими локальными группами, коснемся, прежде всего, территориально наиболее близких поселений и могильников среднего течения Днестра. Сейчас в Среднем Поднестровье выделяются в рамках этапа γ/II три хронологически последовательные группы памятников¹¹. Наиболее ранняя представлена поселением у с. Жванец, в керамике которого хорошо заметны черты, присущие посуде начальных фаз позднего Триполья¹². К несколько более позднему времени относятся целый ряд поселений (Волчинец, Катериновка, Солончены II и др.)¹³ и Выхватинский могильник.

Завершают развитие позднего Триполья в Поднестровье памятники, выделенные недавно Т. Г. Мовшей в особую северную группу (Звенячин, Цвикловцы и др.)¹⁴. Для керамического комплекса этих поселений характерно незначительное количество столовой расписной посуды, резкое преобладание керамики с примесью ракушки, появление новых форм сосудов, неизвестных в памятниках типа Выхватинцы—Солончены II, в частности, чаш с утолщенным прямым или косо срезанным внутри плоским краем, украшенными оттисками шнура.

Ранее мы отмечали сходство керамики днестровских памятников типа Выхватинцы—Солончены II и усатовских. В частности, в кухонной посуде Выхватинского могильника уже заметны те черты, которые станут характерными для усатовской керамики с примесью ракушки. Аналогичны формой и столовые расписные сосуды из Усатова и Выхватинцев, однако роспись на последних выглядит более изысканной, парадной; рисунок здесь несколько усложненный, широко применяется красная краска. Очевидно, эти различия указывают на более ранний возраст некоторых позднетрипольских могильников и поселений Днестра по отношению к памятникам усатовского типа¹⁵. Хронологический разрыв в этом случае был незначительным. Что же касается днестровских позднейших поселений типа Звенячин—Цвикловцы, то они в целом младше усатовских. Лишь поселение Стойкани, где, по свидетельству М. Петре-

¹¹ Т. Г. Мовша. О северной группе позднетрипольских памятников.—СА, 1971, № 1, стр. 31—54.

¹² Там же, стр. 33—34; Т. Г. Мовша. Позднетрипольское поселение в с. Жванец.—КСИА, вып. 123. М., 1970, стр. 84—93.

¹³ Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 16—24; Т. Г. Мовша. Многослойное трипольское поселение Солончены II.—КСИА, вып. 105. М., 1965, стр. 98—99.

¹⁴ Т. Г. Мовша. О северной группе..., стр. 35—45.

¹⁵ К такому же мнению пришла и Т. Г. Мовша, см. Т. Г. Мовша. О северной группе..., стр. 50.

ску-Дымбовицы, встречаются чаши с плоским срезом венчика¹⁶, может быть отчасти синхронным с ними.

В Попрутье мы пока не знаем памятников, синхронных усатовским. К более раннему времени относится группа поздне трипольских поселений, открытых недавно на левобережных притоках р. Прут (Кубань, Варатик, Костешты и др.)¹⁷. Здесь преобладает столовая посуда, в росписи которой заметны архаичные черты, свойственные орнаментальным мотивам керамики более ранних поселений, таких как Петрены, Варваровка и др. Более поздним, чем усатовские памятники, является на Пруте известное поселение в с. Городище (Румыния), керамика которого вполне аналогична посуде упоминавшихся выше памятников типа Звенячин—Цвикловцы на Днестре. К этому же времени, возможно, относятся грунтовые могильники в селах Бэлтень и Вишан (Румыния)¹⁸, Данку (МССР)¹⁹.

Труднее провести хронологическое сопоставление памятников усатовского типа и поселений городско-волинского локального варианта. В целом, этап у/II на юге соответствует по времени этапу С/II на севере, однако в пределах этапа С/II сейчас также выделяются группы разновременных памятников. Как отмечает Е. Ф. Лагодовская, наиболее ранним является поселение в с. Колодяжин²⁰. Здесь найдены грушевидные амфоры и конические миски — формы, характерные для керамики этапа С/II. Шнуровой орнамент встречается на керамике редко; довольно много расписной посуды. Все это говорит о том, что поселение относится к самому началу этапа С/II или даже к переходному периоду от этапа С/II к этапу С/III. Мы не знаем ни одного памятника усатовского типа, относящегося к этому времени. По-видимому, формирование волинского варианта началось раньше, чем поздне трипольские памятники появились в причерноморских степях.

К более позднему времени относятся поселения Троянов, Паволочь, Войцеховка и др.²¹ Столовая расписная посуда этих поселений, в частности Троянова, близка керамике среднеднестровского и усатовского вариантов; здесь обнаружены высокогорлые кувшины, амфорки с коническими крышками, полусферические чаши. Шнуровой орнамент на кухонных сосудах встречается чаще, чем на посуде из Колодяжина. Очевидно, эти поселения синхронны основным памятникам усатовского типа (комплексу в селах Усатово—Большой Куяльник и Нижнеднестровским курганам).

¹⁶ M. Petrescu-Dâmbovița. Cetățuia de la Stoicani.— Materiale arheologice privind istoria veche a RPR, v. I. București, 1953, стр. 112, рис. 49, 13.

¹⁷ Н. А. Кетрару. Поздне трипольское поселение у с. Кубань в Молдавии.— Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР. Кишинев, 1964; его же. Археологические разведки в долине р. Чугур; там же, стр. 265—270.

¹⁸ N. Zaharia. Două vase pictate din grupul, Horodiștea—Foltești descoperite în raionul Jasi.— Arheologia Moldovei, II—III. București, 1964, стр. 430—443.

¹⁹ В. А. Дергачев. Изучение памятников бронзового века в Молдавии.— АО за 1969. М., 1970, стр. 352.

²⁰ О. Ф. Лагодовська. Пізньотрипольське поселення у с. Сандраках.— АП, т. VI, К., 1956, стр. 129.

²¹ М. М. Шмаглій. Городско-волинський варіант пізньотрипольської культури, стр. 36.

К наиболее поздней группе волинских памятников относятся поселения Городск, Новочерторья и др.²², аналогичные памятникам типа Звенячин—Цвикловцы на Днестре, Городище — на Пруте, Печоре и Сандракам — на Южном Буге. В Северо-Западном Причерноморье лишь поселение Стойкани может быть синхронизировано с ними.

И, наконец, можно в целом считать памятники усатовского типа и киево-софиевского локального варианта, представленного в основном могильниками (Софиевским, Краснохуторским и др.), синхронными. Мы уже отмечали сходство некоторых типов посуды, кремневых и каменных изделий, украшений этих двух групп позднего Триполья. Не вызывает сомнения сходство медных кинжалов из усатовских курганов и Краснохуторского могильника (рис. 27, 6—8), проявляющееся в близости форм и технологических приемов изготовления. Следует отметить не только общее сходство в керамике, орудиях труда и т. д., но и совпадение отдельных деталей, свидетельствующее о практической одновременности некоторых усатовских и софиевских памятников. Так, в Софиевском могильнике встречены фрагменты сосудов с налечами в виде лап животного; точно такими же «лапками» снабжен кубок из отмученной глины, найденный на поселении Усатово—Большой Куяльник (рис. 35, 12).

Общее сопоставление усатовских памятников с позднетрипольскими поселениями и могильниками других территорий показывает, что конкретное содержание термина «городско-усатовский этап», введенного в свое время Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевским, нуждается в постоянном уточнении по мере выделения новых типов памятников в разных микрорайонах позднетрипольского ареала.

В последние годы появились новые археологические источники, позволяющие на более надежной основе рассмотреть вопросы синхронизации позднетрипольских локальных вариантов (в том числе усатовского) с энеолитическими культурами сопредельных территорий. В Северо-Западном Причерноморье, в частности, были открыты многочисленные погребения ямной культуры, ранее почти неизвестные здесь. Сейчас исследователи выделяют в ямной культуре (или культурно-исторической области), занимающей огромные степные пространства Европейской части СССР, ряд локально-хронологических вариантов, причем наиболее древние ее памятники сосредоточены в Нижнем Поволжье²³. Как считает Н. Я. Мерперт, ямная культура прошла в своем развитии через три хронологических этапа²⁴, но они засвидетельствованы не для каждого варианта. Вообще периодизация памятников этой культуры чрезвычайно затруднена, ибо поселения ее немногочисленны, а стратиграфия курганов часто фиксирует лишь последовательность погребений (обычно безинвентарных), разделенных небольшим интервалом времени.

Эталонем ямной культуры Степной Украины стало Михайловское поселение, слой которого, с характерным для каждого керамическим

²² М. М. Шаглый. Городско-волинский вариант пізньотрипільської культури, стр. 36; Т. Г. Мовша. О северной группе..., стр. 35—45.

²³ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 14—39.

²⁴ Там же, стр. 47—48.

комплексом, отражают два последовательных хронологических этапа культуры — ранний (Михайловка II) и поздний (Михайловка III)²⁵. Эти этапы в какой-то степени зафиксированы и стратиграфией погребений Степного Приднепровья²⁶.

У нас очень мало надежных данных, в первую очередь стратиграфических, для хронологического сопоставления раннего этапа ямной культуры на Украине с усатовскими позднетрипольскими памятниками. Находки фрагментов импортных позднетрипольских расписных сосудов в жилище № VIII (нижний горизонт среднего слоя) Михайловского поселения²⁷ указывают на одновременность позднего Триполья и раннеямных памятников. Однако этот вопрос нуждается в уточнении, так как упомянутые расписные черепки могут относиться и к началу (Стена) и к концу (Сандраки) позднего Триполья. Очевидно, об одновременности усатовских и раннеямных памятников свидетельствует яйцевидный сосуд из II грунтового могильника в с. Усатово (рис. 33, 15), находящийся аналогии в керамике Михайловки II²⁸.

Из многочисленных ямных погребений Северо-Западного Причерноморья ни одно нельзя с уверенностью отнести к раннему этапу (то есть ко времени Михайловки II)²⁹. Выделяя среди погребений ямной культуры этого района группу наиболее древних (основные погребения курганов № 1 у с. Нерушай, 2 — у с. Глубокое, 4, 8, 10 — у с. Баштановка и другие, а также некоторые впускные), Н. М. Шмаглий и И. Т. Черняков предлагают для них совершенно неубедительные и противоречащие друг другу хронологические сопоставления. Эти погребения они датируют то послеусатовским временем, то «общедревнеямным», по Н. Я. Мерперту (то есть доусатовским этапом), или временем нижнего слоя Михайловки (Михайловка I)³⁰. Между тем, ни погребальный обряд, ни инвентарь, правда, встречающийся крайне редко, не указывают на раннюю дату этих погребений. Более того, при основном погребении кургана № 1 у с. Огородное (II могильник) найден сосуд, обычный для памятников эпохи ранней бронзы Подунавья и Балкан (культура Шнекенберг и др.)³¹.

²⁵ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч.

²⁶ Б. Н. Граков. Археологические раскопки близ Никополя.— ВДИ, № 1 (6). М., 1939, стр. 272; О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века и предкифского времени на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115. М., 1962, стр. 6—14.

²⁷ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 96—97, рис. 32, 3—6; О. Г. Шапошникова. Новые данные о Михайловском поселении.— КСИА, вып. 11. К., 1961, стр. 42.

²⁸ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., табл. VII, 6.

²⁹ Исключением, пожалуй, является основное погребение кургана у с. Градишта (МССР) с архаичным по форме сосудом. См. Т. Г. Оболдуева. Курганы эпохи бронзы на р. Когильник.— ИМФ АН СССР, № 5 (25). Кишинев, 1955, стр. 42—44.

³⁰ Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра.— МАСП, вып. 6, ч. 1. Одесса, 1970, стр. 105.

³¹ Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглий. Курганы у с. Огородное, стр. 147, рис. 12, 4.

Считаем, что все погребения ямной культуры, открытые в последние годы в Северо-Западном Причерноморье, относятся к поздним фазам развития этой культуры на Украине. В некоторых курганах (Нерушай, курганы № 9, 10; Огородное I, курган 1 и другие) исследователям удалось зафиксировать стратиграфически более поздний возраст ямных погребений (впускные) сравнительно с усатовскими (основные, нередко ограбленные и разрушенные ямниками)³². Бесспорен ли сделанный на этом основании вывод о хронологическом разрыве между позднетрипольскими и ямными племенами³³? При раскопках кургана № 10 у с. Нерушай удалось установить, что основное усатовское погребение было разграблено ямниками еще до того, как покойник полностью разложился и охра, которой он был посыпан, успела осесть на кости³⁴, то есть ограбление произошло практически сразу же после захоронения. Многие усатовские погребения в курганах Днестро-Дунайского междуречья обильно посыпаны охрой — обычай, не характерный для усатовцев, но присущий ямникам и, конечно, заимствованный у них. Наконец, в курганах у сел Колодистое (Побужье)³⁵ и Брэилица (Румыния)³⁶ под позднетрипольскими погребениями с богатым инвентарем были вскрыты безинвентарные захоронения, относящиеся, по-видимому, к ямной культуре. Кроме того, стратиграфия известного Одесского кургана свидетельствует об одновременности выявленных здесь позднейших и усатовского погребений³⁷.

Приведенные данные позволяют считать, что в Северо-Западном Причерноморье и на соседних территориях позднетрипольские памятники доживают до позднего этапа ямной культуры (по крайней мере, до его начала).

В работах, посвященных эпохе неолита-бронзы в Северном Причерноморье, часто можно встретить утверждение о том, что позднетрипольская культура синхронна катакомбной³⁸ или относится к более позднему времени³⁹. Сторонники первой точки зрения полагают, что керамика памятников усатовского типа и посуда катакомбных поселений весьма близки по своей орнаментации⁴⁰. На деле сходство заключается лишь в том, что керамика некоторых поселений позднейшего-катакомбного времени в низовьях Днестра (Дурна Скеля и др.) изредка бывает украшена

³² Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков. Указ. соч., стр. 91—92; Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглий. Указ. соч., стр. 135—136.

³³ Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков. Указ. соч., стр. 93.

³⁴ Там же, стр. 35.

³⁵ А. А. Спицын. Раскопка курганов близ с. Колодистого Киевской губ., — ИАК, вып. 12, 1904, стр. 122—125.

³⁶ В. Зирра. Культура погребений с охрой в закавказских областях РНР. — МИА Ю-З СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 104.

³⁷ В. Г. Збенович, А. М. Лесков. О стратиграфии и классификации погребений Одесского кургана. — КСИА, вып. 115. М., 1969, стр. 29—38.

³⁸ См., например, Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 177; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. — Труды ГИМ, вып. XXIV. М., 1955, стр. 75, 131, 132.

³⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 1. М., 1966, стр. 119—122.

⁴⁰ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 131—132.

оттисками шнура в виде серпиков — факт отнюдь не являющийся надежным показателем синхронности культур.

Правильность второй гипотезы, на первый взгляд, подтверждает стратиграфия Одесского кургана (Слободка—Романовка), сооруженного над погребениями ямной культуры, а затем несколько раз досыпанного⁴¹. С поверхности первой насыпи в курган были впушены катакомбные погребения, а выше их, уже во второй насыпи, обнаружен разбитый расписной сосуд усатовского типа. Однако внимательное изучение обстоятельств находки по дневникам А. В. Добровольского позволяет установить, что сосуд этот первоначально находился при одном из самых древних захоронений, разрушенном впоследствии более поздним погребением; именно так следует объяснить его нахождение во второй насыпи кургана⁴².

Стратиграфия Одесского кургана, таким образом, объективно отражает последовательность перемещения этнических массивов в Северо-Западном Причерноморье при переходе от энеолита к эпохе бронзы, когда на смену позднетрипольской (в ее усатовском варианте) и ямной культурам приходит катакомбная культура.

Хронологически сопоставляя памятники усатовского типа с майкопской культурой, мы опираемся, главным образом, на сходство их металла. Усатовские памятники частично совпадают во времени с ранней (основное погребение Майкопского кургана, Усть-Джегутинские курганы⁴³ и т. д.), а также поздней (Новосвободненские дольмены и др.) фазами развития майкопской культуры. Косвенно эта синхронизация подтверждена стратиграфией кургана № 6 у станции Мекенской, основное погребение которого, относящееся к раннему этапу майкопской культуры, и впускное-позднеямное разделял небольшой промежуток времени⁴⁴.

Весьма важно также установить хронологическое соотношение между поздним Трипольем Северо-Западного Причерноморья и культурами, занимавшими в конце энеолита соседние территории правобережья р. Прут и Нижнего Подунавья. Уже отмечалось, что влияние населения Подунавья отчетливо сказалось на керамическом комплексе памятников усатовского типа; это обстоятельство помогает установить ту археологическую культуру, в лице которой предстают перед нами западные соседи усатовских племен. Речь идет о культуре Чернавода, сменившей в широкой придунайской полосе вплоть до юга Олтении «старые» энеолитические культуры, — Гумельницу и Селкуцу — и впитавшей многие их чер-

⁴¹ А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместьи Одессы Слободка—Романовка.— ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915, стр. 121—144; В. А. Городцов. Классификация погребений Одесского кургана.— Отчет Российского исторического музея за 1915 г. М., 1917, стр. 117—142.

⁴² В. Г. Збенович, А. М. Лесков. О стратиграфии и классификации погребений Одесского кургана, стр. 36—37.

⁴³ Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике.— СА, 1966, № 3, стр. 133—151.

⁴⁴ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станции Мекенской.— Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 39—41.

ты. Еще недавно эту культуру исследователи считали единой и разделяли на три сменяющие друг друга фазы — I, II и III⁴⁵. Работы последних лет позволили румынским археологам на большом материале, ранее суммарно отнесенном к культуре Чернавода, выделить три самостоятельных разновременных культуры. Две из них (Чернавода I и III) генетически связаны между собой, третья (Чернавода II) — особое культурное явление, весьма близкое культуре Фолтешти II в Молдове⁴⁶.

Культуры Чернавода II и III (последняя по металлическим изделиям и керамике весьма напоминает культуры ранней бронзы Дунайского бассейна), несомненно, относятся к послеусатовскому времени. Большую часть известных сейчас памятников культуры Чернавода I (поселения Кырноги, Кэсчиоареле, Ульмень-Теушанка и др.) румынские исследователи синхронизируют сейчас с фазой В культуры Кукутени, то есть Трипольем C/I—γ/I⁴⁷. Однако следует заметить, что керамика указанных поселений имеет много сходных черт с посудой памятников усатовского типа (округлотелые амфорки, полусферические чаши, миски из глины с примесью ракушки, украшенные шнуровым орнаментом и «жемчужинами»). Сходство это весьма заметно на материалах поздних памятников рассматриваемой культуры (Олтеница—Рени I и II), что позволяет говорить о частичной синхронности последней с памятниками усатовского типа⁴⁸.

Абсолютная хронология. Установление абсолютной хронологии памятников усатовского типа имеет важное значение для датировки всего позднего Триполья, так как именно здесь обнаружено большое количество металлических изделий, позволяющих прибегнуть к широким хронологическим сопоставлениям.

Более 20-ти лет тому назад Т. С. Пассек предложила датировку позднетрипольских памятников этапа C/II—γ/II, основанную на сравнении медных кинжалов, топориков, украшений с аналогичными изделиями из хорошо датированных комплексов Восточного Средиземноморья и Центральной Европы⁴⁹. Эта датировка (2000—1700 гг. до н. э.) была принята почти всеми исследователями трипольской культуры.

В последние годы многие нео-энеолитические памятники Европы датированы радиоуглеродным методом, что повлекло за собой удревнение всех европейских культур эпохи неолита и медного века. В 1962 г. Т. С. Пассек разработала с учетом датировок по C¹⁴ новую хронологическую схему трипольской культуры, в рамках которой памятникам позднего Триполья отводится вторая половина III тысячелетия до н. э.⁵⁰. В целом с этой датировкой можно согласиться, но она нуждается в уточ-

⁴⁵ D. Berciu. Contribuții..., стр. 135—138, его же. Quelques données préliminaires concernant la civilisation de Cernavoda, стр. 269—280.

⁴⁶ S. Morintz, P. Roman. Указ. соч., стр. 45—128.

⁴⁷ Там же, стр. 47—77, 119—128.

⁴⁸ Там же, стр. 76—80, 119—128.

⁴⁹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 210.

⁵⁰ T. Passek. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale a l'époque néolithique.— VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques, Les rapports et les informations des archeologues de l'URSS, Moscou, 1962.

нении применительно к каждому поздне трипольскому локальному варианту⁵¹.

Определяя абсолютную датировку памятников усатовского типа, мы вновь обращаемся к наиболее надежному источнику — медным кинжалам, имеющим, как уже отмечено, прямые аналогии в энеолитических памятниках Крита и соседних с ним территорий.

Для Крита в начале II раннеминойского периода характерны небольшие треугольные кинжальчики, часто со слегка вогнутой основой, но вскоре здесь появляются большие кинжалы пламевидной и подтреугольной формы с хорошо выраженной нервюрой⁵². Характерны они и для всего III раннеминойского периода⁵³. Кинжалы этого типа можно встретить также в некоторых памятниках I среднеминойского периода⁵⁴, однако в них уже заметны черты, которые будут свойственны более поздним критским и микенским большим кинжалам и длинным мечам: появляется широкий плоский черешок с отверстиями, клинок становится более длинным и массивным, нервюра утолщается.

Таким образом, прототипы усатовских кинжалов на Крите и в соседних районах Эгеиды бытуют в промежутке между концом II раннеминойского и началом — серединой I среднеминойского периодов. Для определения этого отрезка времени обратимся к хронологическим схемам, предложенным специалистами по археологии Средиземноморья — Дж. Пендлбери⁵⁵, Вл. Милойич⁵⁶, С. В. Вейнберг⁵⁷, К. Ренфрю⁵⁸. Согласно этим схемам конец II раннеминойского периода приходится на 2500 г. до н. э., а начало — середина I среднеминойского периода датируется примерно 2100 г. до н. э. К этому же времени (то есть приблизительно к 2400—2200 гг. до н. э.) можно отнести также кинжалы усатовского типа, а значит и весь комплекс памятников на территории с. Усатово.

Близкие даты мы получаем, идя по другому пути. Уже отмечалось, что позднее Триполье Северо-Западного Причерноморья синхронно культуре Чернавда I, в свою очередь одновременной и родственной культуре раннебронзового века Южной Болгарии, представленной прежде всего поселением Езеро (Дипсийска Могила)⁵⁹. Блестящий материал, полу-

⁵¹ Датировку поздне трипольских памятников Волыни предложил Ю. Н. Захарук. См. Ю. Н. Захарук. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни.— КСИА АН УССР, вып. 12. К., 1962, стр. 51—52.

⁵² Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 86.

⁵³ Ch. Zervos. L'art de la Crète néolithique et Minoenne. Paris, 1956, табл. 192.

⁵⁴ Там же, табл. 193.

⁵⁵ Дж. Пендлбери. Указ. соч., стр. 401.

⁵⁶ V. Milošević. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel und Südosteuropas. Berlin, 1949.

⁵⁷ S. Weinberg. The relative Chronology of the Aegean in the stone and early bronze age.— Chronologies in Old World archaeology. Chicago—London, 1965, стр. 313.

⁵⁸ C. Renfrew. Cycladic Metallurgy and the Aegean Early Bronze Age, стр. 4.

⁵⁹ Н. Я. Мерперт. Ранний бронзовый век Южной Болгарии. Первый конгресс балканских исследований.— Сообщения Советской делегации. М., 1966; Г. И. Георгиев, Н. Я. Мерперт. Раскопки многослойного поселения у с. Езеро близ г. Новая Загора в 1963 г.— Известия на Археологическия Институт, XXVIII. София, 1965, стр. 128—159.

ченный при раскопках 13 верхних горизонтов Езеро, относящихся к эпохе ранней бронзы, находит ближайšie аналогии в памятниках Анатолии и тем самым дает возможность для хронологической привязки памятника к надежно датированным слоям Трои. В целом, исследователи синхронизируют слой ранней бронзы в Езеро с I—IV слоями Трои (конец 1-й и вся 2-я половина III тысячелетия до н. э.)⁶⁰.

Поздние фазы культуры Чернавода I (и следовательно, памятники усатовского типа) нужно синхронизировать, очевидно, со средними горизонтами слоя раннего бронзового века в Езеро (и в первую очередь горизонтами V—VI, где найдено большое количество керамики, украшенной шнуром). По-видимому, не будет ошибкой хронологически сопоставить их с II—III слоями Трои, охватывающими вторую половину III тысячелетия до н. э.⁶¹

И, наконец, в общем синхронная позднеприпольским памятникам Причерноморья майкопская культура сейчас датируется исследователями второй половиной III тысячелетия, путем привязки ее к культурам Малой Азии, Месопотамии и Ирана⁶².

Судя по приведенным данным, памятники усатовского типа, представляющие позднеприпольскую культуру Северо-Западного Причерноморья, следует отнести ко второй половине III тысячелетия до н. э., то есть примерно к 2400—2000 гг. до н. э.

В заключение приводим даты по C^{14} для поселения Маяки: 2390 и 2450, полученные соответственно в лабораториях Ленинграда⁶³ и Берлина⁶⁴. Серия близких дат получена также для поселений Езеро⁶⁵ и Чернавода⁶⁶. Таким образом, результаты радиоуглеродного анализа в какой-то степени подтверждают предложенную выше абсолютную датировку памятников усатовского типа.

⁶⁰ Г. И. Георгиев, Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 152—156; Н. Я. Мерперт. Ранний бронзовый век Южной Болгарии, стр. 23—30; Н. Я. Мерперт, Г. И. Георгиев. Поселение Езеро и его место среди памятников раннего бронзового века Восточной Европы.— Доклад на Симпозиуме по проблемам баденской культуры. Нитра, 1969, стр. 1—31.

⁶¹ J. Mellaart. Anatolian chronology in the early and middle Bronze age.— *Anatolian Studies*, VII. London, 1957, стр. 55—88.

⁶² А. А. Иессен. Майкопская культура и ее датировка.— Тезисы докладов на заседаниях Отделения исторических наук АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 19—22; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 144—147.

⁶³ А. А. Семенов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА.— СА, 1969, № 1, стр. 256.

⁶⁴ H. Quitta, G. Kohl. Neue Radiocarbonaten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion.— *Zeitschrift für Archäologie*, N. 3. Berlin, 1969, стр. 248.

⁶⁵ Там же, стр. 230.

⁶⁶ G. Kohl, H. Quitta. Berlin—Radiocarbonaten archäologischer Proben I.— *Ausgrabungen und Funde*, B. 8, H. 6. Berlin, 1963, стр. 297.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

СЛОЖЕНИЕ УСАТОВСКОГО ВАРИАНТА

В предыдущих главах, характеризуя памятники усатовского типа и разнообразный археологический материал, полученный при их исследовании, говоря о хозяйственных занятиях, идеологии, социальном строе людей, оставивших эти памятники, мы стремились подчеркнуть черты сходства в материальной и духовной культуре усатовских племен и трипольского населения соседних территорий. Напоминаем, что сходство это проявляется: в некоторых деталях планировки поселений (наличие оборонительных рвов); в погребальном обряде (покойник чаще всего лежит скорченно на левом боку, головой на северо-восток; при погребенном находится обильный инвентарь; изредка покойники посыпаны охрой); наборе и типах орудий труда и украшений; керамическом комплексе (расписная посуда; наличие таких сосудов, как чаши, цедилки, большие зерновки, отчасти горшки и кубки; отпечатки циновки на днищах сосудов); идеологии (земледельческо-скотоводческая направленность культа; наличие антропоморфных и зооморфных статуэток).

Особенно заметно это сходство при сравнении памятников усатовского типа с памятниками среднестровского локального варианта позднего Триполья, представленными, в первую очередь, Выхватинским могильником.

Такую близость можно объяснить лишь существованием между указанными группами памятников прочных и неразрывных генетических связей.

С другой стороны, мы отмечали, что определенные черты материальной и духовной культуры усатовских племен не связаны с трипольскими традициями и своим появлением обязаны контактам трипольцев с индоевропейским населением более восточных территорий. Следует отметить, что направленность, характер и результаты этих контактов по-разному оцениваются исследователями: многие склонны преувеличивать роль трипольских контрагентов, отрицая тем самым генетическую связь памятников усатовского типа с более ранним Трипольем.

Среди советских исследователей эту мысль поддерживает А. Я. Брюсов. Он считает, что в начале II тысячелетия до н. э. продвинувшиеся с востока племена катакомбной культуры, поддерживаемые носителями культур шаровидных амфор и среднестровской, вытеснили трипольцев с занимаемых территорий. Результатом этого нашествия явилось сложение двух новых культур — усатовской и городской. Племена новообразованной усатовской культуры ассимилировали, по мнению А. Я. Брюсова, оставшееся трипольское население ¹.

¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 228 и сл.

Известный английский исследователь Г. Чайлд также пишет о самостоятельной усатовской культуре, основную группу носителей которой составляют трипольцы-земледельцы; чуждой в этническом отношении является небольшая прослойка их вождей-скотоводов (pastoral overlords). Как полагает Г. Чайлд, эти вожди могут быть представителями племен средневропейских культур боевых топоров либо причерноморских культур «охровых могил»².

Т. Сулимирский считает этническим компонентом смешанной (hybrid) усатовской культуры пастушеские ямные племена, ассимилировавшие потомков местных мезолитических охотников-рыболовов. Впоследствии к ним присоединились группы носителей ранних культур шнуровой керамики. Завершают формирование усатовской культуры также пришедшие с северо-запада и смешавшиеся по дороге с трипольским населением Среднего Днестра люди культуры шаровидных амфор. Именно они, по Т. Сулимирскому, являлись «хребтом усатовских правящих классов» и сыграли роль в установлении коммерческих связей с севером и южными районами — Анатолией и Эгеидой³.

Мысль о смешанном характере усатовской культуры развивает и Л. Килиан. Одним из основных этнических компонентов этой культуры, по его мнению, явились племена средневропейских культур шнуровой керамики, продвинувшиеся далеко на юго-восток и смешавшиеся с трипольцами⁴.

Американский археолог М. Гимбутас считает, что усатовская культура — вариант особой «курганной» культуры, уничтожившей Триполье и впитавшей некоторые его черты. Помимо усатовской, вариантами «курганной» культуры являются, по мнению М. Гимбутас, ямная, майкопская и другие культуры юга Европейской части СССР⁵.

К степным северопричерноморским культурам относит памятники усатовского типа и Вл. Думитреску. В ряде статей он последовательно проводит идею о том, что трипольская культура закончила свою эволюцию на этапе С/І—γ/І (фаза Кукутени В, по терминологии румынских исследователей) под ударами «понтйских» племен. Усатовская культура при этом заимствовала многие культурные и этнические элементы Триполья⁶.

² G. Child. Prehistoric migrations in Europe. Oslo, 1950, стр. 142—143; его же. The prehistory of European Society. London, 1958, стр. 142—144.

³ T. Sulimirski. The problem of the Survival of the Tripoly Culture PPS for 1950.— New series, vol. XVI, Cambridge, стр. 42—51; его же. Corded Ware and Globular Amphorae North—East of the Carpathians. London, 1968, стр. 79—82; его же. Prehistoric Russia. London, 1970, стр. 180—181.

⁴ L. Kilian. Schnurkeramik und Ockergrabkultur.— SMYA, 59, 2. Helsinki, 1957, стр. 35—41, 50—52.

⁵ M. Gimbutas. The prehistory of Eastern Europe, part I.— American School of Prehistoric research, bulletin N 20. Cambridge, Mass, 1956, стр. 105—109; ее же. Notes of the Chronology and Expansion of the Pit—grave Culture.— L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961, стр. 198.

⁶ Vl. Dumitrescu. Originca și evoluția culturii Cucuteni—Tripolie.— SCIV, 1963, N 2, стр. 285—305; его же. The data of earliest western expansion of the kurgan tribes.— Dacia, VII. Bucarest, 1963, стр. 495—500; его же. Considerații asupra problemei fazei finale a culturii Cucuteni—Tripolie.— Omagiu lui P. Constantinescu—Jași. București, 1965, стр. 52—57.

Весьма противоречивые точки зрения, приведенные выше, строятся, в основном, на неверных хронологических посылах; в результате сложение памятников усатовского типа связывается с синхронными им или даже более поздними культурами. Упомянутые авторы, недостаточно знакомые с археологическим материалом, не приводят развернутой аргументации в поддержку своих гипотез. Достаточным основанием для важных исторических построений они считают сходство некоторых элементов материальной культуры (например, наличие амфор у племен культуры шнуровой керамики и усатовцев), еще не нашедшее должного объяснения. Отсюда возникают громоздкие и умозрительные генетические схемы, в которых Триполью почти нет места (Т. Сулимирский). Интересуясь лишь различиями, М. Гимбутас, Т. Сулимирский и другие авторы упускают многие общие черты в материальной и духовной культуре усатовских племен и Триполья Лесостепи (в первую очередь позднетрипольской культуры Среднего Днестра).

Взглядам названных исследователей противоречат выводы, сделанные в каждой главе настоящей работы.

Анализ конкретного археологического материала позволяет нам поставить вопрос об этнических компонентах, принявших участие в создании такого своеобразного историко-культурного явления, как усатовский локальный вариант позднего Триполья. Процесс его сложения, который может быть намечен лишь в самых общих чертах, был подготовлен многовековым периодом постепенного освоения трипольцами территории Северного Причерноморья, в том числе и степных его районов. Последовательное продвижение трипольских племен на юг совершалось главным образом по течению Днестра. Не случайно именно в Поднестровье выявлено столь значительное количество разновременных памятников трипольской культуры.

Уже на раннем этапе в южную часть Среднего Поднестровья, на границу со Степью, спорадически проникали небольшие группы трипольского населения, оставившие такие поселки, как Солончены I и II, Голерканы и др.⁷ Примерно на этой же широте расположены некоторые раннетрипольские поселения Побужья (Александровка на р. Кодыма)⁸.

На этапе развитого Триполья плотность населения в южной части Среднего Поднестровья постепенно возрастает. Некоторые поселения этого периода (Попенки, Журы⁹, Екиманцы¹⁰ и др.) расположены в степных районах. В степном Побужье к концу развитого Триполья относятся поселения Кирилловка и Черкасов Сад¹¹.

Период позднего Триполья в Поднестровье отмечен значительным увеличением численности населения. По Днестру и его притокам обна-

⁷ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 60—79.

⁸ А. Л. Есипенко. Раннетрипольское поселение Александровка.—МАСП, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 10—23.

⁹ С. Н. Бибиков. Археологические раскопки у поселений Попенки и Журы на Днестре в 1952 г.—КСИИМК, вып. 56. М., 1954, стр. 104—110.

¹⁰ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 27—28.

¹¹ Раскопки А. Л. Есипенко. Коллекция хранится в Одесском государственном археологическом музее.

ружены десятки поселений (рис. 1), причем весьма густо были населены районы на границе Лесостепи и Степи. Так, на сравнительно небольшом (19 км) отрезке правого притока Днестра р. Черны В. И. Маркевич обнаружил 19 позднетрипольских поселений¹².

Можно говорить об относительной перенаселенности Среднего Поднестровья на этапе γ/II . Между тем, в условиях первобытнообщинного строя население отдельных районов могло увеличиваться лишь до определенного предела; дальнейшему его росту препятствовал низкий уровень общественного производства, в связи с чем часть населения должна была эмигрировать¹³.

Несомненно, уровень развития производительных сил позднетрипольского населения Среднего Днестра был довольно низким, о чем свидетельствуют экстенсивность и относительно малая продуктивность сельскохозяйственного производства трипольских племен¹⁴. В этих условиях прокормить постоянно увеличивающееся население можно было лишь за счет расширения пахотных и, соответственно, пастбищных угодий. Однако расширение это имело свои пределы.

Таким образом, для избыточной части позднетрипольского населения Среднего Поднестровья оставался один выход — переселение на новые свободные территории. Поскольку соседние лесостепные районы Попрутья и Побужья также были заняты трипольскими племенами, переселение это могло совершаться лишь на Юг — в степное Поднестровье, к берегам Черного моря¹⁵, где в то время не было еще постоянных обитателей (последнее обстоятельство подтверждено результатами археологических исследований в Северо-Западном Причерноморье).

В условиях новой ландшафтно-климатической зоны постепенно изменяются хозяйственные занятия трипольцев (скотоводство становится ведущей отраслью), многие черты их быта и социальной организации. Кроме того, оторвавшись от основной массы племен Поднестровья и зайдя далеко в степные районы, трипольцы, поселившиеся в Северо-Западном Причерноморье, неминуемо должны были испытать влияние соседних иноэтнических племенных групп. Археологические источники указывают, в частности, на ошутимое влияние со стороны энеолитического населения Северного Кавказа и близких территорий.

Определенные связи между Кавказом и трипольским ареалом намечались еще на этапе V/I , свидетельством чего является находка на посе-

¹² В. И. Маркевич. Археологические памятники в бассейне нижнего течения р. Черны.— ИМФ АН СССР, вып. 5 (25). Кишинев, 1955, стр. 131—136.

¹³ К. Маркс. Вынужденная эмиграция.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8. М., 1957, стр. 567—568.

¹⁴ Выводы С. Н. Бибикова относительно производственных возможностей племен среднего этапа трипольской культуры, по-видимому, действительны и для земледельско-скотоводческого хозяйства позднетрипольских племен Поднестровья. (см. С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, 1965, № 1, стр. 52—58).

¹⁵ Мысль о постепенном продвижении трипольских племен по Днестру к Черному морю уже высказывалась в литературе. См. Т. С. Пассек. Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре.— Доклады VI научной конференции ИА АН УССР. К., 1953, стр. 245.

лении Новые Русешты в Молдавии обломка каменного браслета¹⁶ — украшения, хорошо известного по многим поселениям и могильникам Северного Кавказа и Закавказья¹⁷. К более позднему времени (этап В/II или С/II) относится медный топор-клевец из Веремья (дореволюционная находка В. В. Хвойки), имеющий близкие аналогии в памятниках Закавказья¹⁸ и изготовленный из кавказского металла¹⁹. В свою очередь, на Кавказ попадали изделия трипольцев, такие, например, как глиняная антропоморфная статуэтка, найденная Н. И. Веселовским близ станции Урупской²⁰. Несомненна связь Триполья и со степными памятниками типа Михайловка I — Осокоровка, имеющими кавказскую подоснову. Связь эта проявляется, в частности, в сходстве керамики²¹. В. Н. Даниленко, выдвинувший идею о близости нижнего слоя Михайловки и Осокоровки с майкопской и трипольской культурами, считает даже, что все они относятся к более или менее единообразной культурной области²².

Для интересующей нас проблемы сложения усатовского локального варианта важно установить характер связей между энеолитическим населением Северо-Западного Кавказа, племенами, оставившими памятники с кавказскими чертами (Михайловка I и др.) и трипольцами. Однако вопрос этот из-за скудости источников еще весьма далек от своего разрешения. Сейчас нельзя с уверенностью сказать, отражает ли упомянутое выше сходство в керамике (и некоторых деталях погребального обряда) постепенную передачу в западном направлении определенных черт материальной и духовной культуры энеолитических племен Северо-Западного Кавказа, или мы видим результаты непосредственных контактов, переселения этнических групп с Кавказа. Представляется, однако, что некоторые данные могут свидетельствовать в пользу последнего предположения. Так, при раскопках кургана в долине р. Чатырлык (Северный Крым) в расписном каменном ящике было вскрыто захоронение с набором медных изделий (вилка новосвободненского типа, удлиненное медное долото)²³, позволяющих отнести его к майкопской культуре.

Непосредственно в Северо-Западном Причерноморье, в Одесском

¹⁶ В. И. Маркевич. Многослойное поселение Новые Русешты I. — КСИА, вып. 123. М., 1970, стр. 67—68, рис. 14, 5.

¹⁷ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 134, 146.

¹⁸ Б. А. Куфтин. О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. — Вестник государственного Музея Грузии, т. XII В. Тбилиси, 1944, стр. 300—301; А. А. Мартиросян. К предистории древнейших этапов культуры Армении. — Историко-филологический журнал, № 1 (8). Ереван, 1960, стр. 100—101.

¹⁹ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. — МИА, № 132. М., 1966, стр. 69.

²⁰ В. И. Маркович. Глиняная статуэтка из ст. Урупской. — КСИМК, вып. 76. М., 1959, стр. 108—111.

²¹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 34.

²² В. Н. Даниленко. О ранних звеньях степных восточноевропейских культур шнуровой керамики. — КСИА, вып. 4. К., 1955, стр. 128.

²³ А. А. Щепицкий, Е. Н. Черепанова. Археологические исследования в степном Крыму. — АИУ, вып. 1. К., 1967, стр. 28.

кургане обнаружены погребения (№ 7, 15, 20 и др.), объединяемые сходством обряда и «мегалитичностью» каменных конструкций. Они заметно отличаются от синхронных им погребений ямной культуры и представляют особое явление, связываемое с Кавказом. При погребении № 20, как уже отмечалось, найден округлотелый сосуд из темно-желтой глины, ближайшие аналогии которому известны в памятниках майкопской культуры.

Упомянутые памятники относятся к позднему (Новосвободненскому) этапу майкопской культуры, однако весьма вероятно возможность более ранних миграций с Кавказа, которые могли иметь место на собственно майкопском этапе или даже раньше. Одна из таких миграций и могла привести в конечном счете к сложению своеобразной группы памятников типа Михайловки I — Осокировка, а позднее — кеми-обинской культуры.

Таким образом, в эпоху энеолита возможны последовательные переселения в степное Причерноморье, а также в предгорный Крым этнических групп с Северо-Западного Кавказа. Смешиваясь с местным населением, они передавали ему некоторые черты своей материальной и духовной культуры. Одна из таких групп проникла, по-видимому, в Нижнее Поднепровье, где была ассимилирована продвигавшимися на Юг трипольскими племенами.

Определенную предысторию имеют также взаимоотношения между трипольцами и племенами ямной культуры. Последней в лесостепных и частично степных районах Украины предшествовала среднестоговская культура, генетически с нею связанная²⁴. Уже на ранних памятниках среднестоговской культуры в Поднепровье (Средний Стог, Стрильча Скеля) встречена импортная расписная трипольская керамика этапа В/І²⁵. В это же время подвижные пастушеские среднестоговские племена проникают далеко на запад, в Среднее Поднепровье, что привело к значительным изменениям в материальной культуре живущих здесь трипольцев, у которых появляется керамика с примесью ракушки и «гусеничной» орнаментацией²⁶. Восточный импульс затронул и памятники культуры Кукутени А-В в Молдове.

Связи между Трипольем и среднестоговской культурой сохраняются и на поздних фазах развития последней.

В период, связанный уже с собственно ямной культурой, продвижение на запад продолжается. Мы отмечали, что в Северо-Западном Причерноморье известны лишь очень немногие памятники, которые можно было бы отнести к раннему этапу развития ямной культуры, представленному на Нижнем Днепре средним слоем Михайловского поселения. По-видимому, в это время по широкой полосе Причерноморья продвигались сравнительно небольшие этнические группы, проникающие подчас далеко на запад. Так, на территории Молдовы и Добруджи в некоторых

²⁴ Д. Я. Телегин. Основні риси та хронологія середньостоговської культури.— Археологія, т. XXIII, К., 1970, стр. 3—22.

²⁵ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях..., стр. 126.

²⁶ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры..., стр. 186—199.

курганах обнаружены погребения, в которых покойники лежали на спине в вытянутом положении, — обряд, характерный для наиболее архаичных древнейших погребений Украины. Подобные захоронения (одиночные и коллективные) выявлены, например, в большом кургане у с. Холбока близ Ясс²⁷. К доусатовскому периоду относит Вл. Зирра и наиболее ранние погребения в курганах у Валя Лупулуй и Главанешти Векь (Молдова)²⁸.

Продвигаясь на запад, племена ранней культуры вступали, видимо, в непосредственные контакты с позднетрипольским населением Нижнего Побужья и Поднестровья. Это приводило, как и в предшествующие периоды истории трипольцев, к определенным изменениям в их материальной и духовной культуре. Не исключена также возможность этнического смешения, то есть ассимиляции трипольцами небольших групп ямников.

Таким образом, по мере удаления группы позднетрипольских племен вдоль Днестра в степные причерноморские районы постепенно ослабевали узы, соединяющие их с основным массивом трипольского населения Поднестровья. И, наоборот, — близкое соседство иноэтническим населением степи способствовало усилению контактов с ним.

Влияние племен кавказского происхождения и носителей ямной культуры привело, как мы стремились показать, к значительным изменениям в керамическом комплексе южного Триполья (преобладание лощеной кухонной посуды и шнурового орнамента), а также в погребальном обряде (появление курганов и каменных надмогильных конструкций).

В этой сложной обстановке культурного сближения и, очевидно, этнического взаимопроникновения складывался постепенно усатовский локальный вариант позднего Триполья. О том, что процесс этот был связан с ассимиляцией трипольцами иноэтнических групп населения степи, говорят в какой-то мере и данные антропологии. Так, измерения двух черепов, полученных в 1962 г. при раскопках грунтового могильника в с. Усатово, показали, что они принадлежали представителям разных морфологических типов. Один из них характеризуется чертами узколинейного длинноголового типа европеоидной расы и весьма сходен с черепами из Бильче-Злоге и Выхватинского могильника. Второй череп имеет черты протоевропейского (кроманьонского) типа, характерные для населения степного юга СССР эпохи энеолита — ранней бронзы²⁹. Вывод о том, что антропологический тип людей, оставивших позднетрипольские памятники Нижнего Поднестровья, подвергся влиянию со стороны степных племен, сделан также при изучении черепов Выхватинского могильника³⁰.

²⁷ Şanşierul Valca Jijiei. — SCIV, III, 1952, стр. 97—101.

²⁸ Вл. Зирра. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР. — МИА Ю-3 СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 100—101.

²⁹ Г. П. Зиневич. Палеоантропологический материал из Усатовского могильника. — КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 124—128.

³⁰ М. С. Великанова. Антропологический материал Выхватинского могильника. — МИА, № 84. М., 1961, стр. 210—221.

Последующие работы антропологов, возможно, помогут более четко представить процесс сложения усатовского локального варианта Триполья — такой же сложный и трудноуяснимый, как и любой другой этногенетический процесс.

СВЯЗИ УСАТОВСКИХ ПЛЕМЕН. ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОБУЖЬЯ

Первоначальная территория, занимаемая усатовским локальным вариантом, была сравнительно невелика, ограничиваясь низовьями Днестра и соседними районами Черноморского побережья. Не случайно именно здесь сосредоточено наибольшее количество известных нам памятников усатовского типа. Вся последующая история усатовских племен связана с освоением ими причерноморских степей, с постепенным продвижением на запад и восток, в процессе которого возникали и крепились контакты с населением соседних территорий.

Большой интерес представляет вопрос о связях усатовских племен с трипольским населением бассейна Южного Буга, ибо от его решения зависит определение восточных границ усатовского локального варианта (следует отметить, что в междуречье Днестра и Южного Буга усатовские памятники пока неизвестны).

Позднетрипольские памятники Побужья еще ждут своего исследователя: раскопками здесь затронуты лишь два поселения (Печора и Сандраки) и несколько курганов (Колодистое и др.), давшие слишком небольшой материал, чтобы наполнить конкретным содержанием выделенный Е. Ф. Лагодовской и Т. С. Пассек южнобугский локальный вариант позднего Триполья³¹. При незначительном количестве известных (и тем более, исследованных) здесь памятников остается неясным главное: специфика варианта, его характерные черты и отличие от соседних позднетрипольских локальных группировок. По ряду признаков лежащие в относительно северных лесостепных районах поселения Печора³² и Сандраки³³ можно отнести к заключительной фазе позднего Триполья (северной группе, по Т. Г. Мовше³⁴). К этой же группе памятников, очевидно, относятся расположенные несколько южнее курганы у с. Колодистого (№ VIII и IX) на р. Гнилой Тикич³⁵.

На границе Степи и Лесостепи, на Южном Буге и его притоках в разные годы исследованы памятники (Серезлиевка, Ольшанка, Грушевка и др.), традиционно приписываемые усатовским племенам³⁶. Мы счи-

³¹ Е. Ф. Лагодовская. Трипольское поселение в с. Сандраки Винницкой области и некоторые вопросы позднего Триполья.— КСИА, вып. 2. К., 1953, стр. 76—77; Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре, стр. 28.

³² Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печоры на Ю. Буге.—Археологический сборник, вып. 1. Л., 1959, стр. 166—206.

³³ О. Ф. Лагодовська. Пізньотрипольське поселення у с. Сандраках.—АП, т. VI. К., 1956, стр. 118—129.

³⁴ Т. Г. Мовша. О северной группе позднетрипольских памятников, стр. 36—46.

³⁵ А. А. Спицын. Раскопка курганов близ с. Колодистого, Киевской губ.—ИАК, вып. 12, 1904, стр. 122—125.

³⁶ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 201—204; О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу, стр. 106; Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях..., стр. 68—69.

таем, что веских доказательств в пользу такой точки зрения нет; однако рассмотрим этот вопрос подробнее.

В 1941 г. при обследовании двух островов на р. Южный Буг, лежащих против с. Грушевки Первомайского района Николаевской области, на одном из них были собраны фрагменты поздне трипольской керамики³⁷. Наводнения смыли с гранитной основы острова весь грунт, полностью разрушив поселение. Поздне трипольские черепки были собраны тогда же и на втором острове. Столовая и кухонная посуда, украшенная иногда серповидным веревочным орнаментом, позволила Т. Г. Сисковой и Е. Ф. Лагодовской назвать Грушевку поселением усатовского типа. В архиве Е. Ф. Лагодовской сохранились зарисовки керамики с первого Грушевского острова (рис. 45, 1—3) и краткое ее описание³⁸, судя по которым в глине кухонных сосудов отсутствует примесь ракушки. Кроме того, на острове были найдены фрагменты горшков, украшенных коническими налечами у основания шейки в сочетании с отпечатком веревочки или подтреугольными наколами. Подобные сосуды совершенно не характерны для памятников усатовского типа, но часто встречаются в более северных районах Лесостепи³⁹. Поэтому есть основания полагать, что поселение у с. Грушевка не является памятником усатовского типа, а схоже с поздне трипольскими поселениями лесостепного Побужья. Летом 1969 г. автор обследовал 2-й Грушевский остров, отделенный от первого узкой протокой. Площадь его 350×160 м; в центре сохранился овальный останец земли (55×26 м), рассеченный большими гранитными скалами и поднимающийся над уровнем летней воды на 4 м. Вся остальная часть острова сплошь усеяна гранитными валунами. В раскопе, заложенном на останце, культурный слой не обнаружен, но среди валунов были собраны фрагменты столовой керамики с монохромной черной росписью, относящиеся к началу позднего Триполья (этап С/1, по Т. С. Пассек). Усатовской посуды на острове не найдено.

Также нет достаточных аргументов в пользу отнесения к усатовской группе нескольких курганов, раскопанных в бассейне р. Синюха (левый приток Южного Буга) у сел Серезлиевка, Ольшанка, Ермолаевка. Еще в 1904 г. Д. М. Щербаковский исследовал у Серезлиевки семь курганов, два из которых представляют особый интерес⁴⁰. В кургане № 4 с каменным кромлехом обнаружен скелет, лежащий скорченно на спине (ориентирован на северо-восток), а при нем сосуд из отмученной глины — небольшой горшочек с угловатыми плечиками, украшенный монохромной черной росписью в виде опоясывающей шейку полоски, от которой вниз наискось идут короткие черточки (рис. 45, 4). В кургане № 7 (также с кромлехом) покойник лежал вытянуто на спине, головой

³⁷ Т. Сискова. Попередній звіт про розкопки в с. Грушівка, Первомайського району.— АП, т. 1. К., 1949, стр. 184—195.

³⁸ Архив ИА АН УССР, Лаг./32.

³⁹ Последнее обстоятельство отмечает и Е. Ф. Лагодовская, см. О. Ф. Лагодовская. Памятки усатівського типу, стр. 102.

⁴⁰ Д. М. Щербаковский. Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний.— АЛЮР, 1905, № 1-2, стр. 9—10, табл. I, рис. 1.

Рис. 45. Материалы поздне трипольских памятников Побужья.

1—3 — Грушевка; 4 — Серезлиевка, курган 4; 5 — Владимировка, курган; 6, 9 — Ольшанка, курган 3; 7, 8, 12, 13 — Ермолаевка, курган 2; 10, 11 — Ольшанка, курган 2; 14 — Серезлиевка, курган 7.

на северо-восток. У кисти руки обнаружены кусок охры и небольшая глиняная антропоморфная статуэтка, сильно стилизованная, с согнутым корпусом, расширенным уплощенным основанием, украшенная наколами и врезанными крест-накрест линиями (рис. 45, 14).

В соседнем селе Ольшанке при раскопках кургана № 2, в могиле перекрытой камнем и бревнами, было вскрыто парное погребение. Один скелет, окрашенный охрой, лежал скорченно на правом боку (ориентирован на запад), второй — в таком же положении на левом боку (ориентирован на север). При первом покойнике обнаружен плоский медный топорик, при втором — роговое орудие типа клевца (рис. 45, 11—10)⁴¹. В кургане № 3 при единственном погребении (покойник лежал скорченно, головой на северо-восток) выявлен довольно богатый инвентарь. У головы стояли три сосуда (сохранились во фрагментах): два из них — чернолощенные, украшенные у основания шейки шестью рядами оттисков тонкой веревочки и одним рядом точечных наколов (сверху этот орнамент покрыт красной краской) и у края венчика — точечными наколами в сочетании с дырочками; третий горшок украшен по шейке вертикальным врезанным зигзагом. У шеи и плечей покойника лежало рассыпавшееся ожерелье из 31 просверленного волчьего зуба (рис. 45, 9), у ног находился полностью сохранившийся небольшой цилиндрический сосуд, украшенный по краю и у дна сквозными проколами (рис. 45, 6)⁴².

В 1955 г. у с. Ермолаевки Первомайского района Николаевской области случайными раскопками были вскрыты два небольших кургана на склоне плато р. Сухой Ташлык (приток Синюхи). В кургане № 1 обнаружены два погребения (очевидно, на уровне древней поверхности): один скелет — в вытянутом положении на спине, ориентирован на юго-запад, другой — скорчен на спине (головой на юго-восток). При первом покойнике найдены разбитый каменный топор-молот и небольшой округлотелый сосуд с примесью половецкой глины в тесте; при втором — такой же сосуд и кремневый нож⁴³.

Во втором кургане также обнаружены два рядом лежащих погребения. Оба покойника похоронены в скорченном положении на спине (один головой на юго-запад, второй — на юго-восток). При первом покойнике находился сравнительно богатый инвентарь: расписной сосуд, обломки нескольких антропоморфных статуэток, каменный сверленный топор-молот (рис. 45, 8)⁴⁴. Упомянутый сосуд представляет собой округлотелую амфорку из отмученной глины, с невысокой цилиндрической шейкой; на плечиках — два уплощенных вертикальных ушка со сквозными проколами. Роспись нанесена черной и красной красками. Орнаментальный пояс, занимающий почти все тулово сосуда, расчленен дуговидными лен-

⁴¹ Д. М. Щербачевский. Указ. соч., стр. 15.

⁴² Там же, стр. 16; Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях..., стр. 68—69, рис. 3, 4.

⁴³ В. Д. Рыбалова. Некоторые новые данные к изучению поздне трипольской культуры на Южном Буге.— Археологический сборник, вып. 6. Л., 1964, стр. 79—80, рис. 1.

⁴⁴ Там же, стр. 80—83, рис. 2, 3.

тами на четыре вертикальных зоны, заштрихованных кривой сеткой. Овальные промежутки между зонами пересечены косыми черточками и до половины закрашены красным (рис. 45, 7).

Особого внимания заслуживают статуэтки из второго Ермолаевского кургана, изготовленные из тщательно промешанной глины, хорошо обожженные, имеющие коричневатую подлощенную поверхность. Одну из них удалось полностью реставрировать (рис. 45, 12). Статуэтка, по-видимому, изображает сидящую женщину с сомкнутыми и вытянутыми ногами, туловище которой отклонено далеко назад. Верхняя часть фигурки цилиндрическая, с плоским срезом; нижняя — слегка расширена и уплощена. На переходе от верхней к нижней части по бокам расположены небольшие уплощенные выступы, передающие бедра. Верхняя часть статуэтки украшена под срезом, посредине и над бедрами круговыми линиями, — врезанными или оттиснутыми мелким зубчатым штампом (над бедрами линии сплошные, выше — с несомкнутыми концами). Плоский срез украшен небольшими черточками, сгруппированными в крестовидный знак; у окончания ног проведен узкий орнаментальный пояс с короткими черточками⁴⁵. Углубленный узор статуэтки заполнен белой пастой. Судя по обломкам еще четырех-пяти статуэток из погребения, они были схожи с описанной выше фигуркой или совершенно аналогичны ей (рис. 45, 13).

В заключение следует упомянуть курган, который раскопал в 1961 г. А. П. Савчук у с. Владимировки Кировоградской области на р. Синюхе (неподалеку находится известное поселение этапа В/II)⁴⁶. В центре кургана на древней поверхности обнаружено разрушенное погребение (покойник лежал скорченно на спине, головой на восток) со следами охры. У черепа найден небольшой расписной сосудик из отмученной глины с округлым, слегка сжатым к середине туловом и невысокой цилиндрической шейкой. Роспись в виде кривой сетки и ромбовидных фигур нанесена черной краской в сочетании с красной (рис. 45, 5).

В кургане найдено еще несколько скорченных погребений, но соотношение их с описанным выше остается неясным.

При некотором сходстве упомянутых памятников с курганами усатовского типа между ними имеются существенные различия. Кромлехи и другие каменные конструкции редко встречаются в курганах Побужья; в них отсутствуют также культовые ямы и кенотафы. Количество погребений здесь невелико, причем в положении и ориентации покойников нет стабильности (чаще других встречаются костяки, лежащие на спине). Могильники Побужья также отличаются от курганов с. Усатова и Нижнего Днестра относительной бедностью погребального инвентаря и узостью его ассортимента. Рассматривая керамику из Ольшанки, Ермолаевки и других пунктов, можно заметить вполне определенное сходство некоторых сосудов с керамикой усатовского типа (это относится, в пер-

⁴⁵ В. Д. Рыбалова полагает, что орнамент на описанной статуэтке передает волосы либо головной убор, а также детали платья. См. В. Д. Рыбалова. Указ. соч., стр. 83.

⁴⁶ Дневник раскопок хранится в отчете Бугской экспедиции 1960 г. Архив ИА АН УССР, № 1960/6а.

вую очередь, к расписной амфоре из кургана № 2 в Ермолаевке). В то же время сосуд из кургана № 4 в с. Серезлиевка, отличаясь формой и орнаментом от усатовской керамики, имеет, как считает Т. С. Пассек, общие черты с посудой трипольских поселений Побужья этапа С/І (Касеновка) ⁴⁷. Весьма своеобразен также описанный выше целый сосуд из кургана № 3 в с. Ольшанка.

Антропоморфные статуэтки из Серезлиевки и Ермолаевки по степени стилизации и деталям орнамента в какой-то мере сходны с пластикой усатовского типа и, возможно, появились под влиянием последней, однако в целом они вполне специфичны и встречаются только в Побужье. Такую статуэтку, в частности, нашел А. Быдловский в насыпи кургана № 29 у с. Яцковица ⁴⁸. Целая статуэтка этого типа происходит из кургана № 1 близ с. Широкое на левом берегу Ингульца ⁴⁹. Среди материалов поселения Сандраки мы обнаружили верхнюю часть статуэтки, совершенно аналогичной фигуркам из Ермолаевского кургана ⁵⁰.

Приведенные данные указывают на своеобразие памятников Побужья, лежащих в Лесостепи севернее полосы, занятой усатовскими племенами и относящихся, очевидно, к южнобугскому варианту позднего Триполья. Сложение этого варианта проходило, надо полагать, на основе более ранних памятников типа Сушковки, Томашовки и др. Последние, как недавно удалось выяснить, сосредоточены не только в Лесостепи, в районе Умани, но и заходят гораздо южнее, в степную часть течения Южного Буга и его притоков ⁵¹.

То обстоятельство, что рассмотренные южнобугские памятники, несомненно, имеют ряд черт, характерных для поселений и могильников усатовского типа, свидетельствует о близком соседстве и влиянии усатовских племен. Не исключено, что последние проникают на восток вплоть до нижнего течения Южного Буга ⁵², однако это предположение нуждается в веских доказательствах.

Нижнее и отчасти среднее течение Южного Буга являлось, вероятнее всего, юго-восточной границей распространения позднетрипольской культуры, той демаркационной линией, которая разделяла два больших этнических массива — трипольские и ямные племена. Естественно, что на трипольцах, населявших эти окраинные территории, сказалось влия-

⁴⁷ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 202.

⁴⁸ О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу, стр. 106.

⁴⁹ Л. П. Кривола. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964—1966 рр.— Наш край, вип. 1. Дніпропетровськ, 1971, стр. 19, табл. 3, 4.

⁵⁰ В. Г. Збеневич. Хронологія пізнього Трипілья.— Археологія, вип. 7. К., 1972, стр. 17, рис. 5, 15.

⁵¹ В 1969 г. на участке течения Южного Буга между г. Первомайском и с. Александровка автор выявил три поселения трипольской культуры этапа С/І (села Ивановка, Грушевка, Виноградный Сад). Материал хранится в фондах Института археологии АН УССР. Подобное поселение было недавно обнаружено на правом берегу р. Ингуль в с. Ново-Розановка. Исследователи поселения относят его к концу развитого Триполья, см. О. Г. Шапошников а, В. И. Неприна. Из работ Ингульской экспедиции.— АИУ, вып. II. К., 1968, стр. 20.

⁵² Определенным подтверждением возможности такого проникновения можно считать фрагменты сосудов усатовского типа обнаруженные Бугской экспедицией (1930—1932 гг.) в с. Богдановка и хут. Бугский Николаевской области, см. О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу, стр. 106.

ние восточных соседей. Так, на примере курганов Ольшанки и Серезлиевки заметно заимствование трипольцами некоторых деталей погребального обряда племени ямной культуры: покойника иногда окрашивали охрой, в могилу клали части туши быка и т. д.⁵³ Контакты с трипольцами, в частности с усатовскими племенами, имели определенные последствия и для их восточных соседей: при раскопках курганов на обширной территории к востоку от Буга иногда встречаются расписные трипольские сосуды усатовского типа. Так, сосуд из отмученной глины обнаружен в кургане у г. Кривой Рог (р. Ингулец)⁵⁴ (рис. 46, 1); в большом кургане у с. Белозерка Херсонской области (правый берег р. Днепр) еще в 1887 г. была найдена расписная амфорка усатовского типа⁵⁵ (рис. 46, 2). Небольшой расписной горшочек (рис. 46, 3) происходит из кургана в с. Любимовка под Каховкой⁵⁶. Самым восточным пунктом, где обнаружена расписная усатовская керамика, является с. Животиловка (Новомосковский район Днепропетровской области) на левом берегу Днепра. Здесь в кургане «Майдан» при погребении № 5 найдены два сосуда из отмученной глины. Один из них покрыт росписью, на другом — врезной орнамент в виде косых крестов⁵⁷ (рис. 46, 4, 5).

Небольшой сосудик из отмученной глины (роспись не сохранилась) недавно обнаружен в кургане у с. Рисовое (предгорный Крым). Находился он при скорченном и окрашенном красной охрой костяке⁵⁸ (рис. 46, 6).

Находки эти, отнюдь не означая проникновения усатовских племен в Крым и на Нижний Днепр, указывают на какие-то торговые (обменные) контакты между ними и населением степных пространств к востоку от Буга. Не случайно здесь встречается лишь высококачественная трипольская посуда из отмученной глины.

Не прерываются связи и с родственными трипольскими племенами Поднестровья и более отдаленных районов. Усатовцы, очевидно, снабжали своих северных соседей скотом. В обмен на Юг с Волыни и Среднего Днестра поступало высококачественное кремневое сырье или готовые изделия из кремния. Появление далеко на Севере, в могильнике софиевского типа у Красного Хутора медных кинжалов, аналогичных формой кинжалам из Усатовских курганов, также свидетельствует о контактах (носящих характер обмена) между северными и южными позднетрипольскими племенами⁵⁹.

⁵³ О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу. стр. 102—103.

⁵⁴ Там же, стр. 102, рис. 3; стр. 106—107.

⁵⁵ Г. Л. Скадовский. Белозерское городище.— Труды VIII Археологического съезда. т. I. М., 1897, стр. 118.

⁵⁶ А. М. Лесков. Раскопки Каховской экспедиции.— АО за 1968 г. М., 1969, стр. 254.

⁵⁷ Раскопки Т. Т. Тесли в 1934 г. Сосуды хранятся в Днепропетровском историческом музее, см. О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу, стр. 103, рис. 4; стр. 104, рис. 5.

⁵⁸ А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова. Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969, стр. 131—132, рис. 49, II.

⁵⁹ Е. Н. Черных полагает, что кинжалы Красного Хутора, изготовленные из чистой балканской меди, не будучи прямыми импортами с Юга, могли возникнуть под усатовским влиянием, см. Е. Н. Черных. О древнейших очагах металлообработки..., стр. 26.

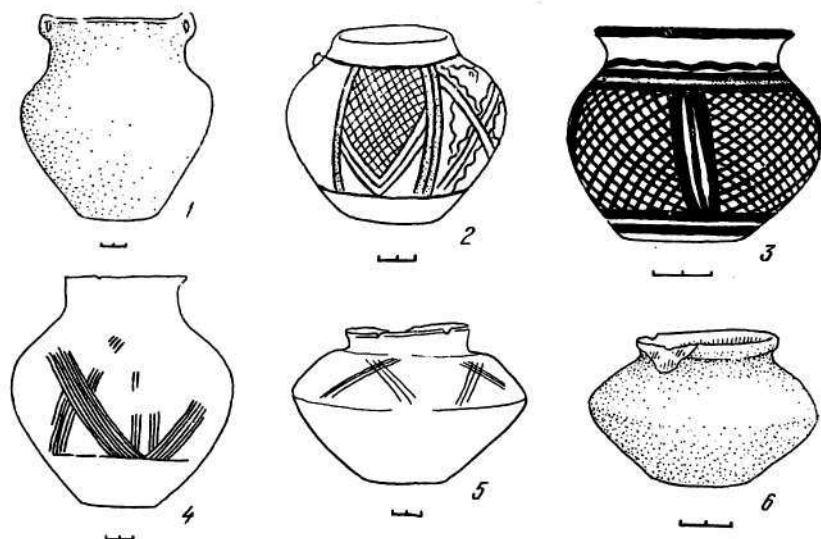

Рис. 46. Керамика усатовского типа из курганов Поднепровья и Крыма.
1 — Кривой Рог; 2 — Белозерка; 3 — Любимовка; 4, 5 — Животиловка; 6 — Рисовое.

Продвижение на запад (процесс этот проходил постепенно: не случайно наиболее поздние памятники — Фолтешти, Стойкани, Болград, Брэилица и другие — находятся на западных границах усатовского ареала) привело также к упрочению контактов усатовских племен с населением Нижнего Подунавья. Эти контакты имеют тысячелетние традиции, так как на протяжении всей своей истории трипольская культура испытала сильное влияние высокоразвитых энеолитических культур бассейна Дуная и Балканского п-ова, в первую очередь — культуры Гумельница. Памятники ранних этапов культуры теперь известны на территории СССР в пределах Северо-Западного Причерноморья, то есть в непосредственной близости от трипольских поселений⁶⁰.

Влияние носителей культуры Гумельница сказалось прежде всего на керамике Триполья. На это обстоятельство справедливо указал в свое время Е. Ю. Кричевский, объясняя появление на раннем этапе развития трипольской культуры черной и серой полированной посуды, украшенной каннелюрами⁶¹. При посредничестве племен культуры Гумельница трипольцы, по-видимому, получали медь, добытую в рудниках на севере Балканского полуострова, или даже готовые металлические изделия, преимущественно проушные медные топоры-молоты и кирко-мотыги, встречающиеся на многих трипольских поселениях⁶².

⁶⁰ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР.— КСИА, вып. 100. М., 1965, стр. 6—18.

⁶¹ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху.— КСИИМК, вып. VIII. М., 1940, стр. 55.

⁶² В. Г. Збенович. Древнейшие, медные топоры в Восточной Европе.—СА, 1969, № 3, стр. 135—142; Н. В. Рындина. Медный импорт эпохи развитого Триполья.— КСИА, вып. 123. М., 1970, стр. 15—22.

В свою очередь, влияние трипольцев сказалось на некоторых чертах материальной культуры гумельницких племен, в частности, на их домостроительстве⁶³. Контакты между трипольцами и носителями культуры Гумельница не прерываются и в дальнейшем.

К середине III тысячелетия, в то время как на Днестре складывался усатовский вариант позднего Триполья, в Нижнем Подунавье завершился процесс смены «классических» энеолитических культур Гумельница и Селкуца культурой Чернавода I. Последняя, по мнению Д. Берчу, является северным аванпостом большой дунайско-анатолийско-балканской общности, представленной в Болгарии культурой Езеро, в Югославии — комплексом Донья-Слатина⁶⁴. П. Роман и С. Моринц связывают ее происхождение с причерноморскими степями⁶⁵. Уже в ранних памятниках культуры Чернавода I заметны черты преемственности с Гумельницей, проявляющиеся прежде всего в формах сосудов, обработке их поверхности, орнаментации. По-видимому, группы носителей культуры Гумельница были ассимилированы племенами культуры Чернавода⁶⁶. Последние, проникнув в Добруджу, вышли к низовьям Дуная, где оказались в непосредственной близости от территории, занятой памятниками усатовского типа (рис. 1).

Отношения между носителями культуры Чернавода и усатовскими племенами носили, очевидно, вполне мирный характер и сопровождались взаимным культурным обогащением. Выше мы уже отмечали, что влияние культуры Чернавода заметно сказалось на усатовском керамическом комплексе, в котором появилась посуда с заполированной поверхностью и штамповым орнаментом, заполненным белой пастой. Появляются и некоторые новые для трипольской культуры формы керамики (широко открытые миски, прямоугольные сосудики). Сравнивая в этом плане керамику поселений Усатово и Маяки, можно прийти к выводу, что слабые на ранних фазах развития усатовского варианта связи с культурой Чернавода крепнут с течением времени.

В свою очередь, усатовские племена оказывают влияние на западных соседей: в некоторых поздних памятниках культуры Чернавода I появляются новые формы сосудов, довольно часто встречается орнамент в виде фестонов, треугольников, вертикальных и горизонтальных лент, оттиснутых простым шнуром⁶⁷. Все эти мотивы характерны и для керамики усатовского типа.

Рассматриваемый вопрос является частью весьма важной и сложной проблемы о времени и исходном пункте появления шнуровой керамики в Подунавье и на Балканах. Проблема эта широко обсуждается в археологической литературе. Взглядам Г. Чайлда, считавшего, что

⁶³ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Указ. соч., стр. 17—18.

⁶⁴ D. Berciu. Quelques données préliminaires concernant la civilisation de Cernavoda, стр. 269—280; его же. Sur le débuts de l'âge du bronze au Bas-Danube.— Dacia VIII. Bucarest, 1964, стр. 313—318.

⁶⁵ S. Morintz, P. Roman. Aspecte des Ausgangs des Äneolithikums..., стр. 562—563.

⁶⁶ D. Berciu. Sur le debuts..., стр. 314.

⁶⁷ S. Morintz, P. Roman. Указ. соч., стр. 564.

исходный пункт керамики, украшенной шнуром, связан с Северным Причерноморьем⁶⁸, противостоят мнения многих исследователей, указывающих на местное происхождение этой керамики⁶⁹. Древность шнуровой керамики на Балканах подтверждается материалами из раскопок В. Милойича у Лариссы (Фессалия)⁷⁰. Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что наиболее ранняя в Европе керамика со шнуровым орнаментом появляется в степной полосе Европейской части СССР, будучи связана на Украине с памятниками среднестоговской культуры⁷¹. Кроме того, по справедливому замечанию Н. Я. Мерперта, шнуровая керамика, редко встречаясь на территории Греции и Югославии, характерна для памятников эпохи ранней бронзы Болгарии и Румынии⁷², то есть в тех районах, куда непосредственно проникали энеолитические племена Северного Причерноморья. Рассматривая шнуровую керамику таких болгарских памятников, как Михалич⁷³, Езеро (средняя фаза)⁷⁴, Езерово II⁷⁵, можно заметить ее сходство с посудой памятников усатовского типа и ямной культуры⁷⁶, проявляющееся в близости орнаментальных мотивов.

При несомненном своеобразии шнуровой керамики Нижнего Подунавья и севера Балканского п-ова весьма вероятно, что она возникла здесь и получила распространение в результате импульсов со стороны Северного Причерноморья. Одним из таких импульсов могло быть продвижение к Дунаю усатовских племен.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ УСАТОВСКИХ ПЛЕМЕН

Длительная эволюция трипольской культуры прерывается в конце III тысячелетия до н. э. и на смену Триполью приходят новые культурно-исторические общности, связанные уже с началом эпохи бронзы. Процесс исчезновения Триполья весьма сложен и обусловлен многими внутренними и внешними причинами. К первым относятся постепенные изменения в экономике, материальной культуре, идеологии трипольских племен, приводящие к деградации черт «классического» Триполья. На

⁶⁸ V. G. Childe. *Anatolia and Thrace*.— AS. VI. London, 1956, стр. 46.

⁶⁹ Vi. Milojević. *Zur Frage Schnurkeramik in Griechenland*.— *Germania*, 33. Berlin, 1955, стр. 151—154; Д. Берчу. Археологические открытия в Банята-могиле в свете румынских исследований.— *Dacia* III. Bucarest, 1959, стр. 551—559.

⁷⁰ Vi. Milojević. *Berichte über die Ausgrabungen auf der Gremnos — Magula bei Larissa*.— *Archäologischer Anzeiger*. Berlin, 1956, стр. 141—183.

⁷¹ Д. Я. Телегин. Основні риси та хронологія середньостоговської культури, стр. 18—21.

⁷² Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке, стр. 18.

⁷³ В. Миков. Предисторическото селище до с. Михалич, Свиленградско.— *Раскопки и проучвания*, 1. София, 1948, стр. 16, рис. 8.

⁷⁴ Г. И. Георгиев, Н. Я. Мерперт. Раскопки многослойного поселения у с. Езеро близ г. Новая Загора в 1963 г.— *ИБАИ*, т. XXVIII. София, 1965, стр. 150, рис. 24; стр. 151, рис. 25.

⁷⁵ Г. Тончева. Новооткрити антропоморфни плочи край с. Езерово. Варненско.— *Известия на народния музей Варна*, кн. III (XVIII), 1967, рис. 9.

⁷⁶ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. *Указ. соч.*, стр. 85, табл. VI, 2, 4, 5; стр. 89; табл. VIII, 4, 5, 6; стр. 93, рис. 30.

такие изменения указывал Е. Ю. Кричевский, характеризуя позднетрипольские памятники Киевщины, Волыни и Поднестровья⁷⁷. Наиболее определенно о постепенном перерастании трипольской культуры Днестро-Днепровского междуречья в культуры раннебронзового века говорит Т. С. Пассек⁷⁸.

Внешние факторы связаны с вторжениями иноэтнических племен и ассимиляцией ими отдельных групп трипольского населения. Одно из таких вторжений прервало развитие Триполья в причерноморских степях.

Исторические судьбы усатовских племен прослеживаются лишь в самых общих чертах, так как эпоха ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье совершенно не изучена и круг источников крайне ограничен. Систематические раскопки курганов, начавшиеся недавно в Днестро-Дунайском междуречье, показали, что здесь преимущественно встречаются погребения позднего этапа ямной культуры; такая же картина характерна и для курганов на территории Молдовы, Мунтении и Олтении⁷⁹. Если на более ранних этапах развития ямной культуры продвижение ее носителей к западу от Днепра носило спорадический характер, то приведенные данные позволяют утверждать, что в конце III тысячелетия имела место массовая инфильтрация племен ямной культуры в Северо-Западное Причерноморье. Произошла смена населения, вероятно, весьма быстрая. Немногочисленные усатовские племена не могли сдержать натиск пришельцев, были побеждены (о конфликтах и военных столкновениях свидетельствует, очевидно, появление оборонительных рвов на усатовских поселениях) и ассимилированы, растворившись в новом этническом массиве. Косвенным подтверждением этого могут служить выводы антропологов о том, что на соседних территориях в курганах с «окрашенными костяками» (села Холбока, Брэилица, Смеени и др.) погребенные относятся к различным типам — протоевропеоидному (пришельцы из причерноморских степей) и средиземноморскому (представители местного населения)⁸⁰.

В современной археологической литературе часто можно встретить утверждение о том, что усатовские племена оставили заметный след в истории Юго-Восточной Европы периода раннебронзового века. Так, Дж. Меллаарт связывает с их нашествием конец культуры Гумельница на территории Румынии и Болгарии⁸¹. Дальнейшее продвижение усатовских племен на Юг привело, как полагает Дж. Меллаарт, к уничтожению многочисленных и цветущих поселений Западной Анатолии и переходу ее населения от земледелия к кочевому скотоводству. С этим страшным

⁷⁷ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры.— МИА, № 2. М.—Л., 1941, стр. 245—253.

⁷⁸ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 216—230.

⁷⁹ В. Л. З и р р а. Указ. соч., стр. 114.

⁸⁰ O. Neacșu, M. Critescu. Contribution a l'étude anthropologique des squelettes des tombes a ocre trouvés sur le territoire de la R. P. Roumanie.— VI Congrès International des sciences anthropologiques et ethnologiques. Paris, 1960, стр. 665.

⁸¹ J. Mellaart. Anatolia and Balkans.— Antiquity, v. XXXIV, № 136. London, 1960, стр. 276.

нашествием якобы связано и разрушение Трои II, то есть его можно отнести к 2300 г. до н. э.⁸²

М. Гарашанин видит некоторые пережитки погребального обряда и экономики усатовских племен в таких северобалканских культурах раннебронзового века, как Бубани-Хум III и Белотич-Бела Црква⁸³.

Попытка объяснить некоторые неясные моменты древней истории Европы и Малой Азии непосредственным проникновением в эти районы усатовских племен представляется несостоятельной, ибо она не подтверждена конкретным археологическим материалом⁸⁴. В балканских и тем более анатолийских культурах бронзового века отсутствуют черты, указывающие на сильные трипольские традиции.

Преемственность между усатовскими племенами и более поздним населением можно проследить лишь на территории Молдовы и отчасти Мунтении, где процесс перехода от энеолита к бронзовому веку был достаточно длительным. В последние годы румынские археологи выделили здесь культуру Фолтешти II⁸⁵, представленную верхним слоем поселения Фолтешти, поселениями Урикань, Мындришка и другими⁸⁶, погребениями в Тирпешти⁸⁷. В керамике указанных памятников заметны сходные черты с посудой наиболее поздних поселений усатовского типа (Фолтешти, Стойкани). Это обстоятельство позволяет многим румынским исследователям видеть генетическую связь между культурой Фолтешти II и поздним Трипольем Северо-Западного Причерноморья⁸⁸. З. Секей полагает также, что усатовские традиции заметны на ранней фазе культуры Шнекенберг⁸⁹.

Таким образом, есть основания считать, что некоторые группы усатовского населения, жившего в низовьях Прута и Дуная, вошли как составная часть в новые этнические образования, сформировавшиеся в начале бронзового века на территории Молдовы и Мунтении.

⁸² J. Meilgaard. Anatolia and Balkans.— *Antiquity*, v. XXXIV, № 136. London, 1960, стр. 276, см. также карту, приложенную к статье Дж. Мелларта.

⁸³ M. V. Garašanin. Pontski i stepski uticaji u Donjem Podunavlju i na Balkanu na prelazu iz neolitskog u metalno doba.— *Glasnik zemaljskog Muzeja u Sarajevu*, n. s., sv. XV—XVI, 1961, стр. 20.

⁸⁴ Концепции Дж. Мелларта и М. Гарашанина относительно роли причерноморских племен в истории Юго-Восточной Европы подвергнуты обстоятельному критическому разбору в статье Н. Я. Мерперта. См. Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке, стр. 10—20.

⁸⁵ D. Berciu. Contribuții la problemele neoliticului., стр. 137—148.

⁸⁶ M. Florescu. Contribuții la problema începuturilor epocii bronzului în Moldova.— *Arheologia Moldovei*, v. II—III, 1964, стр. 105—123.

⁸⁷ S. Marinescu—Bîlcu. Unele probleme ale perioadei de tranziție de la neolitic la epoca bronzului din Moldova în lumina a trei morminte plane de înhumăție, descoperite la Tirpești.— *SCIV*, 1964, № 2, стр. 241—249.

⁸⁸ D. Berciu. Contribuții., M. Florescu. Указ. соч.; Gh. Bichir. Beitrag zur Kenntnis der frühen Bronzezeit im Südöstlichen Transsilvanien und in der Moldau.— *Dacia*, VI, 1962, стр. 112; S. Morintz, P. Roman, Указ. соч., стр. 565.

⁸⁹ Z. Szekely. Cercetările și săpăturile de salvare executate de muzeul regional din Șf. Gheorge în anul 1955.— *MCA*, v. III. București, 1957, стр. 152—157.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В середине III тысячелетия до н. э. в степных районах вдоль нижнего течения Днестра и на прилегающей территории Черноморского побережья началось сложение весьма своеобразной этнокультурной группы. Основную роль в этом процессе сыграло поздне трипольское население Среднего Поднепровья, часть которого продвинулась на Юг. Мы, однако, отнюдь не считаем, что памятники усатовского типа явились результатом постепенной эволюции позднего Триполья более северных районов. В их сложении приняли участие группы энеолитического населения причерноморских степей, ассимилированные трипольцами и оказавшие на последних определенное влияние. Это обстоятельство, а также территориальная удаленность степного варианта позднего Триполья от основных поздне трипольских массивов предопределили его своеобразие по сравнению с остальными локальными поздне трипольскими вариантами. Переход в новую ландшафтно-климатическую зону привел к значительным переменам в экономике трипольцев, выдвинув скотоводство на первое место в их хозяйственных занятиях. В условиях Причерноморья, с его жарким летом и непродолжительной мягкой зимой, разнотравной типчаково-ковыльной и полынной степью, наиболее целесообразным было разведение овец и крупного рогатого скота, а также коневодство. Скотоводство в его отгонной или полукочевой форме дополнялось пашенным земледелием с использованием быка в качестве тягловой силы. Подсобное значение в экономике имели охота на крупных копытных и рыбная ловля в реках и лиманах.

В материнской культуре трипольского населения причерноморских степей появляются новые черты. В керамическом комплексе поселений и погребальном инвентаре могильников теперь доминирует кухонная посуда с примесью ракушки в глине, украшенная преимущественно шнуровым орнаментом (разнообразные горшки, округлотелые амфоры, чаши, кубки и т. д.). Гораздо реже встречается обычная для трипольских памятников Лесостепи расписная столовая посуда из отмученной глины. Производственный инвентарь, в целом обычный для Триполья, включает и совершенно новые предметы: кремневые микролитические изделия, медные стержневидные долота.

Заметные сдвиги произошли и в духовной культуре трипольцев, поселившихся в степной причерноморской полосе. У них появляются курганы с мощными каменными конструкциями — кромлехами, куполообразными сооружениями, закладками — совершенно неизвестные жителям лесостепных районов. Получают распространение специфические, крайне стилизованные антропоморфные статуэтки с кубическим постаментом, глиняные вотивные «кубики». Однако именно в идеологии (верованиях), искусстве хорошо прослеживается неразрывная связь с род-

ственными трипольскими племенами Лесостепи (культ плодородия в разных его аспектах, культ предков, наличие антропоморфной и зооморфной пластики, традиционная манера передачи человеческой фигуры).

Уровень общественного развития населения степи был выше, чем у трипольцев лесостепных районов. Животноводство, обеспечивавшее избыток скота и продуктов, позволяло родоплеменным вождям, военачальникам сосредоточить в своих руках значительные богатства. О начавшемся процессе имущественной и социальной дифференциации свидетельствуют богатые центральные погребения курганов с. Усатово с их большими каменными надмогильными сооружениями и набором разнообразных медных изделий. Их антиподами являются скромные грунтовые могильники, принадлежавшие рядовым общинникам.

В дальнейшем более мобильные по сравнению со своими северными собратьями усатовские племена распространились на всю территорию Северо-Западного Причерноморья до Побужья на востоке и до низовьев Дуная на западе. Ближайшими их соседями в междуречье Буга и Днестра стали племена ямной культуры, а далее на восток — племена майкопской культуры Северо-Западного Кавказа. В Нижнем Подунавье усатовские племена непосредственно соприкасались с носителями балкано-дунайской культуры Чернавода, контакты с которыми в определенной степени повлияли на материальную культуру усатовских племен. У последних, в частности, появляется керамика с прекрасно залощенной, заполированной поверхностью, украшенная орнаментом с белым пастовым заполнением и представленная новыми формами — реберчатыми мисками, цилиндрическими и прямоугольными сосудами.

Возможно, именно при посредстве носителей культуры Чернавода усатовские племена поддерживали связи с населением Восточного Средиземноморья, откуда в причерноморские степи поступали металлические изделия, в первую очередь, оружие.

Заметим, что роль усатовских племен в древней истории Европы подчас преувеличивается. Так, с ними связывают разрушительные походы на Балканы, к Средиземноморскому побережью и даже в Малую Азию, якобы приведшие к уничтожению местных цивилизаций. Однако материалы, связанные с памятниками усатовского типа, неизвестны в среднем течении Дуная, не говоря уже о более южных районах.

Позднетрипольские племена жили в причерноморских степях в течение нескольких столетий (2400—2000 гг. до н. э.). На рубеже III и II тыс. до н. э. эту территорию заняли племена ямной культуры, которые на позднем этапе своего развития продвинулись в Северо-Западное Причерноморье и ассимилировали местное население. Часть усатовских племен, по-видимому, ушла на территорию Молдовы, где влилась в новые этнические образования, сформировавшиеся здесь на рубеже энеолита и раннебронзового века.

Таким представляется нам путь, пройденный позднетрипольскими племенами Северного Причерноморья. Несомненно, многие вопросы, связанные с их историей, остаются дискуссионными, далекими от своего окончательного разрешения. Это и неудивительно: слишком узок пока круг источников. Предстоит еще большая работа по выявлению и исследованию поселений усатовского типа. Делом большой важности пред-

ставляется археологическое изучение территории степного Побужья и Поднепровья: здесь должны быть открыты памятники, которые позволят с большей уверенностью судить о степном нетрипольском компоненте, способствовавшем сложению усатовского локального варианта. Необходимо также продолжать работы по изучению памятников усатовского типа на крайнем Юго-Западе СССР.

Археологические исследования, связанные с большими новостройками на юге нашей страны, несомненно, будут способствовать прогрессу в изучении энеолитических культур, среди которых одной из наиболее интересных является познетрипольская культура Северо-Западного Причерноморья.

СВОД ПАМЯТНИКОВ УСАТОВСКОГО ТИПА *

1(6). Белозерка Херсонской области. Правый берег Днепра.

В насыпи кургана № 8 найдена небольшая расписная амфорка из отмученной глины. Раскопки Г. Л. Скадовского в 1887 г., см. Г. Л. Скадовский. Белозерское городище. Труды VIII АС, т. I. М., 1897, стр. 118.

2(58). Болград Одесской области. Правый берег оз. Ялпуг.

При центральном погребении распаханного кургана (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на восток) обнаружена расписная амфора с крышкой, костяной крючок, несколько бусинок из камня и ракушки, а также кремневые отщепы. Раскопки Л. В. Субботина в 1966 г., см. Л. В. Субботин, Н. М. Шмаглия. Болградский курганный могильник.— МАСП, вып. 6. Одесса, 1970, стр. 126.

3(54). Борисовка Татарбунарского района Одесской области. Западный берег лимана Сасык.

В заполнении ямы центрального (совершенно разрушенного) погребения кургана № 9 обнаружены два фрагмента сосуда из отмученной глины. Раскопки Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова в 1964 г., см. Н. М. Шмаглия, И. Т. Черняков. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра.— МАСП, вып. 6. Одесса, 1970, стр. 65.

4(62). Брэилица, г. Брэила, округ Галац, Румыния. Левый берег Дуная.

При погребении № 20 разрушенного кургана (покойник лежал скорченно на боку, головой на СВ) обнаружены расписная амфорка с крышкой, ожерелье из костяных бус и зубов оленя, три пластинки из кости. Раскопки Н. Харцуки и И. Драгомира в 1965 г., см. N. Harjuchi, I. T. Dragomir. Săraturile de la Brăilița.— МСА, v. III, 1957.

5(8). Урочище Гард с. Богдановка Доманевского района Николаевской области. Правый берег Южного Буга.

Обнаружено пять фрагментов расписной керамики усатовского типа. Работы Бугской экспедиции в 1931 г., см. Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження на території Богесу, 1930—1932 рр. К., 1933, стр. 60; О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу.— Археологія, т. VIII. К., 1953, стр. 106.

6(52). Голерканы Криулянского района МССР. Правый берег Днестра.

При раскопках раннетрипольского поселения обнаружены три сильно разрушенные погребения — остатки грунтового могильника усатовского типа. При покойниках найдена столовая расписная и кухонная керамика. Раскопки Т. С. Пассек в 1954 г., см. Т. С. Пассек. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре.— ИМФ АН СССР, № 4/31. Кишинев, 1956, стр. 25.

7(40). Граденицы Беляевского района Одесской области. Левый берег Днестра.

На южной окраине села находится поселение усатовского типа, сильно разрушенное плантажной вспашкой. Собран подземный материал. Разведка А. И. Мелюковой в 1961 г. Отчет хранится в архиве ИА АН СССР.

8(36). Ефимовка Овидиопольского района Одесской области. Левый берег Днестровского лимана.

В кургане № 10 открыты два усатовских погребения (скорченные, окрашенные охрой костяки), при которых найдены кухонные и столовые расписные сосуды. Раскопки И. Т. Чернякова и Н. М. Шмаглия в 1969 г., см. И. Т. Черняков, Н. М. Шмаглия. Раскопки курганов на Днестровском лимане.— АО за 1969 г. М., 1970, стр. 225.

9(1). Животиловка Новомосковского района Днепропетровской области. Левый берег Днепра.

В кургане «Майдан» при погребении № 5 найдено два сосуда из отмученной глины (один расписной, на другом — врезанный орнамент в виде косых крестов). Раскопки Т. Т. Тесли в 1934 г. Отчет не сохранился, см. О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу, стр. 104, 107.

* Номер в скобках отвечает номеру на карте (рис. 1).

10(43). Красногорка Тираспольского района МССР. Левый берег Днестра.

В насыпи кургана № 204 обнаружен кухонный сосуд усатовского типа. При центральном погребении кургана (покойник лежал скорченно на боку, головой на ЮВ) найдены две расписные мисочки и две глиняные стилизованные антропоморфные статуэтки. Раскопки И. Я. Стемповского в 1898—1899 гг., см. В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ. Херсон, 1903, стр. 127; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10. М., 1949, стр. 208.

11(7). Урочище Кременчук хут. Бугский Арбузинского района Николаевской области. Левый берег Южного Буга.

Обнаружено несколько фрагментов расписной керамики усатовского типа. Работы Бугской экспедиции 1932 г., см. О. Ф. Лагодовська. Памятки усативського типу, стр. 106.

12(2). Кривой Рог Днепропетровской области. Левый берег Ингульда.

В кургане обнаружен сосуд из отмученной глины. Дореволюционные раскопки П. И. Сочинского, см. О. Ф. Лагодовська. Памятки усативського типу, стр. 106—107.

13(4). Любимовка Каховского района Херсонской области. Левый берег Днепра.

При впускном погребении № 4 кургана № 23 (скорченный на спине костяк, орпентированный на СВ; лежал под каменной закладкой) обнаружен округлотелый сосудик из отмученной глины, украшенный монохромной сетчатой росписью, см. А. М. Лесков. Раскопки Каховской экспедиции.— АО за 1968 г. М., 1969, стр. 254.

14(39). Маяки Беляевского района Одесской области. Левый берег Днестра.

Поселение усатовского типа. Раскопки В. Г. Збеновича в 1964—1965, 1970 гг., см. стр. 22—23 настоящей работы.

15(55). Нерушай Татарбунарского района Одесской области. Левый берег балки Нерушай.

При основном погребении кургана № 9 (костяк лежал скорченно на левом боку, головой на СВ) обнаружены амфорка со шнуровым орнаментом, медный кинжал с костяной рукоятью, ожерелье из морских ракушек и подвеска. Костяк обильно посыпан охрой и мелом.

В кургане № 10 основное погребение, находившееся в центре кромлеха, в яме под каменной закладкой, было ограблено в древности и разрушено. Некоторые кости скелета, выброшенные из ямы, лежали в анатомическом порядке. В углу ямы, под раздавленным черепом, найдена небольшая амфорка со шнуровым орнаментом. На дне ямы — следы красной охры и местами окислы меди. Раскопки Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова в 1964 г., см. Н. М. Шмаглия, И. Т. Черняков. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра.— МАСП, вып. 6. Одесса, 1970, стр. 30—31, 34—35.

16(37). Николаевка Овидиопольского района Одесской области. Левый берег Днестровского лимана.

Усатовское погребение в кургане. Раскопки И. Т. Чернякова и Н. М. Шмаглия в 1969 г.

17(57). Огородное Болградского района Одесской области. Левый берег р. Большой Катлабух.

При основном погребении кургана № 1 могильника I (погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на В) обнаружены глиняная амфорка и медный кинжал с костяной рукоятью. Скелет обильно посыпан охрой. Раскопки Л. В. Субботина и А. Г. Загинайло в 1966 г., см. Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглия. Курганы у с. Огородное.— МАСП, вып. 6. Одесса, 1970, стр. 135—136.

18(48). Оланешты МССР. Правый берег Днестра.

Из разрушенного кургана происходят два сосуда (кухонный и из отмученной глины, расписной), доставленные перед Великой Отечественной войной в краеведческий музей г. Белгорода-Днестровского, см. О. Г. Лагодовська. Памятки усативського типу, стр. 105.

19(46). Паланка Оланештского района, МССР. Правый берег Днестра.

На южной окраине села собран подъемный материал (фрагменты кухонной керамики, обломки каменных сверленных топоров) — очевидно, остатки разрушенного поселения. Разведки А. М. Мелюковой в 1958 г. Отчет хранится в архиве ИА АН СССР.

В 1959 г. на окраине села, на пахотном поле был найден целый расписной сосуд, происходящий, очевидно, из разрушенного кургана. Хранится в фондах Государственного Эрмитажа.

- 20(50). Парканы Тираспольского района МССР. Левый берег Днестра.
- Курган № 90. При погребении, выявленном на древней поверхности в западной части кромлеха из каменных плит (покойник лежал скорченно на правом боку, головой на В), обнаружены два сосуда — расписной из отмученной глины и кухонный.
- Курган № 91. В насыпи кургана найден расписной сосуд с крышкой. На древней поверхности в центре кургана обнаружены четыре захоронения. Все погребенные лежали вытянуто на спине, головами на Ю; при них найдено восемь расписных сосудов.
- Курган № 97 оказался ограбленным, выявлен лишь расписной сосуд.
- В кургане № 182 обнаружен расписной сосуд.
- Курган № 147. В насыпи обнаружены три погребения и при них четыре сосуда. В грунтовой могиле выявлено еще одно погребение (покойник лежал вытянуто на спине, головой на В) с инвентарем: два сосуда, медная и серебряная серьга, глиняное прясло, обломок оселка и другие. Раскопки И. Я. Стемпковского в 1896—1900 г., см. В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ. стр. 114—116; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 205—206.
- 21(44). Плоское (ныне Великопоское) Раздельнянского района Одесской области. Правый берег р. Кучурган.
- При раскопках кургана № 263 в его насыпи обнаружены три расписных сосуда — возможно, погребальный инвентарь при детском погребении, расположенном неподалеку. Раскопки И. Я. Стемпковского в 1898—1900 гг., см. В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., стр. 125; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 206.
- 22(49). Раскайцы Оланештского района МССР. Правый берег Днестра.
- Отсюда происходят несколько сосудов (расписных столовых и кухонных), которые доставил в Кишиневский краеведческий музей учитель А. А. Ширяев в 1953 г. Очевидно, на территории села находился грунтовой могильник усатовского типа, см. Т. С. Пассек. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г.—КСИИМК, вып. 70. М., 1957, стр. 86.
- 23(5). Рисовое Красноперекопского района Крымской области.
- В кургане № 1 при впускном детском погребении (покойник лежал скорченно на правом боку, головой на В) обнаружен небольшой горшочек из отмученной глины. Раскопки А. А. Щепинского в 1963 г., см. А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова. Северное Приднестровье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969, стр. 131—132, рис. 49. 11.
- 24(53). Сарата Одесской области. Левый берег р. Сарата.
- В центре распаханного кургана, в яме обнаружено сильно разрушенное погребение (покойник лежал в скорченном положении). На древней дневной поверхности в 4-х м к югу от погребальной ямы находилась небольшая каменная оградка, в которой обнаружен расписной сосуд. Рядом с оградкой — скелет овцы. В кургане выявлен каменный кромлех. Раскопки И. Т. Чернякова и В. Н. Станко в 1961 г., см. И. Т. Черняков. Позднетрипольский курган у с. Сарата Одесской обл.—КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 32—37.
- 25(41). Слободзея МССР. Левый берег Днестра.
- На второй террасе Днестра, на большом поселении скифского времени найдено несколько фрагментов керамики усатовского типа. Разведки А. И. Мелюковой в 1958 г. Отчет хранится в архиве ИА АН СССР.
- 26(35). Слободка-Романовка (ныне Красная Слободка, окраина Одессы).
- При раскопках большого кургана в насыпи был найден разбитый расписной сосуд с крышкой — очевидно, инвентарь разрушенного погребения усатовского типа. Раскопки А. В. Добровольского в 1913 г., см. стр. 140 настоящей работы.
- 27(3). Сингиревка Николаевской области. Правый берег Ингульца.
- В 1922 г. А. В. Добровольский нашел фрагмент расписного сосуда, см. О. Ф. Лагодовская. Памятник усативского типа, стр. 107.
- 28(61). Стойкаки округ Галац, Румыния. Правый берег р. Прут.
- Здесь обнаружены следы поселения, совершенно разрушенного галыштатским могильником. Собрано некоторое количество керамики, орудия труда. Раскопки М. Петреску Дымбовицы в 1946, 1949 гг., см. M. Petrescu-Dambovița. Cetățuia dela Stoicani.—Materiale arheologice privind istorie veche a RPR, v. I. București, 1953, стр. 112—116.

29(86). Суворово Измаильского района Одесской области. Восточный берег оз. Катлабух.

При основном погребении кургана № 3, могильника I (покойник лежал скорченно на боку, головой на СВ) обнаружено два расписных сосуда. Раскопки И. Т. Чернякова в 1970 г., см. Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков, И. Л. Алексеева. Курганы Нижнего Подунавья.— АО за 1970 г. М., 1971, стр. 233—234.

30(42). Суклея Тираспольского района МССР. Левый берег Днестра.

Курган № 2. В насыпи обнаружено погребение (покойник лежал скорченно на правом боку, головой на В) и при нем — кухонный сосуд со шнуровым орнаментом.

Курган № 3. В насыпи обнаружены два погребения (оба покойника лежали на спине, головами на Ю), а на древней поверхности — еще два (покойники лежали лицом друг к другу, головами на Ю); при них находился сосуд. В центре — погребальная яма, на дне которой обнаружено захоронение (на спине, головой на В). Инвентарь: подвеска из серебряной проволоки, оселок, кремневый ножик, медный кинжал и др.

Курган № 205. В центральной яме обнаружено погребение (покойник лежал скорченно на правом боку, головой на Ю) с небольшим сосудом из отмученной глины. Раскопки И. Я. Стемпковского в 1896—97 гг., см. В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., стр. 125—126; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 206—208.

31(51). Терновка Тираспольского района МССР. Левый берег Днестра.

Курган № 79. В кургане обнаружен кромлех, в центре которого — погребение в яме. Покойник лежал скорченно на правом боку, головой на С. У черепа — расписной сосуд.

Курган № 179. В насыпи найдены три сосуда. Здесь же обнаружены два погребения (покойники лежали в скорченном положении, головой на В, один на левом, другой — на правом боку). На древней поверхности обнаружен скелет, лежащий скорченно на спине (ориентирован на СВ). Неподалеку — еще одно погребение (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на С), при котором найдены три сосуда и четыре раковины. Центральная погребальная яма разграблена. В Херсонском музее сохранилось пять сосудов из кургана: два столовых расписных и три кухонных. Раскопки И. Я. Стемпковского в 1897 г. см. В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., стр. 119, 121—122; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 206; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья УССР. К., 1951, стр. 24.

32(47). Тудорово Оланештского района МССР. Правый берег Днестра.

В урочище Кырнекар был раскопан курган № 1 (высота 1,28 м, диаметр — 20 м). Основное погребение, находящееся в центре каменного кромлеха, оказалось ограбленным. В насыпи ямы найдены часть каменного сверленого топора, медные шило и долото, обломок медной пластинки (ножа?). Здесь же обнаружен скелет ребенка, погребенного после ограбления могилы (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на ЮВ).

В ЮЗ секторе кургана обнаружено погребение № 1, в яме, перекрытой каменными плитами. Покойник лежал скорченно на спине, головой на В. Инвентарь: медный нож и шило, пять сосудов (кухонных и столовых из отмученной глины), ожерелье из зубов оленя. В СВ секторе расчищена культовая яма № 1; в ней — золное пятно, фрагменты сосуда из отмученной глины и кости животного. В 4,5 м к западу от центральной погребальной ямы обнаружена культовая яма № 2, в заполнении которой найден кухонный сосудик. В ЮЗ секторе обнаружен скелет собаки, лежащий на древней поверхности и окрашенный охрой. Возможно, в связи с перечисленными погребениями находится и погребение № 8, обнаруженное в древнем черноземе в СВ секторе кургана (покойник лежал скорченно на спине, головой на З; скелет окрашен охрой). На древней поверхности и на выкиде из центральной погребальной ямы — остатки больших кострищ (следы тризны). Остальные погребения кургана относятся к более позднему времени. Раскопки А. И. Мелюковой в 1959 г., см. А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у с. Тудорово.— КСИА, вып. 88. М., 1962, стр. 74—83. Неподалеку от курганной группы в урочище Кырнекар в 1958 г. было обнаружено грунтовое захоронение с инвентарем: два сосуда (расписной и кухонный) и костяная пряжка. Материал не опубликован. Отчет А. И. Мелюковой хранится в архиве ИА АН СССР.

Из этого же села происходят пять сосудов усатовского типа (четыре столовых расписных и кухонный), которые передал в 1940 г. учитель А. А. Ширяев в Измаиль-

ский музей им. А. В. Суворова. Они добыты, очевидно, при кладонискательских раскопках кургана.

33(36). Усатово Беляевского района Одесской области. Западный берег Хаджибейского лимана.

Здесь с 1921 по 1969 гг. проводились раскопки древнего поселения, двух грунтовых и двух курганных могильников (всего исследовано 18 курганов).

Поселение Усатово — Большой Кузальник, см. стр. 14—18 настоящей работы.

I грунтовой могильник был почти совершенно уничтожен при добыче камня. Расчищены два погребения (оба покойника лежали скорченно на левом боку) с очень бедным инвентарем. Раскопки Одесского историко-археологического музея в 1936 г., см. СА, V. М.—Л., 1940, стр. 258—259.

II грунтовой могильник, см., стр. 44—47 настоящей работы.

I КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

Курган I—1, высота — 12,5 м, диаметр — 17 м. В центре — погребальная яма, перекрытая каменными плитами. Покойник лежал скорченно на спине, головой на СВ. Инвентарь: кухонный и расписной сосуды, медный кинжал, глиняная бусина. Неподалеку вскрыто парное погребение № 2 в яме, перекрытой камнем. Оба покойника лежали скорченно на спине, головами на В. Инвентарь: два кухонных сосуда, отщеп, раковина. Еще одно погребение (№ 3) обнаружено в перекрытой плитами яме неподалеку от погребения № 1. Покойник лежал скорченно на спине. Инвентарь: расписной и кухонный сосуды. На расстоянии 2,3 м к югу от погребения № 1 вскрыта культовая яма с двумя кухонными сосудами. Раскопки М. Ф. Болтенко и П. З. Рябкова в 1926 г. Отчет о раскопках, составленный Е. Ф. Лагодовской, хранится в архиве ИА АН УССР.

Курган I—2 раскопан М. Ф. Болтенко в 1929 г. Отчет не сохранился. В архиве ИА АН УССР хранится план кургана и зарисовки Е. Ф. Лагодовской, позволяющие судить о том, что центральным (внутри кромлеха) в кургане было детское погребение. При нем найден сосуд из отмученной глины. Под каменной выкладкой в ЮВ секторе обнаружена яма-кенотаф и в ней стилизованная глиняная статуэтка и два сосуда (столовый расписной и кухонный).

Курган I—3, высота 1,2 м, диаметр насыпи 31,5 м. В центре кургана обнаружена яма со ступеньками; на дне ее — погребение № 1 (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на СВ). Инвентарь: медные кинжал, шило и плоский топорик, три створки раковин, два сосуда (расписной и кухонный). Неподалеку от погребения № 1 обнаружен скелет, лежащий на древней поверхности под каменной плитой. Покойник сильно скорчен; он лежал на левом боку и был ориентирован на СВ. Инвентарь отсутствовал. В ЮЗ секторе было обнаружено сильно разрушенное погребение на древней поверхности под каменной плитой. Погребения были обнесены кромлехом из каменных плит. На двух плитах в ЮЗ секторе (в древности они стояли вертикально) обнаружены изображения: человек, олень и три лошади на большей плите, лошадь — на меньшей. Курганы исследовали в 1929 г. М. Ф. Болтенко и в 1937 г. Е. Ф. Лагодовская. Отчет Е. Ф. Лагодовской хранится в архиве ИА АН УССР.

Курган I—4, высота 1,24 м, диаметр насыпи 20 м. Под насыпью обнаружен кромлех из двух концентрических каменных колец. В центре его, на древней поверхности (под каменными плитами) обнаружено скорченное погребение № 4 (голова на В). Инвентарь: медное колечко, кухонный сосудик, янтарная бусина. Под каменными кладками в ЮЗ секторе найдены два сосуда, а между кромлехами лежал человеческий череп.

В ЮЗ секторе под каменной выкладкой обнаружено еще одно погребение № 2 (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на СВ). Инвентарь: четыре сосуда (один расписной столовый и три кухонных). В ЮЗ секторе кургана под каменной выкладкой в яме обнаружены два детских черепа (погребение № 3), а при них — четыре сосуда (один расписной, три кухонных), три костяных бусины и обломок костяного предмета. Основное погребение кургана (№ 1) было совершено в центральной яме. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. При нем был медный кинжал. Раскопки Одесского музея в 1929 и 1937 гг. Отчет хранится в архиве Института археологии АН УССР.

Курган I—5, высота 0,85 м, диаметр насыпи 20,5 м. В центральной части кургана, в яме под каменной плитой обнаружено расчищенное погребение без инвентаря. По-

гребенне обнесено кромлехом. Раскопки Одесского музея в 1937 г. Отчет хранится в архиве Института археологии АН СССР.

Курган I—6 сильно разрушен. Раскопана центральная часть. В яме под каменными плитами обнаружено погребение плохой сохранности (покойник лежал скорченно, головой на СВ). Инвентарь: три сосуда (две расписные чаши и кухонный горшок), шесть костяных орудий (четыре острия и два шила), медные кинжал и височное кольцо. Раскопки Е. Ф. Лагодовской в 1937 г. Отчет Е. Ф. Лагодовской хранится в архиве Института археологии АН УССР.

Курган I—7, высота 0,55 м, диаметр насыпи 23 м. К северо-западу от центра вскрыта грунтовая яма, перекрытая каменной плитой. В ней погребение № 1 (покойник лежал скорченно на левом боку). Инвентарь: кухонный сосудик и оселок из песчаника. В СВ секторе еще одно погребение (№ 2) — парное в яме, перекрытой каменными плитами. Покойники были похоронены скорченно, лицом друг к другу, головами на СВ. Инвентарь: два сосуда (столовый расписной и кухонный). В этом же секторе обнаружена яма-кенотаф с двумя сосудами (столовый расписной и кухонный). В ЮЗ секторе, в грунтовой яме обнаружено погребение № 4 (покойник похоронен скорченно на левом боку, головой на СВ). Инвентарь: два расписных сосуда и один кухонный, шесть костяных бусин и перламутровая. В ЮВ секторе обнаружена яма, перекрытая камнем. В ней погребение № 5 (костяк расчленен, череп отсутствовал). Инвентарь: ожерелье из просверленных зубов хищника, перламутровая бусина, раковина и медное шило. Раскопки Е. Ф. Лагодовской и А. М. Стронгина в 1938 г. Отчет Е. Ф. Лагодовской хранится в архиве Института археологии АН УССР.

Курган I—8, высота 0,28 м, диаметр насыпи — 15 м. В СВ секторе у края насыпи обнаружена грунтовая яма, перекрытая камнем, и в ней — погребение № 1 (покойник похоронен скорченно на спине, головой на СВ). Инвентарь: три кремневых отщепы и фрагмент кухонного сосуда. Рядом на древней поверхности, уже за пределами насыпи расчищен кромлех диаметром 5 м. В южной части кромлеха — небольшой разрыв. По краям его, под каменными плитами обнаружены две ямы. В одной из них (погребение № 2) покойник лежал скорченно на боку и был ориентирован на В. При нем найдены три сосуда (два кухонных и столовый расписной). Вторая яма (яма № 4) оказалась культовой. В ней — кухонный сосуд. В СЗ секторе кромлеха обнаружена еще одна яма, перекрытая каменными плитами. На дне ее сильно разрушенное погребение № 3 (покойник, видимо, лежал скорченно на левом боку). Инвентарь: два сосуда (кухонный и столовый расписной). В центре кромлеха, в яме под каменным перекрытием (яма № 5) обнаружено погребение. Покойник лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. Инвентарь: два сосуда (кухонный и столовый расписной). Раскопки Е. Ф. Лагодовской и А. М. Стронгина в 1938 г. Отчет Е. Ф. Лагодовской хранится в архиве Института археологии АН УССР.

Курган I—9, высота 1,7 м, диаметр насыпи 29 м. В кургане открыт кромлех, лежащий в древности на насыпи. В восточной части кромлеха, под его камнями, найдена голова быка, вытесанная из известняка. В ЮЗ секторе несколько плит в кромлехе были вкопаны вертикально. В центре кромлеха — яма перекрытая мощной каменной кладкой. Покойник лежал скорченно на спине, головой на В. На костях — следы охры; при погребенном — два отщепы и кусок охры. Остальной инвентарь, состоящий из медных кинжала, топора и шила, был помещен в специальную яму, вырытую в насыпи кургана у головы покойника. Раскопки Е. Ф. Лагодовской в 1939 г. Отчет Е. Ф. Лагодовской хранится в архиве Института археологии АН УССР.

Курган I—10, высота 0,25 м, диаметр насыпи — 15 м. От кромлеха сохранилось лишь несколько камней. В центре кургана открыта небольшая грунтовая яма, перекрытая камнем. В яме найдено лишь несколько фрагментов кухонного сосуда (яма № 2). В ЮЗ секторе, на расстоянии 3-х м от ямы № 2 обнаружена яма № 4, а в ней — несколько камней. Раскопки Е. Ф. Лагодовской в 1939 г. Отчет не сохранился.

Курган I—11, высота 2,1 м, диаметр насыпи 40 м. Под насыпью находился мощный кромлех диаметром 26 м, сложенный из пяти ярусов камней. В ЮЗ секторе кромлеха — три плиты, в древности стоящие вертикально. На одной из них — изображение лошади. В центре кургана на древней поверхности выявлено каменное куполообразное сооружение, составленное из 8,5 тыс. плит и камней. Сооружение было покрыто насыпью, обложенной «панцирем» из каменных плит.

Центральное погребение находилось в большой яме под каменным куполом. Оно разграблено несколько десятилетий тому назад. В ЮЗ секторе — яма № 3, перекрытая

плитой. В ней погребение (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на СВ). Инвентарь: расписной и кухонный сосуды, обломки еще нескольких кухонных сосудов, ожерелье из 33-х костяных бус, серебряное кольцо, медное шило. В ЮЗ секторе под камнями кромлеха вскрыто три культовых ямы. В каждой из них — по два кухонных сосуда. Раскопки Е. Ф. Лагодовской в 1940 г., см. О. Ф. Лагодовська. Розкопки Усатівського кургану I—II 1940 р.—НЗПА, кн. II. К., 1946, стр. 38—54.

Курган I—12, высота 0,88 м, диаметр насыпи — 11 м. Под насыпью открыт кромлех. В центре, под большой каменной закладкой вскрыта яма, а в ней — погребение (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на СВ). Инвентарь: два столовых расписных и два кухонных сосуда, медные кинжал, шило, долото и топор, серебряное кольцо, семь трапедий из кремня и кремневая пластинка, костяная бусина и зуб овцы.

В ЮЗ секторе под камнями кромлеха обнаружена яма (№ 2), а в ней — двойное погребение. Покойник, погребенный в верхней части ямы, лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. Инвентарь: один столовый расписной сосуд и шесть кухонных, медное шило, отщеп, семь костяных бусин. На дне ямы лежал еще один покойник (скорченно, на левом боку, головой на СВ). Инвентарь: три кухонных сосуда, трапедия, две костяных бусины, зуб овцы. В СЗ секторе кургана, под камнями кромлеха открыта яма № 3 и в ней — погребение (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на СВ). Инвентарь: пять кухонных и три расписных сосуда. Кроме погребальных, в кургане обнаружено четыре культовых ямы: № 4 (в ЮЗ секторе), здесь найдены фрагменты керамики, костяная бусина и кость овцы-козы; № 5 (в СВ секторе), инвентарь: кухонный сосуд типа кубка; № 6 (в ЮВ секторе), здесь найдены лишь обожженные камни; № 7 (в ЮВ секторе), выявлен лишь кухонный сосуд. Раскопки Э. Ф. Патоковой в 1960 г., см. Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12.—КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, стр. 102—121.

Курган I—13, диаметр насыпи — 29 м. Под насыпью обнаружен кромлех. В ЮЗ секторе под его камнями найдена верхняя часть (голова и шея) антропоморфного каменного изображения. В центре кургана под каменной закладкой обнаружена яма, а в ней парное погребение. Покойники лежали в скорченном положении, спинами друг к другу, головами на СВ. Инвентарь: два столовых расписных сосуда и кухонный, медные топор, долото и шило, 11 серебряных и медных колечек, трапедия, кремневая стрелка, 11 костяных пронизей и шесть бусин. Раскопки Э. Ф. Патоковой в 1961—1962 гг., см. Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана № 13 в 1961 г.—КСОГАМ за 1961 г. Одесса, 1963, стр. 12—16.

Курган I—14, высота 0,9 м, диаметр насыпи — 40 м. Курган сильно разрушен. Сохранилась южная половина мощного кромлеха, в ЮЗ секторе которого находились две каменные плиты, в древности стоявшие вертикально. Центральное погребение полностью разрушено. Собраны фрагменты двух расписных сосудов и нескольких кухонных, а также обломки медного кинжала и двух плоских топоров. Раскопки В. Г. Збе-новича в 1962 г. Отчет хранится в архиве Института археологии АН УССР.

Курган I—15, высота 0,28 м, диаметр насыпи — 16—23 м. В южной части кургана сохранился каменный кромлех. В ЮЗ секторе кургана, в центре кромлеха, под каменной закладкой обнаружена яма, а в ней — сильно разрушенный скелет, лежащий скорченно. Инвентарь: два кухонных сосуда. Неподалеку от этого захоронения, под камнями кромлеха вскрыта еще одна яма, на дне которой — фрагменты человеческих костей. Инвентарь: два кухонных сосуда и три медных пронизки. В ЮВ секторе под камнями кромлеха обнаружена культовая яма, а в ней — кухонный сосудик. В западной и восточной частях кромлеха, под его камнями обнаружено еще два кухонных сосуда. Раскопки Э. Ф. Патоковой в 1962 г., см. Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана I—15 в 1962 г.—КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, стр. 44—47.

II курганный могильник

Курган II—1, высота 0,55 м, диаметр насыпи 16 м. Под насыпью обнаружен кромлех, при расчистке камней которого найдены фрагменты нескольких кухонных сосудов и стилизованная антропоморфная статуэтка. В центре кургана вскрыта яма (№ 1), а на дне ее — погребение (покойник лежал скорченно на спине, головой на восток). Инвентарь состоял из роговой мотыжки. В ЮВ секторе под камнями кромлеха вскрыта яма (№ 2), оказавшаяся совершенно пустой. В этом же секторе, за пределами кромлеха находилась небольшая яма № 3, перекрытая каменной плитой. На дне ее — кухонный гор-

шочек. Рядом с ямой № 3 обнаружена яма (№ 4), перекрытая каменной закладкой. На дне ее выявлены обломки человеческого черепа и три кухонных сосуда. В ЮЗ секторе за пределами кромлеха вскрыты две ямы. В одной из них (яма № 5) найдены глиняная антропоморфная статуэтка и кухонный сосуд. В яме № 6 (перекрытой каменной плитой) найдены обломки бедренных костей человека и две расписных чаши. Раскопки Одесского историко-археологического музея в 1936 г., см. СА, № 5. М.—Л., 1940, стр. 240—245.

Курган II—2, высота 0,9 м, диаметр — 17 м. Под насылью обнаружен кромлех из двух concentрических каменных колец. В центре кургана под каменным перекрытием находилась яма со ступенчатым спуском, на дне которой обнаружено погребение № 1 (покойник лежал скорченно на спине, головой на В). Инвентарь: расписной и кухонный сосуды, 47 пронизей из зубов хищника, три медных височных кольца, костяная и пастовая бусины. Рядом с погребением № 1, на древней поверхности найдено безымянное погребение № 2 (покойник лежал в очень скорченном положении на левом боку, головой на ЮВ). В СЗ секторе под камнями кромлеха вскрыта яма № 3, в которой найдены расписной и два кухонных сосуда, а также кучка охры. Погребения здесь не было (кено-таф?). В СЗ секторе, под кромлехом, обнаружена еще одна яма без погребения (яма № 5). Здесь найдены кухонный сосуд и раковина. В СВ секторе, под камнями кромлеха вскрыта яма и в ней — остатки погребения № 4 (покойник лежал скорченно на левом боку, головой на В). Инвентарь: два расписных и два кухонных сосуда, медное шило, глиняное пряслице и глиняный предмет неизвестного назначения. В ЮЗ секторе под камнями кромлеха находилась культовая яма № 6, в которой обнаружены пять кухонных сосудов, голова быка, высеченная из камня, четыре глиняных статуэтки, три известковых бусины, пять коронок зубов человека. Раскопки Одесского историко-археологического музея в 1936 г., см. СА, № 5. М.—Л., 1940, стр. 245—257.

Курган II—3, высота — 0,65 м, диаметр насыпи — 27 м. В центре каменного кромлеха обнаружена большая закладка, а под ней — две грунтовых ямы. Одна из них оказалась пустой. Вторая, в свою очередь, состояла из двух ям, разделенных перегородкой из материковой глины. В одной из них (яма 2а) оказалось парное погребение (оба покойника лежали скорченно, головами на СВ; один — на спине, второй — на левом боку). Инвентарь: расписной сосуд с крышкой, два кухонных сосуда, шило, крючок и пронизка из кости, изделие из клыка кабана, 16 раковин. Во второй яме (яма 2б) также обнаружено парное погребение. Оба покойника лежали в скорченном положении на левом боку, головами на СВ. Инвентарь: три кремневых трапеции, медные топорик и колечко. В насыпи кургана при расчистке кромлеха найдено несколько кремневых орудий. Раскопки Е. Ф. Лаговой в 1933 г. Отчет хранится в архиве Института археологии АН УССР.

34(59). Утконосовка Измаильского района Одесской области. Западный берег оз. Катлабух.

При основных погребениях курганов № 2—5 (погребенные лежали скорченно на боку, головами на СВ) найдены сосуды усатовского типа; в одной из могил обнаружены медные кинжал и тесло, каменный точильный брусок. Скелеты окрашены охрой. Раскопки Н. М. Шмаглия в 1970 г., см. Н. М. Шмаглия, И. Т. Черняков, И. Л. Алексеева. Курганы Нижнего Подунавья.—АО за 1970 г. М., 1971, стр. 233—234.

35(60). Фолтешти, округ Галац, Румыния. Правый берег Прута. Поселение усатовского типа, см. стр. 18—22... настоящей работы.

36(45). Шабалат (ныне Садовое) Белгород-Днестровского района Одесской области. Черноморское побережье.

В кургане № 1 (раскопана его центральная часть) обнаружена грунтовая яма, перекрытая каменными плитами. В ней — окрашенный охрой скелет (покойник был похоронен в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ). Инвентарь: три расписных сосуда и ожерелье из раковин. Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1906 г., см. Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 21.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	— Археологічні дослідження на Україні
АИУ	— Археологические исследования на Украине
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВОКК	— Вісник Одеської комісії краєзнавства
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки русского археологического общества
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИАК	— Известия Археологической Комиссии
ИМФ	— Известия Молдавского филиала АН СССР
КДИМ	— Київський державний історичний музей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МАО	— Московское археологическое общество
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИА ЮЗ СССР и РНР	— Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
НЗПА	— Наукові записки Інституту історії і археології УРСР
СА	— Советская археология
AM	— <i>Archeologia Moldovei</i>
AJA	— <i>American Journal of Archaeology</i>
AS	— <i>Anatolian Studies</i>
ESA	— <i>Eurasia Septentrionalis antiqua</i>
ИВАИИ	— Известия на Българския Археологическия Институт
MCA	— <i>Materiale și cercetări arheologice</i>
PPS	— <i>Proceedings of Prehistoric Society</i>
SCIV	— <i>Studii și cercetări de istorie veche</i>
SMYA	— <i>Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja</i>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Поселения и могильники	11
<i>Глава II.</i> Изделия из камня, кости и металла	58
<i>Глава III.</i> Керамика	79
<i>Глава IV.</i> Хозяйство. Некоторые вопросы социальной организации и идеологии	111
<i>Глава V.</i> Периодизация и хронология памятников	131
<i>Глава VI.</i> Из истории позднетрипольских племен Северного Причерноморья	144
Заключение	163
Свод памятников усатовского типа	166
Список сокращений	174

ВЛАДИМИР ГЕЦЕЛЕВИЧ ЗВЕНОВИЧ

Поднітрипольське племена Северного Причорномор'я

*Печатается по постановлению ученого совета
Института археологии АН УССР*

*Редактор В. П. Лагодзкая
Художественный редактор С. П. Квитка
Оформление художника Н. Ф. Остапко
Технический редактор И. Н. Лукашенко
Корректор Я. Н. Вишневская*

Слано в набор 2.I 1974 г. Подписано к печати 17.V 1974 г.
БФ 02342, Зак. № 1143, Изд. № 57. Тираж 2500. Бумага № 1.
Формат 70×90^{1/16}. Печ. физ. листов 11,00. Услови. печ. листов 12,87.
Учетно-издат. листов 13,54. Цена 1 руб. 39 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, ул. Репина, 3.

Киевская книжная типография научной книги Республиканского производственного объединения «Подграфкинг» Госкомиздата УССР, Киев, ул. Репина, 4.